

уральский

следопыт

№12 *** 1982

Леонид Ильич БРЕЖНЕВ

**От Центрального Комитета
Коммунистической партии Советского Союза,
Президиума Верховного Совета СССР,
Совета Министров СССР**

Центральный Комитет Коммунистической партии Советского Союза, Президиум Верховного Совета СССР и Совет Министров СССР с глубокой скорбью извещают партию и весь советский народ, что 10 ноября 1982 года в 8 час. 30 мин. утра скоропостижно скончался Генеральный секретарь Центрального Комите-

та КПСС, Председатель Президиума Верховного Совета СССР Леонид Ильич БРЕЖНЕВ.

Имя Леонида Ильича Брежнева — верного продолжателя великого ленинского дела, пламенного борца за мир и коммунизм — будет всегда жить в сердцах советских людей и всего прогрессивного человечества.

СООБЩЕНИЕ О ПЛЕНУМЕ ЦЕНТРАЛЬНОГО КОМИТЕТА КОММУНИСТИЧЕСКОЙ ПАРТИИ СОВЕТСКОГО СОЮЗА

12 ноября 1982 года состоялся внеочередной Пленум Центрального Комитета КПСС.

По поручению Политбюро ЦК Пленум открыл и выступил с речью член Политбюро ЦК КПСС, секретарь ЦК КПСС тов. Андропов Ю. В.

В связи с кончиной Генерального секретаря ЦК КПСС, Председателя Президиума Верховного Совета СССР Л. И. Брежнева члены Пленума ЦК почтили память Леонида Ильича Брежнева минутой скорбного молчания.

Пленум ЦК отметил, что Коммунистическая партия, советский народ, все прогрессивное человечество понесли тяжелую утрату. Из жизни ушел выдающийся деятель Коммунистической партии, Советского государства, международно-коммунистического, рабочего и национально-освободительного движения, пламенный борец за мир.

Леонид Ильич Брежнев, находясь в рядах ленинской Коммунистической партии более 50 лет, из них 18 лет на посту ее руководителя, внес огромный вклад в укрепление монолитности ее рядов, политического, социально-экономического и оборонного могущества Советского Союза. Исключительно велика его роль в укреплении мира и международной безопасности. Имя Леонида Ильича Брежнева, с которым непосредственно связаны великие свершения в жизни нашей страны — индустриализация и коллективизация сельского хозяйства, историческая победа советского народа в Великой Отечественной войне, послевоенное восстановление народного хозяйства нашей Родины, исследование космоса, все успехи в развитии экономики, науки и куль-

туры Советского государства, навсегда вошло в историю Коммунистической партии Советского Союза, нашей великой Родины.

Участники Пленума ЦК выразили глубокое соболезнование родным и близким покойного.

Пленум ЦК рассмотрел вопрос об избрании Генерального секретаря ЦК КПСС.

По поручению Политбюро ЦК выступил с речью член Политбюро ЦК КПСС, секретарь ЦК КПСС тов. Черненко К. У. Он внес предложение избрать Генеральным секретарем ЦК КПСС тов. Андропова Ю. В.

Генеральным секретарем Центрального Комитета КПСС Пленум единогласно избрал тов. Андропова Юрия Владимировича.

Затем на Пленуме выступил Генеральный секретарь ЦК КПСС тов. Андропов Ю. В. Он выразил сердечную благодарность Пленуму ЦК за оказанное высокое доверие — избрание его на пост Генерального секретаря ЦК КПСС.

Тов. Андропов Ю. В. заверил Центральный Комитет КПСС, Коммунистическую партию, что приложит все свои силы, знания и жизненный опыт для успешного выполнения начертанной в решениях XXVI съезда КПСС программы коммунистического строительства, обеспечения преемственности в решении задач дальнейшего укрепления экономического и оборонного могущества СССР, повышения благосостояния советского народа, упрочения мира, в осуществлении всей ленинской внутренней и внешней политики, проводившейся при Л. И. Брежневе.

На этом Пленум закончил свою работу.

Редакционная коллегия:

Станислав МЕШАВКИН (главный редактор),
Муса ГАЛИ, Спартак КИПРИН, Владислав КРАПИВИН,
Юрий КУРОЧКИН, Давид ЛИВШИЦ (заместитель главного редактора),
Геннадий МАШКИН, Николай НИКОНОВ, Анатолий ПОЛЯКОВ,
Лев РУМЯНЦЕВ, Константин СКВОРЦОВ,
Владимир СТАРИКОВ (ответственный секретарь).

Художественный редактор Маргарита ГОРШКОВА.
Технический редактор Людмила БУДРИНА.
Корректор Майя БУРАНГУЛОВА.

На 1-й странице обложки — рис. Розы АТЛАС

Сдано в набор 30.08.82. НС 11469. Подписано к печати 22.10.82. Бумага 84×108¹/₁₆.
Бумажных листов 2,62. Печатных листов 8,8. Учетно-издательских листов 10,9.
Тираж 255 000. Заказ 421. Цена 40 коп.

Типография изд-ва «Уральский рабочий», г. Свердловск, проспект Ленина, 49.

© «Уральский следопыт» 1982 г.

«УРАЛЬСКИЙ СЛЕДОПЫТ»

№ 12 * * * 1982

ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
НАУЧНО-ПОПУЛЯРНЫЙ ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ
ЖУРНАЛ ДЛЯ ДЕТЕЙ
И ЮНОШЕСТВА

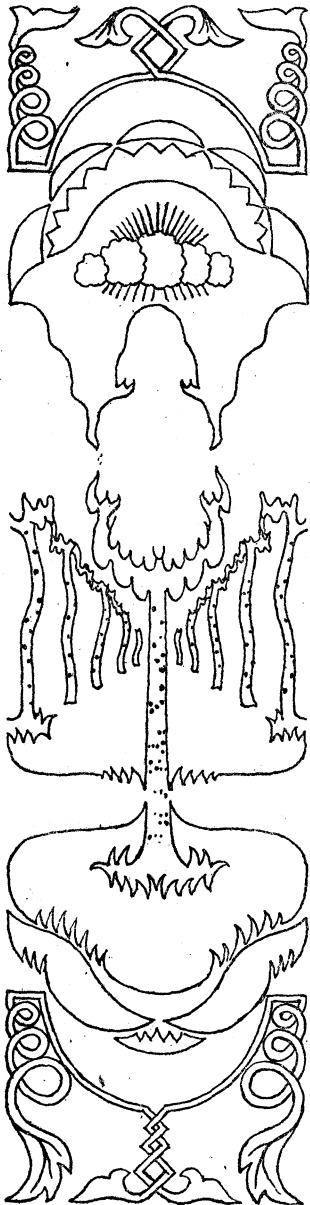
ОРГАН СОЮЗА ПИСАТЕЛЕЙ РСФСР,
СВЕРДЛОВСКОЙ ПИСАТЕЛЬСКОЙ
ОРГАНИЗАЦИИ

И СВЕРДЛОВСКОГО ОБКОМА ВЛКСМ

ИЗДАЕТСЯ С АПРЕЛЯ 1958 ГОДА
СВЕРДЛОВСК. СРЕДНЕ-УРАЛЬСКОЕ
КНИЖНОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО

60 СССР

ЛЕТА

Мы вправе гордиться своей многонациональной страной. На территории Советского Союза проживает свыше ста больших и малых народов, различных по языку, культуре, особенностям быта, но тесно связанных общностью исторических судеб и единым стремлением — построить коммунизм. В основу национальной политики советского социалистического государства положены ленинские принципы равноправия и добровольности союза наций. Это было подтверждено в Декларации об образовании Союза ССР на 1-м съезде Советов СССР 30 декабря 1922 года. «Уральский следопыт» — русский журнал — всегда с вниманием относился к развитию многонациональной советской литературы. А в год праздника — 60-летия СССР — мы регулярно, из номера в номер, давали слово поэтам — представителям разных народов нашей общей Родины. На страницах журнала были опубликованы стихи народов, населяющих Урал, — башкир, удмуртов, ненцев. Звучали стихи народов Закавказья,

Прибалтики, Средней Азии, Украины. В одном строю выступали и молодые поэты, и признанные мастера. И в этой подборке вы встретите известные имена и имена молодых, только начинающих свой поэтический путь. Особенность нынешней подборки и в том, что в ней, как во всей нашей жизни, на равных правах выступают поэты русские и поэты других национальностей. У Александра Твардовского есть стихотворение «Кружились белые березки...» Нам хотелось бы напомнить о нем читателям:

Кружились белые березки,
Платки, гармонь и огоньки.
И пели девочки-подростки
На берегу родной реки...
Гармонь играла с перебором,
Ходил по кругу хоровод.
А по реке в огнях, как город,
Бежал красавец пароход.
Веселый и разнообразный —
По всей реке, по всей стране —
Один большой справлялся праздник,
И петь о нем хотелось мне.
Петь, что от края и до края,
Во все концы, во все края,
Ты вся моя и вся родная
Большая родина моя.

Один большой справляем праздник!

Николай ЯЛУНИН

За селом на рассвете,
где светло от берез,
я спросил у России:
«Где ты счастье берешь?
Где берешь ты отвагу
и свою красоту,
соловьиные зори,
синих рек чистоту?»
Там, где ясное небо,
где колышется рожь,
я спросил у России:
«Где ты силы берешь?
Где берешь ты улыбку,
где — спокойную грусть?»
Расскажи мне, поведай,
солнцеликая Русь.
На меже у опушки
в голубой тишине,
за селом на рассвете
вдруг послышалось мне
в тихом шелесте нивы,
в легком звоне ветвей:
«Да от наших любимых
родных матерей».
Я домой возвратился
и у мамы спросил:
«Где взяла ты, родная,

столько жизненных сил,
столько нежности, ласки,
доброты и тепла,
что от глаз твоих ясных
вся Россия светла?»

Призадумалась мама,
поправляя платок,
и ответила тихо:
«У России, сыночек».

Михаил ШАНБАТУЕВ

Братство

Под небом, холодным и грустным,
Деля и нужду, и успех,
Служили татарин и русский,
Эстонец, калмык и узбек.
И русский, и рыжий, и черный,
Под грохот полярной волны,
Мы были, как в колосе зёрна,
Во всем безупречно равны.
Нас стужа одна обжигала,
Надежда вела нас одна,
Одна за спиной лежала
Согретая братством страна.

**Александр
ФИЛИППОВ**

Листва календаря

Прожит день...
И я порой не знаю:
Может, зря, а может быть — не зря,
Все равно невесело срываю
Отшумевший день с календаря.

Вот он тает,
Незаметно тает
И теряет постепенно вес.
С тихой тревогой облетают
Календарь мой
И осенний лес.

Ветер, ветер, не сори калёной,
Отшумевшею листвою, не сори!
...Ах, как быстро облетают клены,
А еще быстрее — календари.

**Сергей
КВИТКО**

Северная стройка

Ждалось апреля в феврале.
И в марте. И в конце апреля.
Трещали сосны коростелем.
И вьюжно было на земле.

Была работа горяча,
И не ждала она, работа,
Пока мошка набьет болота
И дождь запляшет, хохоча.

Работа веровала в бель.
И зимник звонок был и крепок.
И был завод, как сердца слепок.
А сердце верило в апрель.

И он пришел. Капелью — в двери.
Клубился пар. И грузный МАЗ
В грязи по ступицы увяз.
И так в февраль хотелось верить.

**Владимир
ДЕНИСОВ**

Не заставший былую войну,
плотнее укутаюсь в книги
и с надеждой
взгляну на страну,
на ее пробуксовки и сдвиги.

Телевизор, газеты, кино
мне глаголят печатно и устно:
кто-то выжал за двести кило,
кто-то сверху Земле улыбнулся.

И прекрасно, друзья, от любви
к нашей общей и гордой державе!
Эта гордость стоит на крови,
на великой, на дедовской славе...

**Андрей
КОМЛЕВ**

Катится поезд в зимнем Поволжье —
снегу по пояс,
ветры по-волчьи...
А под Октябрьском
с вечера на ночь
чинит вагоны Федор Иванович.

Там его крыша с краю поселка,
держит он телку и поросенка,
курит помалу, выпить не любит,
старшие дети —
замуж и в люди...

Был он солдатом, не был героем,
ранен в плечо под Херсонской горою,
в круглой жестянке прячет награды —
две «За отвагу»,
орден за Прагу...

Сам он еще не состарен годами,
да и хозяйка еще молодая! —
взяв на одиннадцать лет помоложе...

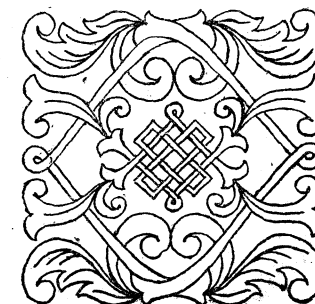
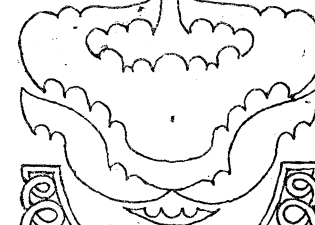
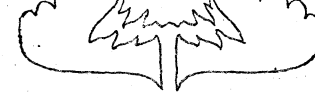
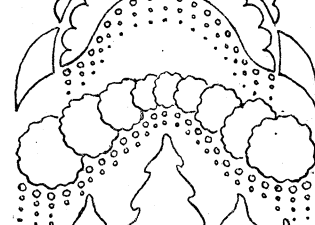
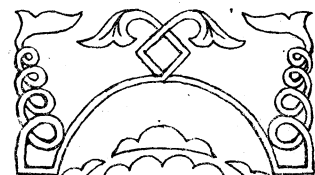
Но, расставаясь
с зимним Поволжьем
и горизонты переставляя,
поезд уходит —
даль столбовая.

**Тенти
АДЫШЕВА**

народный поэт Киргизии

Я весной на свет рождена,
Когда влагой земля набухла
И цветеньем садов наполняла
На сто верст всю округу она.
Я весной на свет рождена,
Когда майские грозы гремели
И от всходов поля зеленели,
Обещая обилье зерна.
Я весной на свет рождена,
Когда горы прохладой манили
И на зорьке скворцы гомонили
У раскрытого настежь окна.
Оттого с наступленьем весны
Наливаюсь я юною силой,
Кровь быстрее пульсирует в жилах,
И стихи вдохновенны полны.

**Павел
БОЦУ**

Я посажу оливу...

Я посажу оливу, и в земле
Как бы часы затикают. Проснется
Биенье жизни. В почве, в темной мгле,
Ростком зеленым дерево начнется.

Я посажу оливу. Поутру
Ее росой прохладною окатит,
Раскинувшую ветви на ветру,
Зеленым ярким пламенем охватит.

Я посажу оливу. Вместе с ней,
Одевшейся в зеленые одежды,
Пусть жизнь моя становится ясней,
Пусть крепнут в сердце робкие надежды.

Хоть знаю: не дожидаться мне плодов —
Оливе торопиться не пристало.
Рассчитанной на тысячи годов,
Зачем ей знать, что мне осталось мало...

Что из того? Пусть будет жизнь полна
И вдале устремлена и не бескрыла.
Дарила мне не ягоды она,
А радость ожидания дарила.

*Перевел с молдавского
В. Солоухин*

**Василий
ГАЛЮДКИН**

Девушка идет в море

Школа позади. Сданы экзамены.
Девушка уходит прачкой в море.
Кораблей гудки на время замерли.
В небе ярче загорелась зорька.
Чайки вьются и кричат негромко.
Не шумит начавшийся прилив.
Оттого, что в рейс идет девчонка,
Кажется, что замер весь залив!

**Нана
ГВИНЕПАДЗЕ**

Сила человека

Человек способен исцелять
И толпу голодную насытить,
Над садами щедро расстилать
Сине-голубой небесный ситец,
Посидеть с друзьями, покурить,
Сотворить, как чудо, век машинный
И в рывке летящем покорить
Самые высокие вершины!

Человек проходит над водой,
Невесомо в космосе витая,
И его высокой правотой
Всемогуща Родина святая.
Человек — он лепит сам себя
С верою неистовой и блеском —
К чудесам влечет его судьба
В мире современном и библейском.
Чуду служит он, презрев покой,
Став провидцем в поиске глубоком!
Человека, если он такой,
Не грешно назвать, наверно, богом.

*Перевел с грузинского
Глан Онанян*

**Александр
КЛЕНОВ**

После болезни

Счастливы я, что живет моя мама,
Что так свеж и певуч небосвод,
Что у дома спокойная Кама
Сквозь столетия воды несет.

Счастьем этим душа не напьется,
Видно, брат, долго жить суждено,
Ведь такое далекое солнце
Заглянуло впервые в окно.

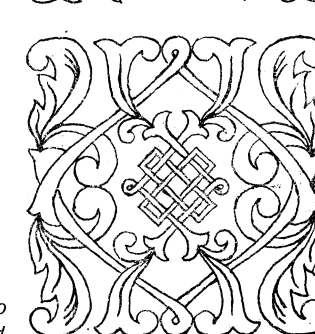
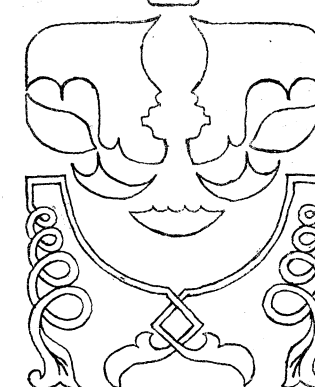
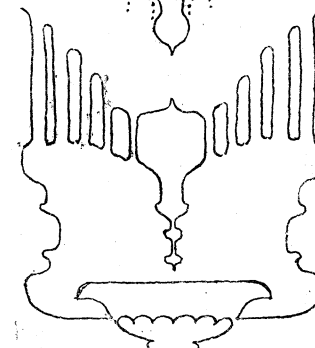
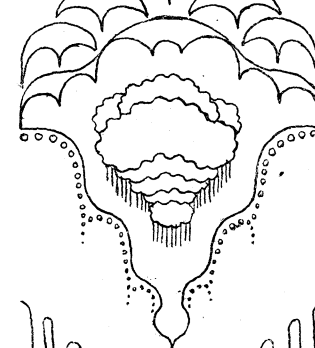
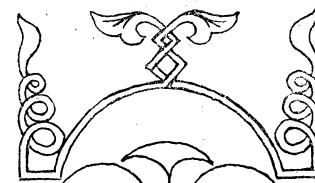
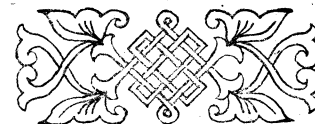
**Аманжол
ШАМКЕНОВ**

Советская дорога

Из «Иракских напевов»

Ранним утром вышли из Багдада,
Направляясь в сторону Тартара.
Почему же вдруг большая радость
В наши лица полыхнула жаром?
Посмотрев направо ненароком,
Мы от склона до другого склона
Новую увидели дорогу,
Вглядываться стали удивленно.
И тогда лишь стало нам известно:
Это наши молодцы здесь жили!
Это их труды, мой друг чудесный,
След неизгладимый проложили.
Как же можно промолчать поэту,
Не разлиться песнею широкой?
Я узнал, что путь-дорогу эту
Здесь зовут «Советскою дорогой».
Это деревцо на счастье людям
К звездам потянулось головою...
Знаю: рост его простым не будет,
Но оно оденется листвою...
Сам с собою говоря, как в сказке
(То ли будет, только дайте сроку!),
Улыбается мой друг арабский
И поглядывает на дорогу.
Он свой путь к сердцам грядущим ищет
И великой радости не прячет...
Доброго тебе пути, дружище,
Пламенного счастья и удачи!

*Перевел с казахского
Бронислав Кежун*

КНИГА-БОЕЦ

Пятьдесят лет назад журнал «Молодая гвардия» начал печатать произведение молодого, никому не известного автора Николая Островского — «Как закалялась сталь». Со страниц романа шагнул в жизнь и навсегда вошел в строй борцов его главный герой Павлик Корчагин.

«Как закалялась сталь» — книга о героике и романтике революции, гражданской войны, о мужественном поколении. Том поколения, которое штурмовало Зимний, шло под свист пуль по кронштадтскому льду и топкому дну Сиваша, мчалось на лихих тачанках. Со страниц романа встает эпоха, круто изменившая ход истории, эпоха победоносного начала новой жизни человечества.

«Как закалялась сталь» — книга-гимн мужеству, стойкости человека, негибаемой силе духа. Во всей мировой литературе трудно отыскать более яркий пример слитности автора и героя. За каждой строкой стоит честно и трудно прожитая жизнь («Физически потерял почти все, остались только непотухающая энергия молодости и страстное желание быть чем-нибудь полезным своей партии, своему классу», — пишет Островский в своей автобиографии), и оттого она, эта строка, врывается в душу читателя, будит, тревожит ее, зовет выходить на стremинину Времени, а не прятаться от житейских бурь.

Многочисленными тиражами издан роман Островского. Все новые поколения вступают в жизнь, беря себе в пример Павку Корчагина. Время не властно над ним. Сошедший с журнального листа, воплощенный в сценический и экранный образы, Павлик Корчагин стал знаменем, символом советской молодежи.

Павлик строил узкоколейку, без которой его родной городок был обречен на холод и голод.

Сотни бригад имени Корчагина возводили Магнитку, Днепрогэс, Уралмаш, без которых была бы немыслима индустриализация страны.

С томиком Островского шли в бой с фашистами, именем Корчагина назывались эскадрильи самолетов, танковые экипажи, фронтовые бригады, работающие в тылу.

Молодые корчагинцы осваивали целину, строят Атоммаш и транс-сибирскую магистраль...

Человек издавна ищет формулу счастья, смысл своего существования. Откройте в трудную минуту роман, вчитайтесь в то, во что свято верил и утверждал каждой клеточкой своего организма Николай Островский: гореть, а не тлеть, найти свое личное счастье в суровой и прекрасной борьбе за счастье всего народа!

В страстном утверждении жизни, жизни боевой, кипучей, ради светлых идеалов человечества — секрет вечной молодости романа «Как закалялась сталь».

● На западном склоне Уральского хребта, в непосредственной близости от водораздела, по которому проходит граница континентов, Европы и Азии, раскинулся город Первоуральск. Почему он так называется? Первый уральский — наводит на мысль, что он действительно первый на Урале, заложен раньше других городов? Нет, не за это город получил имя.

Первым на Урале статус города получило Верхотурье, заложенное русскими в 1598 году близ перевала через Уральский хребет. А Первоуральск титул города носит только с 1933 года. До этого он был рабочим поселком Шайтанским, а новое имя получил лишь в 1920 году.

В двадцатом году «шайтаны» начали катать трубы. Правда, не сразу дело пользой обернулось. Помогли уральцам опытные работники: инженер-механик Соловов, мастера трубного дела с Ижорского завода Василий Шихевич и Василий Герасимов.

Первая удача случаем вышла. Задали прощитую заготовку в валки обжимного стана — она не идет. Сосунов схватил кувалду, ударил раз, другой — остыла.

— Опять в печь, черти окающие! — возмутился Булычев. — До каких пор... Эй ты, телегент, слышь? — негодующий перст сварщика уперся в Герасимова. Булычев пренебрежительно называл «телегентом» всякого, кто прилично одевался.

Герасимов даже не обернулся. Словно его не касалось, в сторонке, возле ящика, промерял кронциркулем оправку. Взял очередную, замерил диаметр.

— А ну-ка, Петрович, вот эту оправочку поставь, — сказал он Федору Дунаеву.

Задали стакан в обжимной стан. Валки мягко захватили раскаленную заготовку. Она прошла через один ручей, второй, третий... Прокатчики, не ожидавшие успеха, оторопели.

ГОРОД У ГОРНОЙ ГРАНИЦЫ

Юрий
ДУНАЕВ

Прибежал Булычев, подолом рубахи пот утирает, а сам с клетки глаз не сводит. Герасимов его толкнул локтем в бок, улыбнулся: «Вот тебе и телегент!» Тот на радости обнимает Герасимова огромными, что мельничьи крылья, руками...

Горячекатаную трубу получить — большая победа, но это — полдела. Страна ждала дымогарные трубы. Их ведь в ту пору за золото не купишь. Разработкой технологии протяжки, конструированием стана занимался весь технический персонал завода — десять грамотных специалистов насчитывалось в тот период: директор Николай Никитич Чекасин, механик Михаил Александрович Соловов, Александр Евгеньевич Шестаков и другие. Ну и рабочие, что посмекалистей, к этому делу интерес имели: изготовили детали, смонтировали первый протяжной стан. Слабеньким был первенец, но и на нем уральцы сумели в июле двадцатого года изготовить первые дымогарные трубы.

Еще горячая от деформации труба, выгнувшись коромыслом, упала на направляющие. От нее сизыми зигзагами струился дымок. Народ сбегался: думали, пироги пекут — в то голодное время уральцы применили для смазки труб подсолнечное масло.

Не сразу удалось получить трубу нужного размера. Только после шестого прохода добились.

И понеслась по уральской земле радостная весть: в Шайтанском заводе трубы катают!

Поставили второй, более мощный, протяжной стан. Вместо масла приготовили мыльную эмульсию. И пошли с той поры уральские трубы для восстановления разрушенного войной народного хозяйства страны. Шайтанский завод стал родиной уральской трубной промышленности.

По просьбе заводчан Уральское бюро Высшего Совета народного хозяйства постановлением от 2 сентября 1920 года переименовало Шайтанский завод в Первый уральский завод цельнокатаных и цельнотянутых труб. От первых уральских труб получил новое имя и поселок при заводе. Исчезла с кар-

ты Урала Шайтанка. Появился Первоуральск.

В декабре 1982 года Первоуральску исполняется 250 лет. Биография его начинается с 1 декабря 1732 года, когда домы Шайтанского завода выдали первый чугун.

Глухим углом горнозаводского Урала считался Шайтанский железодельный завод. Но он остался в памяти многих людей России. Ученые, путешественники и все те, кто покушался на императорский трон, не миновали Шайтанку — через нее пролегал Московский тракт, дорога в каторжный сибирский край. Заводская плотина — единственная сохранившаяся со времен закладки достопримечательность города — помнит и удалого атамана Рыжанко, и пугачевского полковника Ивана Белобородова, и Радищева, и декабристов...

В годы социалистических пятилеток город заметно расширился. На склоне горы Караульной вырос завод огнеупоров. На восток от поселка вдоль Московского тракта раскинулся гигант трубной промышленности — Новотрубный завод, выдавший 13 сентября 1935 года первую горячую трубу. Реконструируется старый трубный, за ним — хромпиковый завод...

Грянула Великая Отечественная война. Первоуральцы вместе со всеми советскими людьми ковали победу над фашизмом в тылу. Многие из них выступили с оружием в руках на защиту завоеваний Октября. На предприятия города пришло более пяти тысяч жен и матерей фронтовиков. Беспредельный энтузиазм проявили первоуральцы в тылу. В Советском Союзе остались два трубопрокатных предприятия — оба в Первоуральске. Все другие оказались на территории, временно захваченной фашистами. За четыре суровых года войны прокатчики освоили выпуск 129 новых видов продукции. А объем производства увеличили более чем в три раза. Производство огнеупоров на динасовом заводе возросло в два раза.

Подвиг первоуральцев в тылу был высоко оценен Родиной. За успешное выполнение заданий Государственного Комитета Обороны коллектив Новотрубного завода был

награжден орденом Ленина, а позже — орденом Трудового Красного Знамени. Такой же награды был удостоен коллектив динасового завода — единственное предприятие по выпуску огнеупоров в военную пору. За образцовое выполнение заданий правительства по вводу мощностей в строй трест Трубстрой в 1943 году был награжден орденом Ленина...

После войны на Новотрубном заводе вступил в строй стан «160» по производству шарикоподшипниковых труб, затем был сооружен уникальный по мощности и конструкции стан «30-102», был освоен выпуск нержавеющей, электросварных, футерованных и других видов труб.

Сейчас цех, где были изготовлены первые на Урале трубы, производит за сутки столько труб, сколько их было изготовлено в 1920 году...

Сегодняшний Первоуральск — крупный промышленный центр. По выпуску валовой продукции, по численности населения он занимает четвертое место в области после Свердловска, Нижнего Тагила и Каменска-Уральского.

Продукция первоуральских предприятий завоевала признание на мировом рынке. Ежедневно с Новотрубного завода уходят железнодорожные составы с продукцией в самые различные города и республики Советского Союза, в сорок семь зарубежных стран.

По-современному выглядит старый по возрасту, но всемолодеющий город. Дворец культуры и техники Новотрубного завода, Дом культуры строителей. Рядом с металлургическим техникумом вырос Дворец спорта — крытый стадион с площадкой из искусственного льда...

Замечательной закалки люди живут в Первоуральске. Шестнадцать Золотых Звезд Героев Советского Союза прописаны в городе. Тринадцать первоуральцев — Герои Социалистического Труда.

За годы Советской власти заолустный Шайтанский железодельный завод стал крупнейшим центром уральской трубной промышленности, стал красивым современным городом.

Мне снятся

В зимнем чуме

«Га... га!.. Кара... а... а!..»

Это несется откуда-то с вышины, из-за туч. Поют песню прощания гаги, плачут песню прощания гаги. Темень, хоть глаз коли. Сумасшедший ветер, вот-вот полетят белые комары — снежинки. Укроют они белым, заячьим мехом землю, и уснет она до нового солнца. А нынешнее солнце отгуляло красным олененком на синем лугу, откочевало в южную сторону. Отчего же это доброе солнце, с такими теплыми руками-лучами, так мало гостит в нашей Ночной стороне?.. * Ведь так хорошо с солнцем! Оно растопляет, как жир, снег, звенит ручьями и реками, поет птицами, шевелится разными букашками. О солнце! — ты счастье! Летом люди сыты: в тайге столько всякого зверя и птиц, в речках и озерах плещутся малые и большие рыбины, растет столько вкусных кореньев, сладкого сока, ягод, грибов, шишек. Уходит солнце, уходит и лето, и вот, плача, плывут по небу лебеди. Им тоже горько, им не хочется расставаться с нашей землей, ведь это их родина...

Амарча выскочил из чума босиком вслед за бабушкой, матью его матери Эки, как все называют ее, и пытается что-нибудь рассмотреть в вышине. Но ничего не видно — одна темная мохнатая шкура. Даже дырок нет, где бы проглянули своими глазами звездочки.

— А где Хэглэн? ** Как же оно будет выпускать утро?

Все закрыто тучами. Скучно будет без солнца.

— Нацеловалось солнышко с нашей землей, — говорит слепой дед Бали. — Огненной лисой бегало солнышко с перевала и оставляло на прощание свои рыжие следы. Теперь ветрам есть работа, будут срывать

* Ночная сторона Земли — по-эвенкийски Север.

** Хэглэн — Полярная звезда. По мифологии — выпускает утро.

гаги

Повесть

Алитет
НЕМУШКИН

Рисунки
С. Сухова

листочки с деревьев, собирать их в кучи. Всеу свое время, без времени лист не упадет, скала не свалится. А время пришло — утесы сыплются... Откочевало солнце к другим людям, всем хочется тепла и счастья...

— Гаги, вернитесь! — кричит Амарча во всю глотку.

Одной рукой он поддерживает спадающие штаны, а другой кидает вверх, в темное, лохматое небо, щепотку соли, как учила бабушка. Она тоже рядом, что-то беззвучно шепчет, обратив лицо к уплывающим вместе с порывами ветра звукам.

— Хутэ*, — говорит потом она внуку, — брось еще немножко соли на дорогу священным птицам. Пусть их аргиш** будет счастливым. На будущий год они найдут свой след и принесут нам тепло и лето.

— Гаги, вернитесь! Вернитесь! — надрывается Амарча.

Ему так хочется, чтобы не уходило солнце, лето, не улетали птицы. Поэтому старается изо всех сил.

...В чуме тепло. Играет, попискивает, как ко-

мар, огонь. Яркими язычками он лижет бока черного чайника, блестит на жердинах чума. Хорошо, весело с огнем. Запищал птичкой чайник, запырнула лягушонком его крышка.

Есть загадка: черный пузатый мужичок воду повет, на огонь сядет, а затем, приподнимая шапку, поет и пляшет. Это — чайник. Амарча знает.

Сегодня они перешли из летнего, берестяного чума в зимний, сделанный из корья елей. Бабушка целый день ходила в лес за ветками пихты, стелила их под олени шкуры, чтобы теплее и мягче было, а потом опять утепляла чум сверху, а Амарча собирал ветки и хворост на дрова.

— Не стало мужских рук, — вздыхает она, — как перезимует-то... Корье-то уж какой год не обновлялось. Мох и тот не держит.

Бабушка наливает заваренный брусничником чай, кладет на столик эвенкийский хлеб, испеченный в золе, и маленький кусочек сахара.

— Пей, только осторожно, не обожгись...

«Как... а... а!.. Га... га!..» — опять донеслось с вышины.

— Хэ, родимые... полетели, — подняла голову бабушка.

Амарча тоже взглянул вверх. В конусное отверстие чума золотыми комарами вылетали искорки. Порывы холодного ветра подхватили их, кидали

* Хутэ — дитя мос.

** Аргиш — обоз из оленьих упряжек.

во все стороны. А где-то там плыли и плакали птицы.

— Эни*, отчего плачут птицы?

Бабушка уже привыкла к вопросам Амарчи. Растет внук, заметно подросток и окреп за лето. Смышленный стал, любознательный. На отца Кинку похожим будет, решает она.

Бабушка делает глоток, рукой поджигляя огонь, а потом неожиданно ошарашивает Амарчу. Она не отвечает, спрашивает сама:

— Опять у Вовки слезы выжимали! Зачем дразните, он же маленький.

— Ну да, маленький,— Амарча ловится за последние слова, стараясь увести разговор в сторону,— он почти выше меня.

— Ты на целое солнце старше его,— ругается бабушка,— а Петька совсем дурак, если обижает младшего. Мало его отец ремнем потчевал, хочет, чтобы совсем с задницы кожа слезла. Забыл он, как сидеть на ней не мог...

Что верно, то верно. Дядюшка Мирон крут. Однажды он так отстегал Петьку за курёнку, что самому стыдно было потом людям в глаза смотреть. Учительница при всем народе обидным словом его обозвала, с тех пор он не дерется.

Петька и Вовка Фарковы — друзья Амарчи. Вовка — по-эвенкийски Воло. Амарча не помнит, когда они появились в стойбище. Ему казалось, что они были всегда. Но люди помнят, что хозяином Госторга — дома, где принимают пушнину и за нее выдают муку, сахар, раньше был одноногий Иван Суханов. Он уехал, а вместо него приехал Мирон Фарков, отец Петьки и Вовки. Мрачным показался он, с усами, с вечно выпученными глазами, за что получил эвенкийское имя Бадялаки — лягушка. Да к тому же был хриплым. Опять все говорили, на войне в горло попала пуля. Из-за него, своего отца, разные прозвища получили и Петька с Вовкой. Страдал в основном младший Вовка, он очень походил глазами на своего отца. Ему досталось прозвище отца — Бадялакткан, лягушонок...

— Я его не дразнил,— глядя на огонь, говорит Амарча.

— А что бегал-то?

Это правда. Убегал он от Вовки.

На самом берегу речки, недалеко от Госторга, стоит баня, в которой даже летом любят хлестать себя вежками русские — отец Петьки и Вовки, сторож Трифонов, радист Инешин. У бани и собираются ребята. Там, в стороне от глаз, играют в бабки, в лапту, палочки-застукалочки, в килакавун**. Летом бывали шумные игры. Сейчас, когда поубавилось ребятишек, не игра, а так...

Днем Петька с Митькой вернулись из школы, собрались опять около бани. Сидели, на солнышке грелись, а потом вспомнили про бабки. Поста-

вили кон, и Петька первым метнул битку. Биток у Петьки из свинчатки. Вовка стоял рядом с чертой, где выстроились караваном бабки, и случайно, с отскоку, биток угодил ему в ногу. Вовка взвизгнул, схватил биток и бросил его в речку. С этого и началось.

— Ты что, лягушонок, по морде захотел?! — двинулся к нему Петька.— Я нарочно, что ли?!

У Вовки глаза забегали по сторонам — искал палку. Это у него бывало раньше. Потом он этой палкой всех гонял.

Ребята захихикали — подзадорили Вовку. Он захныкал, увидел около бани поленья и кинулся туда. Ребятишки бросились собирать свои бабки. Сейчас будет представление! Вовка гонялся с воем за всеми, ребятишки, убегая, показывали ему языки, корчили рожи, дразнили. Окончательно разъярить Вовку не дала бабушка Эки. Она вышла из чума с берестяным тазиком и стала ругаться. А Вовка хитрый. Бегаёт за ребятишками с полешком, а сам поглядывает по сторонам: не видно ли кого, не заступятся ли? При этом орет благим матом. Кончалось тем, что попадало всегда Петьке. Открывалось окно Госторга и высовывалась лохматая голова отца, дядюшки Мирона, и раздавался пронзительный свист. Так, не засовывая пальцев в рот, умел свистеть только он.

На бегу замирал Петька, да и остальные ребятишки старались спрятаться кто куда. Но других дядюшка Мирон не трогал, а вот Петьке попадало даже тогда, когда кругом был виноват Вовка.

«Вспомнила», — подумал Амарча и стал сильно дуть на чай.

«Га... Га!..» — опять послышалось издали.

— К снегу,— сказала бабушка,— лебеди и журавли самые поздние птицы. Какими будут нынче осень и зима? По приметам люто будет. Добудут ли чего наши? Не растерял ли Ургунчэ олений...

— Эни, а почему не улетают рябчики и глухари? — заинтересовался Амарча.

— А ты почему не сходишь к дедушке Бали? Разве он все сказки рассказал?

— Нет, про рябчиков и глухарей он не рассказывал.

— А ты спроси. Отчего, мол, у глухарей глаза красные? Отчего, мол, у рябчиков мясо белое? Отчего, мол, плачут птицы? Он знает...

Действительно, отчего? Амарча знает, почему у бурундучка спина стала полосатая. Это погладил его Амака — дедушка Медведь, за то что он принес добрые вести о богатом урожае шишек в кедровом лесу. Знает и про волков, про россомах, про лис, про зайцев. Много сказок у дедушки Бали, а вот про птиц почему-то не рассказывал.

Амарча глядит на пламя. Можно вечно смотреть в глаза огню — не надоест. Потрескивают сухие дрова — проголодался огонь. Много, ох много дров надо будет на долгие зимние вечера.

* Эни — мама.

** Килакавун — травяной хоккей.

Эх, война, война...

Не ожидало и почему-то не чуяло сердце бабушки Эки, что так скоро кончится ее счастье. Сытое счастье было, вот и стало беспечным, позже говорила она.

Как покойно было на душе в то последнее предвоенное лето. В чуме достаток — еды хватало, одежды накупили. Все дети обзавелись своими чумами, в них копошились внуки и внучки, и у Кинкэ родился сын. Вот радость-то! Долго его ждали, три года Мэмирик не могла затяжелеть, думали, она ванггай*, но, к счастью, ошиблись. Пусть будет мальчишке имя Амарча, будет тезкой Бали, неплохой он человек.

В стойбище Суриinne уже было несколько избушек, и самая главная из них — кочевой Совет. Красная материя всегда висела над ней. Поэтому, а может, оттого что самым большим начальником — председателем — был Кинкэ, этот домик казался бабушке Эки самым красивым. После отела оленей, когда они со стариком прикочевывали к стойбищу, или, как теперь называют, к фактории, бабушка Эки сама показывала место, где раскинуть чум — рядом с кочевым Советом. Не осудят — поближе к сыну.

Стояла самая макушка лета, месяц Иркин** — месяц обдирания кожицы с рогов оленей. Палило солнце, гудел овод, тучами звенело комарье. В такое время можно и в чуме полежать, веками так заведено. Да разве улежишь в чуме, когда столько народу собралось. Надо сходить в гости, поговорить о жите-бытье, развести дымокуры, присмотреть за голозадыми ребятишками, чтобы не съели их пауты и комары. Да мало ли дел. И главное, надо дожидаться илимок с грузами, их должны притащить русские.

Первыми всполошились собаки, забегали олени, а потом раздались крики:

— Плывут! Плывут!

Все высыпали на берег речки. Шумно стало, крики, смех.

Русские мужики и даже молоденькие ребята, все в рваной одежде, в разбитых ичигах, устало тянули на длинной веревке большую, затонувшую по самые борта лодку.

— Эх-хэ, бедняги, вот тоже работа... — почувствовал кто-то.

— Ээ, — согласилось несколько голосов.

— Наши мужики не выдюжили бы!

— Точно. Не умеют так, как русские.

— Воспитывают их так, поэтому они сильные, как кони.

— Вон разве только Костакэ сдюжил бы, он американа борет, — раздался громкий смех.

Огромный, как медведь, Костакэ частенько

был предметом шуток. Ни один верховой олень не мог поднять его, все время пешком приходилось кочевать.

Между тем русские подошли, некоторые были знакомы.

— О, Аркашка!

— Мишка! — полезли жать им руки.

Один из русских, незнакомый, видно, главный среди них, поднял руку:

— Товарищи, прошу тишины. Кто здесь Кинкэ Хэйкогир?

— Здесь, здесь, — вытолкнули Кинку.

— Надо собрать митинг. Я Логинов, бригадир, партиец.

Откуда-то вынырнул Мада:

— Дорова! Ты моя мордам знаешь, — сказал он по-русски.

Кто понял, засмеялись, а Логинов как-то печально улыбнулся.

— Познакомимся еще... А сейчас, товарищи, надо провести митинг. Уже три недели, как идет война...

Бабушка Эки не помнит, что потом было. Что-то говорил Логинов, держал слово Кинкэ, еще кто-то. В голос ревели русские бабы, потом завывли и наши. Принесли из кочевого Совета стол и в три руки записывали добровольцев...

На этой же илимке через два дня уплыли молодые парни и мужчины. Уплыли Кумонда, Кутуй и Кинкэ.

— Эни, береги Мэми и сына. Пусть Амарча постигает язык грамоты, светлей будет жизненная дорога... — таков был наказ Кинки.

А потом были бумажки... Плакала, горько плакала бабушка Эки втихомолку, чтобы никто не видел и не слышал, а когда пришла последняя, на Кинкэ, она уже не могла плакать. Старик, тихий Колокон, встретил эту весть как подобает мужчине. Письмо получили зимой, когда приезжали за мукой. Прочитать попросили Ганьчу Лантогира, подростка. Ганьча прочел по-русски и отвернулся. Ни слова не обронил Колокон. Набил махоркой трубку, подцепил палочкой уголек из костра, раскурил. Потом, запрокинув к конусному отверстию чума исхудалое, пожелтевшее лицо, обросшее редкими волосами, долго смотрел. Уста-ло встал и тихо проговорил:

— Снег будет, аргинить надо.

А сердце бабушки Эки будто остановилось. Она упала на шкуру, как неживая. Хотела плакать, а не могла.

Пулей вылетел Ганьча из чума и закричал:

— Бабушка Эки умирает!

Прибежали люди. Лицо бабушки Эки без кровинки, как выделанная ровдуга.

— Поплачь, Эки, поплачь, — уговаривали ее, но она молчала и лишь потом, когда кто-то догадался дать ей чаю, она зашептала:

— Хутэей-хутэей***! Зачем ты ушел прежде меня, солнышко мое, зачем ты закатилось...

* Ванггай — яловая важенка.

** Иркин соответствует июлю.

*** Хутэей-хутэей — о, сыночек, о сыночек.

— Поплачь, Эки...

— Харги, Харги *! — вдруг закричала она. — Проклинаю тебя. Подавись людской кровью! Ушедшие люди! Зачем вам нужны были мои дети? Возьмите меня. Почему меня не берете, а?

Жутко стало людям. Нельзя так, нельзя вслух проклинать Злого духа и нижних людей. Горе надо переносить молча, пусть даже это смерть сына. Лучше сделай вид, что не сильно огорчен, так можно даже обмануть Злого духа. Так испокон веков было.

— Эки, молчи, побойся, услышит... — уговаривали ее с испуганными лицами.

— Пусть слышит! Не боюсь я его!.. Не боюсь! Слышишь, Харги, черная твоя кровь?!

«Ладно ли с ней? Не кружит ли умом?» — думали люди.

Позже, когда не стало тихого, добычливого охотника Колокона, поползли слухи:

— Услыхал, услышал Харги.

Но бабушка Эки опять проклонила Злого духа, не плакала, и тогда просто решили: странной она стала. Остались в живых две дочери, младшая Сарта и старшая — шаманка Сынкоик. Сарта с мужем Ургунчей были в артели, а Сынкоик еще до войны вышла замуж за Дапамкэя, охотника лантогирского рода, и подались они в тайгу, на речку Куту, к осколкам кондогирских и бирагирских родов.

Туда же сбегали из артелей и другие люди, не поладившие с законами новой жизни. Кочевали они на стыке двух районов. Пушнину после промысла привозили они то в один район, то в другой. Где выгоднее.

На Куте, в стойбище Кондогиров и Бирагиров, обрела свое могущество дочь Эки — Сынкоик. В разговорах бабушка Эки никогда не вспоминала о ней, словно ее и не было. Люди дивились, как же так, осталась, можно сказать, трухлявым пнем, с жиденьким сучочком — внуком Амарчей — и не уедет к Сынкоик, на Куту. Там-то легче прожить. Не умирать же с голоду, коли не осталось кормильцев? Ее бы никто не осудил, так нет, она даже зубы показывает, не хочет отдать Амарчу. Было бы чем кусаться. Из колена в колена так заведено: остался малыш без отца и без матери — кормят родственники.

Один случай для маленького Амарчи был первой, самой яркой картиной в памяти. Когда он вспоминает о матери Мэмирик, ему сразу видится тот вроде бы уже давний морозный день. В ту зиму пришло известие о гибели Кинка, отца Амарчи. Плакала мать, лежа на шкурах, укутая облезлым заячьим одеялом. Вокруг огня сидели тетя Сынкоик, ее муж Дапамкэй. Бабушки не было, она куда-то отлучилась из стойбища.

Амарча проснулся от плача матери.

— Сердце мое чуяло, что неладно у вас, —

говорила тетя Сынкоик, потягивая длинную трубку. — Хорошо, что повернули на Суринне. Волки нас одолевают, всех оленей разогнали. — Она сплонула в пепел рядом с костром, засыпала землей свой плевок. — Я поднимала свой бубен, призывала всех духов помочь в беде, но, видно, много накопилось грехов: духи, они не в силах побороть беды и саму смерть... Слишком эвенки стали забывать законы предков.

Мать опять заплакала. Начало растягиваться в плаче лицо Амарчи.

— Хутэй! — потянулася к головке Амарчи рука Сынкоик. — Не плачь. Посмотри, каких гостинцев мы тебе привезли. Кэ, посмотри...

Дапамкэй подал ей турсук, и она стала развязывать ремешки.

— На! — она подала глухариную ножку. — Съешь, потом будем пить чай, с сахаром. Ты любишь этот белый камень?

— Хэ, — повеселели глаза Амарчи. Кто же не любит сахар? Возьмешь кусочек в рот, размочишь его слюной, и липкая сладость наполнит всю душу. Он бывает только в Госторге, но сейчас что-то не видно. У Амарчи глаза разбежались от всякого добра. Он хватал мясо, тянулся к хлебу.

— Хо, родимый, как наголодался. А худой-то, весь светится. Ох, беда, беда...

В Суринне ни у кого не осталось ни муки, ни мяса. Варили старые кости оленей и лосей, бывшие уже в употреблении. Обухом топора разбивали их, опускали в котел с водой и кипятили, а потом пили жидкий навар. Как в старые времена, делали костяную и рыбную муку, этим и спасались.

Мать все плакала и стонала.

— Проклятая, собачья жизнь! — со слезами сказала она. — Эки что мне скажет?

— Мы же на время его возьмем. Умрет с голоду здесь. Да и вам всем надо ехать, но разве мать уговоришь. Она совсем помешалась на интернатах да школах, — ответила Сынкоик. — Подумай о сыне. Амарча — кровь моего брата Кинкэ.

Мать заплакала громче.

— Перестань, а то еще накличешь новые беды... Давай лучше оденем Амарчу. — И Сынкоик вытащила из другого турсука маленькую оленью парку, длинные детские гурумы — унтыки. Какая красота! Заулыбался Амарча, посветлело лицо матери.

— Ну, нам пора в путь!

Все зашевелилось. Громко заплакала Мэмирик. Что-то тревожное, испуганное мелькнуло в глазах Амарчи. Заплакал и он. Тетя Сынкоик стала успокаивать Мэмирик, сунула в рот Амарче кусочек сахару. Липкая сладость немного успокоила мальчика. Захлопала, словно птица крылом, лосиная дверь — начали выходить на мороз. Дядя Дапамкэй вынес Амарчу и посадил в сани. Привязали, чтоб не упал, и тронули оленей. С новой силой заголосила Мэмирик, проклонила духов.

* Харги — злой дух.

Распахнулась дверь, и она, растрепанная, выползла на снег. С головы ручьем сбегали черные волосы, лицо было искривлено в плаче. Добрый дух, боже, где ты?!

Испуганно закричал Амарча. Сыноккик что-то резкое бросила Мэмирик, и весь аргиш заскрипел на снегу, тронулся без дороги к ближнему лесу. Так и запомнилась мать, Мэми: лежащая на снегу, с космой черных волос, с искривленным в плаче лицом...

Красивая была Мэми, но и ее дорога на этом свете была короткой. У Сыноккик и Дапамкэя не было своих детей, и они взяли Амарчу на воспитание.

Вернулась бабушка Эки. Пустой, холодный чум. Говорят, белее снега стало ее лицо. Мэмирик лежала в другом чуме, кашляла, задыхалась. Бабушка запрыгала оленей и, никому не сказав ни слова, умчалась вслед за Сыноккик.

Три дня, люди рассказывали, догоняла она аргиш. Они сильно ругались, поминая всех родственников, добрых и злых духов, насмерть рассорились, но не отдала бабушка Амарчу своей дочери.

— Подрастет Амарча, — говорила она, — я отдам его в интернат учиться. Не вечно будет война. Люди говорят, что уже одолевают разбойников. Кинкэ был умнее всех вас, он видел дальше. Он всегда хотел, чтобы дети постигали язык бумаги. Лучше умру, лучше убейте меня, но Амарча будет учиться. К старому возврата больше не будет. Это не только Кинкэ, но и я поняла...

Прошедшим летом в Суринне опять приезжали гости из Куты. Все они были в старинных эвенкийских нарядах, навезли много подарков. Приехала и Сыноккик с мужем. С матерью разговаривала так, словно между ними ничего не произошло. Гости высматривали невест. За войну осталось много вдов, подросли девочки, вот и приехали сваты. Чумы свои они раскинули на мысу озера. От Суринне совсем близко, видны дымы костров. Веселее стало в стойбище. Вечерами стали водить хороводный танец ехорье. А здесь уже забыли его. До веселья ли, когда в каждом чуме горе.

Гости покупали богатые товары, муку мешками, белый сахар, пахучий табак.

— Вот кого сейчас раскулачивать, — говорил им прямо в лицо Мирон Фарков, — прямо зло берет. Наели хари за войну-то... Тут рядом артельщики с голоду пухнут, а они невест приехали высматривать. Совсем как при царизме.

— Не имеешь права, — отвечали те, — прошли времена.

— То-то и оно что прошли. Совесть вы потяряли...

К прилавку, за которым стоял Мирон Фарков, протиснулись Дапамкэя с Ганьчей, секретарем

кочевого Совета. Ганьча Лантогир — молодой парень, самоуверенный. Шибко грамотный, учился в районном центре. Ни у кого в стойбище не было такого красивого почерка, как у Ганьчи. К буквам он умел приделывать различные закорючки, и его письмо получалось узорчатым, как следы голодной белки. Многие полагали, что за это его избрали секретарем. В последнее время, с тех пор как весной завезли несколько бочек спирта, Ганьчу часто видят под хмельком.

— Клади мне муки, сахар, табак, спички... — начал Дапамкэя.

— Спирта, — подсказал Ганьча.

— Спирта... — подхватил Дапамкэя, сверкнув узкими глазами.

Мирон молча начал ворочать кули с мукой.

— Что хочешь бери, дядя Дапамкэя! — громко говорил Ганьча, минутно убирая со лба космы свалывшихся нестриженных волос. — Слышишь, бери, что душа желает! Я — начальник!.. — а потом, видно подражая кому-то, обратился к пушнику:

— Минуточку... Минуточку, Мирон Захарович, я говорю, центнер давай! Центнер!

— Не кричи, Ганьча, не видишь, сахар нужно отпустить.

Но Ганьча не слушал его.

— Минуточку! Минуточку, Мирон Захарович! Ломаный мешок. А кто, спрашивается, ломал мешок?! Форменное разобразие! — кривлялся Ганьча, поглядывая на Дапамкэя и Сыноккик, которая сидела на корточках у окна и курила трубку.

Крик был пустой, с Ганьчей все равно никто не считался, но он продолжал изображать из себя начальника:

— Надо акт! Оформляй! Принесешь кочсовет! Правильно я говорю?..

Наконец покушки были уложены в турсуки, упакованы, а Дапамкэя тянул с отъездом. Он уже несколько раз заскакивал в чум Ганьчи и выбегал оттуда весь потный и лоснящийся.

— С Ганьчей пьешь? — строго спросила Сыноккик.

— С начальником можно. Он хорошо нам помог, вон сколько добра набрали. Обещает мне ружье достать.

...В чуме Сыноккик собрались пожилые люди стойбища. Приходили и степенно садились по кругу. Тихо переговаривались. Пришел пьяный Ганьча, за ним, опираясь на посох, в чум влезла его мать, Буркаик. Дапамкэя показал рукой Ганьче и его матери на малу — почетное место — и шикнул на Амарчу и Воло: «Чивире!»*.

Ребятишки замерли, как мыши. Догадались, сегодня будет камлање.

— Не будет ли ветра? — произнесла старая

* Чивире — тихо.

Буркаик, крихтя и удобнее усаживаясь на кумлане — оленьем коврик. На ней был летний зипун из черного сукна с медными блестящими пуговицами. Длинные седые волосы перевязаны через лоб белым платком.

— Зайцу и гагаре ветер не помеха, — загадочно отвечал ей Дапамкэй. На нем был нагрудник из дорогого синего материала, опушенный шерстью кабарожки; нечесанные волосы уложены в один пучок, отчего он сильно походил на рисуночного китайского божка.

Чтобы не попадаться никому на глаза, Амарча и Вовка втиснулись к самым основаниям жердей чума и укрылись суконным зипуном. Лежали не шелохнувшись, стараясь даже не дышать. Скоро уйдет солнце, и Сынкоик поднимет бубен. Она должна побывать в верхних и нижних мирах, поговорить с духами и узнать у них, куда девались у Ганьчи Лантогира деньги.

Неужели у него их украли? У нас никогда не воровали. Неужто люди стали другими и научились воровать? Среди тех денег была и доля бабушки Амарчи за убитого на фронте Кинкэ. Многим вдовам, сиротам приходило пособие. И вдруг, оказывается, эти деньги пропали.

За глаза говорили, что Ганьча их пропил. Это было похоже на правду: Ганьчу видели все — частенько он ходил пьяный. А может, и вправду потерял? Разве не бывает такого? Но сегодня должно выясниться: Сынкоик, могущественная шаманка Кондогиров и Бирагиров, будет говорить с духами. Скоро она наденет шаманский костюм, зазвенит бубен, и мугдэнэ — деревянное изображение божка — шепнет ей, где искать деньги.

Старики рассказывали, что главным в шаманском наряде является гикивун — колотушка. Его изготавливают самые умелые мастера. Для колотушки нужна кость ушедшего навсегда зверя Хэли — мамонта — либо расщепленное молнией дерево. Широкая нижняя часть колотушки обтягивается медвежьей шкурой и частью шкурки с рогов оленей. Это — для поисков душ при камлании. Тыльная часть остается открытой. На конце колотушки — изображения головы человека и гагары — духов, помощников шамана в его крылатой кочевке в другие миры. Они, эти духи, нашептывают шаману увиденное в верхних и нижних мирах, советуют, как и что сказать людям, какое принять решение.

Бубен тоже изображает голову. У бубна есть глаза и уши. Он видит и слышит, он помогает шаману передвигаться в мирах, потому на его наружной стороне изображена вселенная — солнце, месяц, земля. Голова... голова — главное в деле шамана! И бубен — голова!..

Костюм же — название рода. Его изготавливают только из шкур диких оленей, кабарожек, но иногда и из шкуры медведя, затем обшивают ровдужной бахромой. К костюму сухожилиями при-

шиваются медные пластинки — изображения различных духов, изображения солнца и месяца.

Амарча вздрогнул от неожиданного дикого крика Дапамкэй:

— Кы... ых! Кы... ых! Кы...ы...хх!..

Махая руками, приподнимаясь со шкуры, Дапамкэй голосом гагары извещал о наступлении полночи, вершины дня и ночи. Откинулась с шумом берестяная дверца чума, и вошла тетка Сынкоик. Внезапно подпрыгнув, незнакомым голосом крикнула:

— Бо!..

— Бо! — дружно закричали сидящие люди. Должно быть, эти крики напугали лес, стойбище. Не стало слышно ни лая собак, ни щелканья ног бегающих оленей. Сынкоик взмахнула рукой и ударила в бубен. На этот раз было что-то страшное, таинственное. В эти минуты Амарча и все люди верили Сынкоик. Ни один человек не мог усомниться в ее силе. Взмах — и людям казалось, что тенью пролетела огромная птица Кэре — Ворон. Сынкоик превращается в птицу, с которой найдет общий язык и слетает в неведомые дали.

Опять гулкой, громкой дробью зарокотал бубен.

Сынкоик вновь подпрыгнула, зазвенели пластинки, и она, прикрыв рукавом лицо, заговорила что-то непонятное. В паузах между шепотом и горловатым пением, пронзающим сердце, Дапамкэй кричал:

— Бо!..

Люди дружно подхватывали:

— Бо!

Сынкоик махнула рукой, и огонь мгновенно вспыхнул, словно кто туда подбросил порох. Вскрикнули люди, шарахнулись в стороны. Дядя Дапамкэй, верный ее помощник, бросил в огонь пахучих трав, запахло багульником, жимолостью. Амарча неожиданно чихнул, и тут Сынкоик замерла, как будто натолкнулась на какое-то препятствие, застыла в полусогнутой позе.

Наступила гнетущая тишина. У Амарчи сердце ушло в пятки: не из-за него ли? Не помешал ли случай? Но Сынкоик выпрямилась и, подражая клетоту орла и крику ворона, затряслась всем телом. Звенели и стукались медные пластинки, как гугары на шеях оленей, — то говорили духи. Наступило бредовое состояние — душа Сынкоик уже витала где-то там... Так и должно быть. Только так можно найти общий язык с духами. Сынкоик неистово колотила по бубну, трясла головой, распущенными космами темных волос, изо рта текла пена. С открытым ртом и дрожащими губами ошалело смотрел Дапамкэй. Протрезвевший Ганьча был похож на Ивуля-дурачка. Лишь старуха Буркаик старалась сохранить достоинство и спокойствие. На своем веку она видела немало камланий, знала великих шаманов, умевших даже глотать каленые угли и бегавших на

лыжах по воде — на другую сторону реки. Сынкойк упала в изнеможении на шкуру и зачихала.

— Кы... ых! Кы... ых! — снова дико закричал Дапамкэй. Подражать гагаре он умел. — Кых! Кы... ых! — Казалось, и он хотел превратиться в птицу. Потом дядюшка стал куковать, извещать о наступлении нового дня. Лежала без движений, с закрытыми глазами Сынкойк, не смели поднять головы люди.

Но вот зашевелилась нога шаманки, она человечески кашлянула, застонала. Очнулись от оцепенения люди. Старуха Буркаик стала поправлять завязки на унтах, дядя Дапамкэй подшевелил огонь, достал кисет и трубку. Все стали оживать. Наступало утро. Рядом с чумом вдруг залепетала птичка: «Чив! Чив!» Ей отозвалась другая.

Хорошая, красивая птичка. Она тоже радуется утренней заре. Пробежал олень, топот и щелканье пог. Странная была ночь.

Приподнялась тетя. Устало, нехотя села на шкуру. Поправила волосы, стала снимать шаманский наряд.

— Ганьче надо собираться в тайгу. На чужом месте сидит. Я видела: в нашей тайге щиплют ягель белый лось и черный олень. Духи сказали: убьет Ганьча одного из них, найдутся деньги... — произнесла Сынкойк и замолчала.

Люди одобрительно закивали, изумились. Задача трудная, но память хранит случаи, когда убивали альбиносов.

Но не помог совет Ганьче. Не в тайгу ушел, увезли его, говорили, в темный дом*.

* Темный дом — тюрьма.

Сказки дедушки Бали

Амарча вышел из чума и поежился. Холодно. На деревьях блестел иней... Скучно стало в стойбище. Все старшие ребяташки, девчонки уехали в интернат, в большой поселок Бур. В Суринне нет интерната, но школа есть. Школа — маленькая избушка, в которой учится несколько русских ребят. И учительница на всех одна. Из стойбища туда, где построены деревянные дома, на фабрику, ходят только Петька Фарков и Митька Грифонов, сын сторожа порохового склада.

Выбежали из дома братья — Петька и Вовка, скоро должен появиться Митька. По утрам Амарча с Вовкой таскают их сумки в школу. Вовка — брата, а Амарча — Митькину. В обед бегут их встречать. Амарче с Вовкой это нравится: пусть люди думают, что и они тоже школьники. Молодая золотоволосая учительница сначала ругала Петьку и Митьку «за эксплуатацию», а потом перестала, надеялась, что малышам надоест таскать. Но Амарча и Вовка оказались неплохими вьючными оленями, носят сумки каждый день, и учительница звонко смеется:

— Неужели и зимой будете ходить? Далеко же. Обморозитесь...

Выскочил на тропинку Митька:

— Ну, мой учуг, наорался вчера?

Слышал, значит.

— Я провожал лебедей и журавлей, чтобы они вернулись и чтобы было снова тепло.

— Бабушка говорит, что соль крылья укрепляет, силу дает.

— Ладно, давай запрягай... Может, и правду говорит твоя бабушка.

Вообще-то бабушку Эки они побаивались. И она приглядывалась к ним и решила, что это хорошие ребята. Особенно по душе ей были Петька и Вовка. Бойкие, не стеснявшиеся эвенков, но когда надо — умели краснеть. Лицо у них есть, говорила бабушка. Она еще надеялась, что Амарча потрется около них и быстрее начнет разговаривать по-русски. Но получилось другое — они быстрее переняли речь эвенков. Правда, над их выговором некоторые смеялись, но смеялись с большим одобрением. Особенно в восторг приходил дядюшка Черончин, председатель сельхозартели, недавно вернувшийся с войны:

— Вот чертенята, — удивлялся он, — чисто эвенки. И чукином* не брезгают...

А дома их ругала мать, добрая женщина тетя Наташа:

— Вы хоть дома-то по-русски разговаривайте! Совсем тунгусятами стали. Ну, что болобоните — «шуруколь, эмоколо»?

— Мама, ты неправильно говоришь, — начинал учить ее Вовка, — надо говорить сурукэл, эмэкэл...

От избушки, где была школа, Амарча с Вов-

кой повернули к магазину. Здесь всегда толклись люди, курили и бросали толстые махорочные окурки. Амарча и Вовка собирали их для дедушки Бали. Магазин только назывался магазином, в нем редко бывали товары, продукты, но махорка была — какого-то давнего завоза. Вот здесь перед работой, перед распиловкой и вывозкой дров, собирались большие и малые курильщики. Курил раньше и Амарча. Когда ему было три года, бабушка Эки сшила Амарче кисет, а маленькая трубка была пришита к рубашонке, чтоб не потерялась. Русские жители фабрики покатывались со смеху, видя, как маленькие ребяташки курили трубки.

— Что вы делаете?! — говорили они взрослым. — Ребенок же... Нельзя им курить.

— А если он просит? — отвечали эвенки. — У нас вера такая, если человек просит, ему надо дать!

— Так он же ничего не понимает...

— Понимает, — говорили, — язык ребенка и сладкое, и горькое понимает...

— Вот и говори с вами...

Пить огненную воду тоже давали, если рука ребенка тянулась к кружке.

Бабушка Эки тоже считала так: просит Амарча трубку, ну, пусть побалуется, значит, ему надо. Отучила курить Амарчу тетя Наташа. Давно, года три назад, пришла как-то в чум к бабушке Эки и принесла съедобную мазь — горчицу. Эвенки ее не едят, плюются, а русским почему-то нравится. Возьмешь ее на язык — как крапивой начинает жечь. Не дай бог проглотить, на лоб глаза ползут. Легче каленый уголь проглотить, чем эту горчицу.

— Намазать маленько «соску-то», — показала она на трубку Амарчи, — раза два обожжется, не захочет больше. Нельзя маленьким курить, а пить тем более. Сама его убьешь...

— Как? — удивилась бабушка Эки. — Век так было.

— Убьешь! — опять твердо сказала тетя Наташа.

Послушалась бабушка Эки. Ревел, плевался Амарча, чуть рот себе не разодрал ручонками. Сбросил с себя рубашонку.

— Сладко? — спрашивала бабушка.

Пуще плакал Амарча. Но от трубки отвык... Забегали глаза ребяташек. Попадались окурки растоптанные, совсем обгорелые, без табака. Около самого крыльца — лесенки из трех ступенек — увидели целую «базарскую», как называл Воло, папиросу. Ее, видно, бросил радист Инешин, только он курит их, остальные курят самокрутки. Если «бычок» из газеты, значит, бросил продавец Софьянников, из брошюр — это кто-то из молодых курак, из них никто не получал «Правду Севера»...

Амарча и Вовка, зажав в руках «бычки», запустили наперегонки в свое стойбище.

* Чукин — недожаренное мясо.

В чуме сидел дедушка Бали, рядом ползала привязанная обрывком за стояк чума маленькая чумазая Тымани. Ее привязывают, чтобы она не заползала в костер. Мать ее, Пэргичок, ушла на факторию к коровам, а Палета убежал, чтобы не водиться. Он всегда так делает.

Дедушка повернул свое слепое лицо.

— Куда бегали, дети? — Он по шагам узнавал всех. — Что делает твой отец, Воло? Уши мои сказали — что-то рубит...

— Хлев хочет делать, дом телянку...

— Хэ! Корову, значит, держать хочет.

— Э, э, — дакнул Воло. — Амака, мы покурить тебе принесли, сказку Расскажи...

— Хэ! Молодцы, что принесли. Давно пустая трубка. Сосу, сосу, а в ней ничего нет. — Руки дедушки продолжали мять камус. Работяга Бали. Глаз нет, а руки вечно работают. Мнет оленье шкуры, камус, скребет, выдывает. Это после женщины будут шить, а сейчас дело за дедушкой. Ребята набили табаком его трубку, прижали угольком.

— Тяни!

Бали зачмокал, пустил дым:

— О, легче будет... Покормите маленько костер, затух совсем, не греет.

Подбросили дров. Затащили на шкуру Тымани.

— Какую сказку хотите послушать? — обратился темное, испещренное лицо к ребятам Бали.

— Отчего у глухарей красные глаза, — заторпился Амарча.

— Эко, разве я вам не рассказывал? — вроде бы удивился дедушка.

— Нет-нет, — подтвердили друзья.

— Тогда пора рассказать. Слышали, как вечером плакали птицы? Жалко их. У них сердце, как у людей... Глухари остаются. Кэ, слушайте.

И полилась древняя сказка. Много их знает Бали.

— Когда Харги — Злой дух напустил на людей разные болезни, голод, он не забыл о зверях и птицах. Сделал так, чтобы большую часть года на земле эвенков стояли холода — лежал снег, завывала вьюга. Зайцы начали одеваться в теплые белые шубы, медведи рыть берлоги, белки научились строить гнезда в дуплах деревьев. Все звери стали спасаться — кто как мог и как умел. Лишь птицы не знали, как им спастись от холодов. Собрались они на суглан*.

С восхода и до захода солнца в лесу стоял гомон. Свистели, щелкали, гоготали, пищали, крикали.

Бали вынул трубку изо рта и передразнил птиц.

— Похоже! — ахнули друзья.

— Но согласия не было, — продолжал дедушка. — Я думаю, нам нужно остаться в тайге. Пищу и зимой найдем, а холода — не страшны! — кар-

кающим голосом передразнил птицу Бали, а потом опять измененным голосом:

— Нет, нет! — запищала маленькая пташка. — На зиму надо улетать в теплые края. Там солнце! Нам падо к солнцу!

Ум надвое пошел. Одни хотели улетать в теплые земли, другие — остаться в родной тайге. На том и решили: кто хочет — пусть летит, а кто не хочет — оставайся.

Утки, гуси собрались в стаи, покружили над озерами и болотами и с прощальными криками полетели за уходящим солнцем, к теплу. Рябчики нырнули в темные леса, куропатки улетели в тундру. Когда улетала последняя журавлиная стая, сорвался с места глухарь. И он решил лететь. Долго летел, уставать стал. Крылья у него для долгого полета слабые. Выбился из сил, заплакал и с огромной высоты упал на землю. «Замерзать меня оставили», — решил он и залился горькими слезами. Плакал, плакал и уснул. Проснулся — в сугробе тепло. «Э, — подумал глухарь, — так же можно зиму обманывать». С тех пор он стал с вышины пробивать толщу снега и зарываться. А глаза от слез так и остались припухшими и красными... Вот такая сказка про глухарей...

Дедушка Бали замолчал, продолжая мять камус.

— А отчего плачут лебеди и журавли? — Амарча взглянул на него.

— Аха, отчего? — поддержал Вовка.

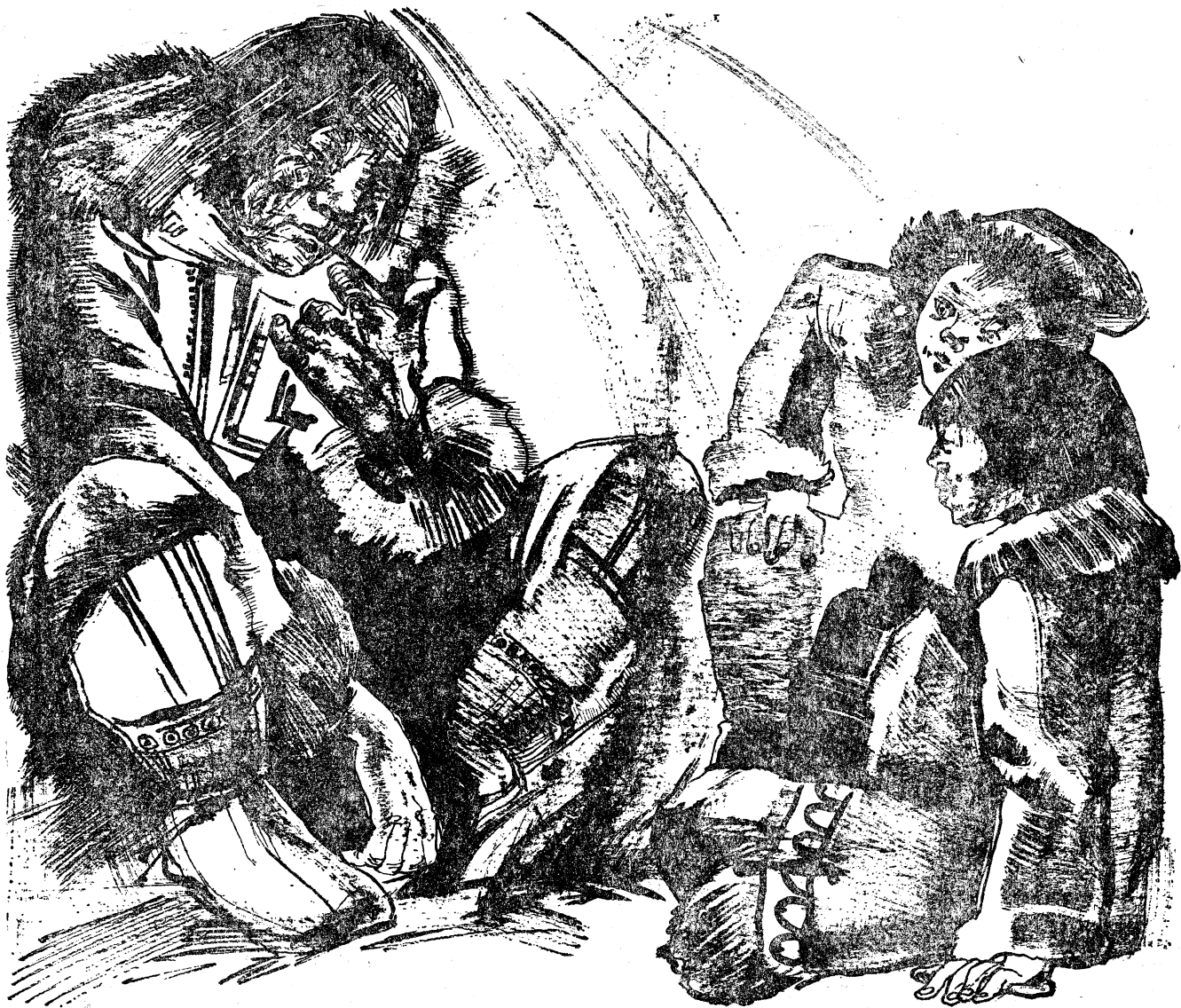
— Хэ, — оживился дедушка Бали, — это очень красивые сказки. Вот летят теперь наши небесные олени и не знают, что ими интересуются два мальчика. Чтобы вы знали, я расскажу...

Дед Бали вынул изо рта трубку, положил под ногу и, поудобнее усевшись, опять стал двигать руками: нельзя камусу остывать, хуже мяться будет.

— Так вот, мужички. Лебеди, говорят, в далекие времена были людьми. Юноша и девушка. Юношу звали Багдамакан, а девушку — Удырик. Телом были как молодые деревца, а лицом — как солнышки. Дружно жили, любили друг друга. Запоет свою песню Багдамакан, откликнется ему Удырик, и все вокруг затихало — слушали песню...

Услышал как-то их Злой дух и позавидовал. Не бывать вашей любви! Сказал и превратил их в птиц, в белых лебедей. Поплакали, погоревали они и успокоились. Сделали себе гнездо. А когда вывели первых птенцов, в их сердцах снова, как бубенцы, зазвенела песня. Оказывается, любовь-то не в силах был убить Злой дух. И опять над озерами, над речками, над всей тайгой летела их любовная песня. Услыхал опять Злой дух, почернел, схватил свой лук и стрелой пронзил сердце лебедей — Багдамакана. О, как заплакали гаги. А лебедь — Удырик нигде не могла найти себе места. Она кружилась над озерами, над речками, над болотами, но повсюду ей было немило. И когда

* Суглан — сходка, собрание.

птицам нужно было улетать в теплые края, не выдержала и с поднебесья бросилась грудью на скалу...

Сиротами остались их дети, горько-горько заплакали. «О небо, о Добрый дух,— просили они,— дай нам силы одним долететь до тех неведомых краев». Добрый дух дал им силы, а песню-любовь, песню-плач своих родителей они унесли с собой...

Эвенки никогда не стреляют в лебедей — грех большой...

Имя человека

У дедушки Бали было имя Амарча. Он был тезкой маленького Амарчи, а Амарча в переводе на русский язык — чуть запоздавший родиться.

Маленький Амарча, или, как иногда его назы-

вают, дитя Кинкэ, появился на свет вслед за двоюродной сестренкой Суричок. Ждали, что первый крик должен раздаться из маленького родильного чума Мэмирик, а вперед заголосила Суричок. Голова девочки вроде бы походила на голову рыбки, вот и назвали ее Сури, Суричок — сиг, сиженочек. А Амарча опоздал, вот и получил имя опоздавшего. Явись чуть раньше, пожалуй был бы Неримча — первый, впереди идущий.

Давно так пошло. Человек остался без глаз — имя его будет обязательно Бали, хромой — Докэлэ, глухой — Куйки. От этих имен-прозвищ никуда не уйдешь. У Елдогиров, самого дальнего чума стойбища, родилась девочка кривоглазой. Не ломали долго головы люди, не сговариваясь, дали имя Чокоты. Обижайся не обижайся потом, а язык людей не отнимешь. Вовку Фаркова, как

они приехали, сразу стали звать на эвенкийский лад, ласкательно — Воло, а Петьку — Петка. Тетя Наташа улыбалась, когда услышала, а дядюшка Мирон сказал:

— Вот лешаки, уже перекрестили! Они и нас как-нибудь по-своему будут дразнить...

— А как же! Ты разве не слыхав?.. — заулыбался сторож пороховушки Трифонов, ангарский мужичок. — Я-то по-ихнему гундерю, знаю, как тебя навеличивают...

— Как? — заинтересовался Мирон.

— Бадылаки! — показывая прокуренные зубы, захохотал тот. Заулыбались эвенки.

— А что это?

— Ты чо, паря, с луны свалился?..

— Таланту нету. А это что все-таки значит?

— Лягушка! — опять звонко закатился Трифонов. Глядя на него, смеялись и остальные.

— Тыфу! — хлопнул костяшками счетов дядюшка Мирон. — Ну, а тебя как?

— Меня зовут Сырбамэ... Глаза, похожие на уху... Давненько с прозвищем бегаю, — сказал Трифонов, и всем опять стало весело.

— А почему у эвенков на Подкаменной имена, фамилии русские? — заинтересовался Мирон Фарков.

— Ты, паря, меня слушай, — разохотился Трифонов. — Ране-то суды попы-то с Туруханска приезжали, да ничо у них, грешных, не выходило. Не смогли, стало быть, окрестить-то. Так вот оне, значит, списались с якутским попом, откеда-то с Лены. Вот он приезжает... Еванки опять ни в какую. «Грех, — говорят, — обидится наш дух». Вера, мол, другая. А поп-то хитрый попался, ученый... Кто прехрестится, тому он, значит, табачку бесплатно дает, бисеру, спичек, разных побрякушек... Повалили к нему. Радуется поп, все обхитрил. Хрестил-хрестил, икону давал целовать, махал кадиллом, как дымокурот от комаров, радый такой, а народу все не убывает. Откеля, думает, столько нехрещеных, их же навроде маленько было? На хари-то различить не может, обличьем-то как будто все одинаковы. Потом он допер, заметил. Смотрит, один еванок табачок-то в кисетик ссыпал и тут же опять в очередь встал. «Ты куда?» — поп ему. А тот: «Табак маленько ишно надо». Хэ!.. Оказывается, каждого еванка он два-три раза перехрестил, по несколько православных имен надавал. Выходит, еванки его объегорили...

Пошумели мужики, вспоминая старые времена, и разошлись.

Первый суглан

Первый суглан... Помнит ли о нем бабушка Эки? Пожалуй, уже два десятка раз с тех пор тайга меняла свой наряд, столько же раз улетали и прилетали птицы, но Эки не надо напрягать

свою память, те дни суглана — вот они, как на ладони. Она их видит. Закроет глаза, и сразу же как живые возникают ее сыновья, тот русский представитель новой власти Иван Петрович Петров, Бали, и Мада, и все люди, которых она знала и знает. Не с того ли дня, когда прилетела железная птица, доставившая по воздуху, как в сказке, ее сына, младшенького Кинкэ, что-то перевернулось в ее душе, и она безоговорочно, раз и навсегда поверила в добрые намерения русских, называвших себя большевиками? Много раз ухидила она памятью в те далекие дни, в те давние события, ломала свой ум, но всегда убеждалась — правильную, очень верную дорогу указывают русские.

Была еще зима, разгар промысла на белок, когда однажды ночью на зимней стоянке собаки подняли невообразимый лай. В чуме Хэйкогиров поднялся переполох. Соскочил, как молодой, отец Кинкэ, молчаливый Колокон, схватился за ружье. Сбросили одеяло сыновья Кумонда и Кутуй, жившие в чуме отца. Перепугалась Эки. Она стала оживлять потухший огонь, запричитала:

— Хэвэки! Хэвэки! Что за гость пожаловал. С добром ли, худом ли! Оборони бог!..

Захлебывались собаки. Не понять было, что происходит в тайге, на улице. Но собаки Хэйкогиров — не пустолайки, зря крик не поднимут. Не медведь ли голодный пожаловал? Он хоть и прародитель эвенков, но ружье надо в руках иметь.

— Бээл! * — сквозь собачий лай послышался крик. — Уймите своих собак!

— Ча! — замерли в чуме. — Человек!

Колокон выскочил из чума.

— Ча! — закричал он на собак. — Ча!

Утомонились собаки, новизгивали. Отряхнув снег, в чум в тяжелой парке, весь закуржавевший, ввалился мужчина.

— Чуть не съели!

По голосу узнали Амарчу Чемда.

— Откуда? — удивились. — Время белок добывать, а ты...

— Что-то дорогу перепутал. Ладно ли?

Амарча Чемда разделся, попил чаю, а затем вынул бумагу. Эки и Колокон испуганно замерли. Бумага всегда пугала. Век ее боялись. Доброго для эвенков в бумаге никогда не было. Всегда либо долги, либо новый ясак.

Взглянув на присмиривших хозяев, Амарча успокоил:

— Это хорошая бумага, хорошая, — и неторопливо рассказал новости.

Летом, в месяц набухания почек, намечается первый суглан всех родов, кочующих по Суринне. А потом, словно что-то не стоящее, сообщил:

* Бээл — мужчина.

— Слышал, на этом суглане толмачом будет вась Кинкэ. Говорят, должен приехать.

Знал, знал Амарча, как сообщить новость!

Вспыхнула Эки, зашумели братья, посветлел Колокон. Не в каждом чуме такие новости!

Заговорили все. Вспомнили в мельчайших подробностях, как три года назад через их летнюю стоянку проезжала молодая русская женщина Полина Михайловна Устинович. Все расспрашивала об их жизни, об охоте, о сказках, преданиях. Записывала в свои тетрадки. Каждое название и слово интересовало ее. Смешно говорила эвенкийские слова, но уже можно было с нею разговаривать. Сама рассказывала о своей жизни, о далеком красивом городе Ленинграде, где бедняки побороли богачей и установили свою власть. Теперь, по ее рассказу, новая жизнь должна прийти и к эвенкам. Кинкэ сразу привязался к этой смелой женщине. Наверное, у них уже был разговор, потому как она перед самым отъездом сказала:

— В Ленинграде хотят открыть институт народов Севера. Будут учить ваших детей, чтобы умели понимать бумаги. Хочу, чтобы там учился и Кинкэ. Он способный, умный юноша. Когда овладеет грамотой, будет настоящим хозяином своей земли. Какая будет ваша речь?

Молчал и Колокон, молчала и Эки. Кумонда, он хоть и был старшим сыном, но без своего чума, без жены, он — безголосая рыба, его не спрашивают. Слово было за Колоконом.

— У нас век так было — мужчина должен кормить семью... — сказал он неопределенно.

— Грамотным-то он лучше прокормит, — возразила Устинович.

Эки взглянула на сына и поняла: умом Кинкэ давно уже был где-то далеко, не здесь. Обидно ей стало, и она вопреки себе заговорила:

— Разве это дело — мужчине с бумагами возиться?.. Пусть дома остается. Кто за оленями присмотрит...

Не успела договорить Эки, как перебил ее Колокон:

— Ча! Кто здесь хозяин? Не мной было сказано: волос длинный — ум короткий. Это и тебя, мать моих детей, касается! Как скажу, так и будет. Моя же речь такая: если едут другие, пусть топчет эту тропу и Кинкэ. Он не хуже других...

Так неожиданно младший уехал куда-то учиться. Три раза приходили от него вести. Он писал, что сначала они жили и учились в каком-то Царском Селе, потом переехали в сказочный Ленинград. Бог знает, чему и зачем их учили, главное в этих известиях было — он жив, здоров, не жалуется.

И вот Кинкэ придет домой, на суглан. Как же не порадоваться такой новости. С того времени семья Хэйкогириов, и особенно сердце Эки, жила ожиданием лета. Она начала считать дни,

но это оказалось мучительным занятием. Потом она поняла — надо все время давать рукам работу, так быстрее пролетают дни. С раннего утра Эки начинала стучать тесками, ложками, котлами, возилась с костром, выделывала шкуры, присматривала за оленятами, аргшила на новые стоянки. Заметив это рвение к любой работе, сыновья шутили:

— Мать, не выросли ли у тебя еще одни руки?

— У меня крылья выросли.

Пришел месяц Телят* — самое тревожное время для эвенков. Сколько новых оленят подарят важеньки? Хлопотно стало. За каждой важенькой надо присмотреть, не проглядеть, чтобы новорожденный не на снегу родился, иначе он будет не жилец на этом свете. Лучше жену потерять, чем оленя, говорили в старину. Но, видно, весна решила подарить Хэйкогирам еще одну радость. Все два десятка важенок принесли тонконогих, черноглазых оленят. Повеселел Колокон, сложил песню:

Улетели вьюги белой куропаткой,
Эгэлэй, эгэлэй.

Заалел восток глухаринной бровью,
Эгэлэй, эгэлэй.

Там, где закат целуется с восходом,
Эгэлэй, эгэлэй,

В самом центре полярной ночи —
Эгэлэй, эгэлэй! —

Появились цветы тайги — оленята,
Эгэлэй, эгэлэй.

Они вырастут, понесут меня —
Эгэлэй, эгэлэй —

Туда, где находится сердце мое,
Эгэлэй, эгэлэй...

В тот год на Суринне была ранняя весна. С шумом, с грохотом пронесла свои льды река, открыли свои глазницы озера. Хэйкогиры были первыми на старинной стоянке. На прежнем месте поставили чум, огляделись. Рановато. Ну да не беда. Можно порыбачить, поохотиться на уток, отдохнуть...

Потом зазвенели гугары на оленях Чемда, Ушкагириов, Анкоулей, Кондогириов, Бирагириов. Шумно стало на стойбище. Никогда еще Суринне, наверное, не видел столько чумов, никогда еще не пылало столько костров.

Каждый вечер на поляне, в стороне от стойбища, молодые заводили ехорье, и до утра слышались песни, смех. Не могли удержаться и пожилые, и старики.

А потом, когда уже расходились по своим чумам, кто-нибудь напоминал:

— Когда же приедут русские? Вон комар уже ударил, а мы все ждем суглан. Когда же Кинкэ покажется? Наверное, он совсем стал, как русские.

* Месяц телят соответствует маю.

...Мада проснулся от сильного толчка в бок.

— Скоро солнце с другой стороны будет заглядывать в чум, а ты все валяешься! Нет ли пролежней? Сколько тебя можно будить! О, леший, наградил же меня таким муженьком. Другие давно наелись рыбы, мяса, а у меня вечно котлы чистые!..

— Вставай! — Кирэктэ еще раз ткнула Маду в бок и вышла из чума. Оттуда продолжали слышаться проклятия. Она и вправду оправдывала свое имя — Кедровка. Будет долбить, не отступится.

«Вот поганая птица, — зло подумал о жене Мада, — не дает выспаться». Он лег поздно, и был любителем поспать. Это тоже было давно замечено людьми. Вслух ему не говорили, но уши у Мады были: Амэ — на ходу спящий — это про него. Но руки его ценили — умел он лучше всех делать берестяные лодки. Легкие, удобные получались они у него.

Одевшись, Мада набил трубку мхом, прикурил и откинул дверь.

А солнце и впрямь было уже высоко. Слегка палило. Около чумов разведены дымокуры, к ним жмутся олени, копошатся женщины, кричат около речки ребятишки.

«Славный будет день, — отметил про себя Мада, — ни облачка на небе. Скоро паут ударит?»

Мада, не торопясь, спустился вниз к реке, перевернул берестянку и осторожно опустил на воду. Ладная вышла лодчонка — ни капли не пропускает. Поудобнее усевшись, он стал веселить к курье, где вчера закинул сеть. На реке было спокойно. Со свистом пролетели утки, со стойбища слышался привычный шум...

Возвращался он повеселевшим. Попалось штук пять щук, несколько окунишек. Уха.

Успокоится моя Кедровка, решил он, работу ей дам.

— Кирэк... Кирэк... — Мада весело передразнил птицу.

И тут он застыл, перестал грести. До слуха донесся какой-то гул.

«Откуда гром? Небо-то чистое! Верно ли слышат мои уши? Хэвэки! Что это такое! — с ужасом он огляделся по сторонам, потом пощупал себя. Нет, с ним вроде бы ничего не происходит. — Откуда гром?! Не конец ли света, о котором ходили слухи?»

Ошалелыми глазами он глянул на стойбище. Там тоже происходило что-то невообразимое. Непустово, захлебываясь, лаяли собаки, кричали люди, бегали олени.

— Амарча! Пэргичок! Эки! — крики сливались, кто-то уже плакал, кто-то молился.

«Конец света!» — мелькнуло опять в голове Мады, но, схватив весло, он сильными гребками направил лодку к берегу.

Грохот, похожий на гром, нарастал. Становился отчетливее. Затем вдруг из-за хребта над

лесом выплыла какая-то огромная, сверкающая на солнце птица. Она изрыгала страшный грохот.

— Не посланцы ли Эксэри — Бога?! — Мада выпрыгнул из лодки прямо в воду и, бухая ногами, весь в брызгах, побежал к берегу.

В это-то время и увидел его старичок Куйка. Он один был спокоен, сидел на бережку и смолил лодку. Куйка был глухим.

«Эх, откуда у Мады ноги взялись? — удивленно подумал старик. — Уж не медведь ли его малость поугавал? Надо его так. Порезвее будет, они еще по-настоящему друг с другом не встречались...»

Через некоторое время грохот послышался на реке, а потом затих вовсе. В лесу еще слышались крики, причитания, детский плач, затем все тоже выжидающе успокоилось. От тишины у Мады зазвенело в ушах. Зажал уши, но звон не проходил. Разжал руки — тишина... Слышно стало, как ни в чем не бывало залилась в песне птичка-чичаку, а в траве стрекотал кузнечик.

— Кинкэ выходит первым, иди на берег, а мы пока подождем, не дай бог, увидя нас, испугаются еще больше, — сказал представитель Комитета Севера Иван Петрович Петров, высокий молодой мужчина. — Покричите по-своему.

Летчик сдвинул дверцу стальной птицы, и Кинкэ выбрался на берег. Обернулся — гидросамолет «Комсеверпуть-2» гигантской птицей распластался на воде, жаром пахнуло от моторов, сверкнули на солнце стекла пилотской кабины. Такого чудища не диво испугаться! Кинкэ, уже повидавшему немало русских чудес, и то было боязно садиться в него. А тут — виданное ли дело — грохочущая гигантская птица в воздухе...

Стойбище выглядело пустым. Одни чумы, костры, собак и тех не видно. Лишь олени удивленно смотрели на самолет.

«Все попрятались, — с улыбкой подумал Кинкэ, — надо искать людей».

— Люди! Люди, выходите, не бойтесь! Это я, Кинкэ Хэйкогир, сын Колокона! — закричал он. — Это я, Кинкэ. Прилетел домой на железной птице русских! Выходите!

Лес молчал.

— Иван Петрович, я найду, найду кого-нибудь одного, а там...

— Хорошо, — понял его Петров и, улыбаясь, ткнул летчика. — Надо же, а? Ведь слухи-то о железных птицах давно у них ходят, а встреча-то, видишь, какая вышла?

— Я уже посмотрелся. Да и у нас в русских деревнях так было. Привыкнут.

— Не сомневаюсь.

Кинкэ поднялся к стойбищу, прошел мимо распахнутого чума, заглянул — никого.

— Люди! Это я, Кинкэ, сын Колокона, прилетел на железной птице русских! Не бойтесь, выходите!

Лес молчал.

Кинкэ постоял, а потом решительно зашагал. Крича, поглядывая по сторонам, он дошел до обгорелой коряжины и хотел было идти дальше, но увидел чьи-то ноги, обутые в летние суконные унты.

— Гирки*, вылазь!

Человек зашевелился, втискиваясь под колодину. Кинкэ потянул за ногу, тот дико закричал.

— Мада! Мада! Это я, Кинкэ.

Мада силой заставил себя поднять глаза:

— Откуда ты? — губы его тряслись. Смешно дергалась бородавка на щеке.

— Я прилетел на железной птице русских. Пойдем к берегу. Людей надо кликать... — Кинкэ не смог удержать улыбки.

— Голос вроде бы твой. Лицо будто твое. Не привидение ли ты?

— Нет, я Кинкэ! Пойдем... — он потащил упирающегося Маду.

Потом из лесу показался Амарча Чемда. Опираясь на пальму, как на посох, он неуверенно, осторожно шагал к самолету.

— Люди, выходите, — крикнул он, — Кинкэ прилетел!

Держа за руки детей, стали выходить люди.

Вышла Эки. Нет, глаза ее не обманывали — это был ее сын, Кинкэ. Она бросилась к нему:

— Хутэ! Откуда ты взялся, с неба?

Кинкэ прижался к матери. пойманной птичкой запрыгало сердце Эки. Поцеловать бы сына, но она сдержалась, лишь понюхала его лицо — запах был родной. Не выветрился еще, отметила она. Краем глаза видела, что и сыну хотелось поцеловать мать, но тоже хватило сил на виду у всех не слишком расчувствоваться.

Излишества вредны и здесь. Эки чуть заметно повернула сына к людям — отдай знаки внимания и им. Все тебе рады, все ждали.

Кинкэ понял и, улыбаясь, повернулся к людям:

— Пойдемте!

— Эбэй! Не пойдем, — снова заупирались люди.

— Пойдемте! — Кинкэ потянул брата Кумонду и Амарчу Чемда. Те боязливо топтались, но все же первыми напустились приблизиться к гидросамолету.

— Он живой, слышите: дышит! — прислушался кто-то.

— Э, э — да... — подтвердили другие.

— А где у железной птицы сердце? Здесь? — Мада показал на один из моторов.

— Да, — с улыбкой подтвердил Кинкэ.

Ожили языки и у других. У железной птицы нашли все внутренности. В отличие от обычных птиц у нее было два сердца — моторы, два живота — кабины, несколько клювов — лопасти, кишки — провода. Все было — значит, это живое

существо, тем более его надо кормить очень пахучей жидкостью.

— Люди, сумевшие обуздать эту огромную Гагару, наверное, великие шаманы! Они всюду могут ходить! На солнце могут сходить! К лунным людям могут слетать! С богом и духами могут встречаться! О, это великие шаманы! У нас таких нет, — за всех высказался Мада. Это была его большая и знаменитая говорка, которая запомнилась людям.

Летчик, бортмеханик и Петров с достоинством выслушали эти слова, переведенные Кинкэ, и Петров сказал свою первую речь:

— Мы люди простые. Нас направила к вам партия большевиков, партия коммунистов. У нас уже давно прогнали своих богачей, установили власть бедняков. Мы хотим провести ваш первый суглап и организовать простейшие производственные объединения, чтобы и у вас не было ни богатых, ни бедных, чтобы вы жили одной-единой семьей. Подробно говорить будем завтра, а сейчас помогите выгрузить товары.

— Хо! — опять началось удивление. — Вот так птица. Она и муку, и сахар привезла. Кинкэ! Кинкэ! Это ты позвал этих людей — летчиков? Они как будто знали, что у нас кончатся продукты. Молодцы! Кинкэ — ты тоже летчик. Ты первый из нас поднялся к солнцу, отныне тебе имя будет Кинкэ-летчик!

Эки не могла наглядеться на своего сына. Он вырос, стал стройнее, красивее и, самое основное, отметила мать, почему-то стал похожим на русских. Может, это одежда его делала таким? На нем были темные брюки, сапоги, гимнастерка и фуражка. На гимнастерке был прикреплен какой-то блестящий значок. Не медаль ли это новых властей? У Майгунчи есть царская медаль, похожая на солнце. Всех людей в трепет бросало, когда Майгунчи вешал ее на шею.

А Кинкэ все отвечал и отвечал на вопросы окруживших его людей, улыбался, смеялся. Этот заразительный смех эхом отзывался в сердце матери, и она смутно, каким-то глубинным чутьем угадала, что сын стал на голову выше всех их. Очевидно, ему довелось видеть и узнать там, в далеком Ленинграде, такое, чего никогда им не узнать. Она гордо подняла голову — пусть видят люди, каким стал ее сын. С теплотой она взглянула и на стоящего рядом с сыном высокого русского мужчину, представителя новых властей. «Они хотят эвенкам добра. С худыми людьми разве был бы таким счастливым Кинкэ?»

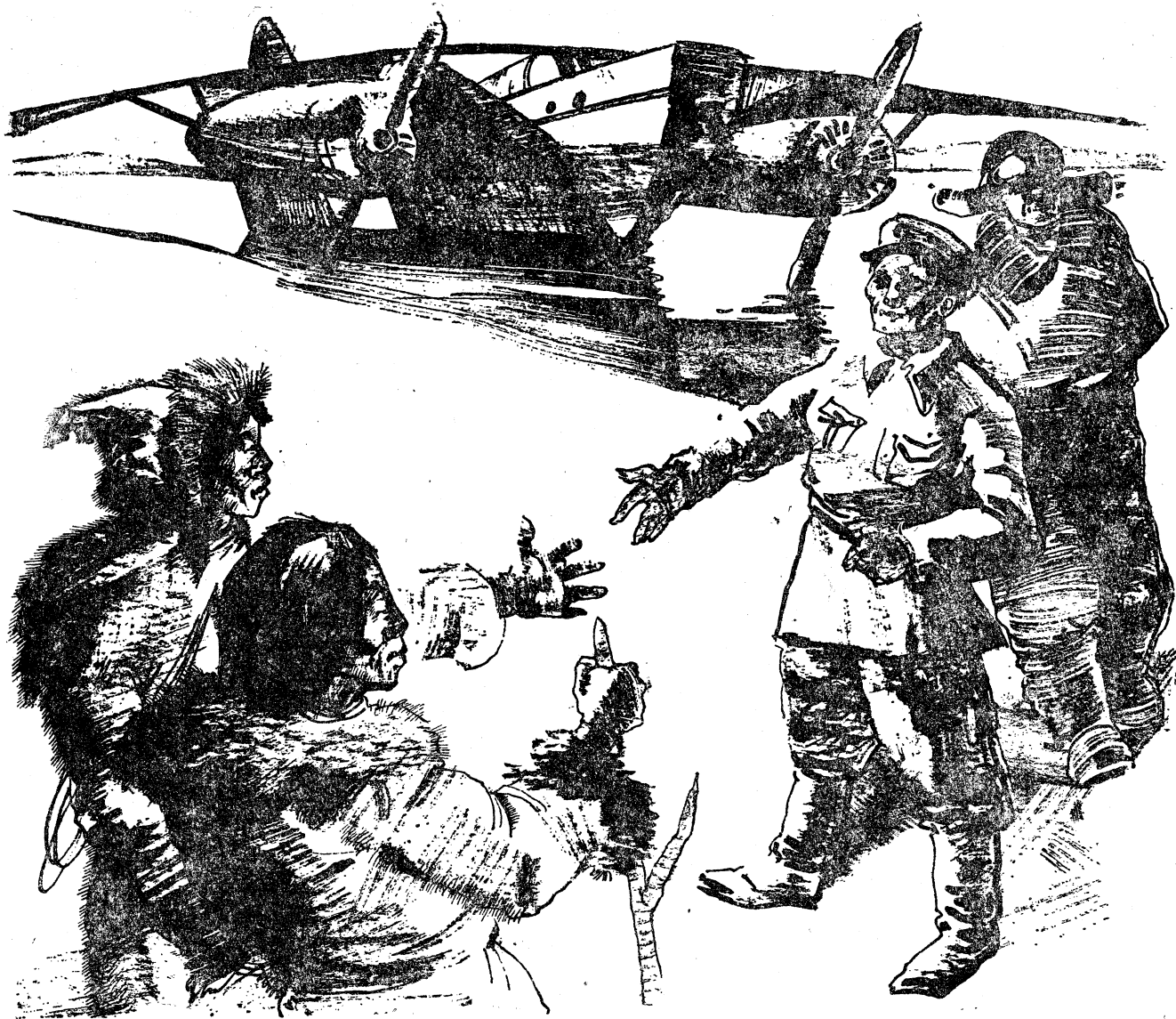
— Чего же вы нас чужинном — костяным мозгом не угощаете?

— Хэ, а мы совсем забыли! — засмеялись кругом. — Думали, разговором будете сыты.

В окружении братьев, своих погодков, Кинкэ вместе с русскими направился к чумам. Он обернулся:

— Эни, ама!

* Гирки — друг.

Колокон и Эки, счастливые, заспешили к нему...

Суглан назначили на утро. Молодые парни топорами расчистили поляну, раскололи сосновую плаху для стола, подровняли два пня. Все честь по чести, даже чуточку на русский лад. А сидеть люди будут на траве, по-эвенкийски, так привычно.

Быстро по горизонту горячим янчным желтком прокатилось незакатное солнце и опять полезло вверх. Не успев выспаться, птицы начали извещать о наступлении нового дня, зашевелились и люди. Чётко сон у стариков и пожилых. Молодые еще могут баловаться этой сладостью, а старикам это излишне. Да разве уснешь после вчерашнего события! Только и разговоров было о самолете да о суглане.

Придя в себя, люди смеялись: трусливее зайцев разбежались по лесу, как мыши, хотели спрятаться в норах под колодинами... Вот времена-то!

Вскоре проснулось все стойбище. Торопясь, похватали зубами мясо, опрокинули кружки чая. И мужчины, парни потянулись к поляне.

Одежда человека может сказать больше, чем лицо. По ней можно узнать о каждом роде. В нарядных нагрудниках, украшенных бисером и разноцветными материями, в праздничных унтах пришли Кондогиры и Бирагиры. У Майгунчи Большого, главы Кондогиров, наряд был разукрашен как радуга. Он не побоялся наценить себе на грудь сияющую бляху, подарок церковного попа за богатые пушные подарки. Нарядили даже тех, у кого век не бывало нагрудников, — своих пасту-

хов. Многочисленной толпой они пришли на поляну и опустились поближе к месту русского начальника.

Люди из других родов не могли похвастать такими нарядами. Не многие Чемды, Хэйкогиры, Ушкагиры, Анкоули в новых обновках, но на всех была старая, заплатанная одежда. Стесняясь своей бедности, некоторые так и замерли в стороне.

— Я вам говорил — женщины не придут, — тихо по-русски шепнул Кинкэ Петрову.

— Поближе, товарищи, — словно не обратив внимания на слова Кинкэ, заговорил Петров. — А почему нет женщин?

— Бабам в чуме место. У них длинные волосы, а ум короткий, совсем ума нету! — ответили мужчины.

— Нет, это не дело. Женщина такой же человек, как мужчина, имеет равные права, и они должны принять участие в суглане.

— Это у вас, у русских... У нас другая вера, — это сказал свое слово Майгунча Большой. — Может, с нашими бабами будешь говорить? Мы уйдем...

Майгунча Большой поднялся и за ним стали подниматься остальные. Загалдели:

— Зачем звали на суглан?

— Разве баба может понять умную речь?..

— У бабы ум короткий — дым!

— Вот, братец, задачка-то, — только и сказал Петров. — Ладно, Кинкэ, попробуем так: женщины присутствуют с совещательным голосом. У кого нет кормильца — решающий.

— Правильно.

Начались переговоры. Да, уши у женщины есть, пусть сидит и слушает — согласились, эвенки-вдовы ладно, пусть решают.

Суглан продолжили.

— Надо объединиться. Только так эвенки могут выйти из нужды.

— Разве мы живем не вместе, не в одной тайге? — это опять повел разговор в сторону Майгунча Большой. — В одном месте трудно найти корм оленям, меньше зверя. Зачем нам объединяться? Эвенки все родня. Век друг другу помогаем. Наши предки завещали: делиться добычей со всеми, и в первую очередь кусок мяса тем, у кого нет кормильца. Это наш закон. Мы простые люди. Разве я неправду говорю?

— Правильно держит дорогу Майгунча, у нас свои законы, — зашумели люди.

— Переводы хорошо мои слова, Кинкэ, — глаза представителя Комитета Севера заблестели, он поднял руку.

— Вы думаете, все эвенки равны? Разве у всех поровну оленей? Почему же, Майгунча, у тебя их сотни, а у другого нет ни одного? Ты сидишь в нарядной одежде, а вон красивый мужчина Амарча Чемда стесняется даже поближе подойти. Почему?

Опять поднялся одобрителный гул. Неожиданно встал с места Амарча Чемда и подошел к столу.

— Правду говорит русский. Посмотрите, разве все мы живем одинаково? Придет зима — опять будем умирать с голоду, болезни нас одолевают. Правильные слова у русских. Они хотят нам добра. Вспомните последние покруты. Как вздохнули люди, олени не могли поднять муку. Долгов никаких не стало. Их врачи сильнее наших шаманов! Железные птицы у них! Я думаю, не надо слушать Майгунчу. У него оленей — как комаров в тайге. Надо объединиться. Ставь, Кинкэ, мою тамгу*!

— Мою рисуй...

— Я тоже хочу, — раздался голоса.

— Вот это дело! — повеселел Петров. — Кинкэ, записывай всех желающих, а потом мы все вместе выработаем наше общее решение.

— А ты, Тыпу, сиди, у тебя ни одного оленя нет. Может, бабу свою отдашь, — закричал Мада на маленького мужичка, прибывшегося к Кондогирам от вымершего рода Санягиров.

— Мада, артель создается ради таких бедняков, как Тыпу, как ты. Разве тундра гремит от топота твоих оленей?! — взял слово молчавший Кинкэ, не переводя слова на русский язык. — Майгунча всю жизнь топчет бедняцкую правду. Кто пасет его оленей? Кто работает пастухами у Майгунчи, покажитесь. Что, у вас тоже столько же оленей, как у него?

— Сопляк! Старших решил учить? Когда это сопли мозгами назывались? — не выдержал Майгунча, сверкнув зло узкими щелками глаз. — Кондогиры веками не занимали ума у чужих, поэтому у нас и олени. Чужих не надо!

— Кто пасет оленей, тот и будет хозяином!

— Посмотрите на хозяина! Не твой ли отец Колокон приходил ко мне просить оленей?..

— Так больше не будет.

— Посмотрим... Запомните мои слова! — Майгунча отвернулся, давая понять, что разговор окончен.

— Я не все сказал, — продолжал Кинкэ. — Нынче летом сюда по воде приедут русские рабочие. Они будут строить факторию. Будет магазин, построят школу... Будем учить детей грамоте. Это закон Советской власти. Осенью вы должны будете всех детей привезти из тайги.

— Зачем всех-то? — удивились люди.

— Все должны учиться.

— Кто будет помогать родителям пасти оленей и добывать зверя?

— Сами, а дети должны учиться. Советская власть не хочет, чтобы мы вечно жили в темноте.

Учить детей, в общем, некоторые были не против, но помощников лишиться не хотели, потому и торговались.

— Дадим девчонок, вот и учите.

* Тамга — клеймо.

— Кинкэ, ты грамоту одолел — вот и сиди здесь, а всем-то зачем?

Долго еще спорили, так и не пришли к общему согласию, решили ночь поработать головами, а утром собраться снова. Стали расходиться по чумам.

Но утром собраться не пришлось, и суглан продолжили только через несколько дней. Ночью в чум к Кинкэ и Петрову прибежали два пастуха.

— Беда, начальник! Люди Майгунчи Большого угнали стадо! Они сговорились с Бирагирами. Кондогиры вернулись с суглана, попили чаю, свернули чумы и тоже ушли от Суринне. Всех оленей увели. Пойдут без стоянок, будут только менять учугов. В Путораны уходят, там, говорят, нет и не будет новой власти... — пастух замолк, посмотрел выжидающе на Петрова, на Кинкэ. — Что будем делать? Без оленей пропадать придется.

Кондогиры и Бирагиры спешили. Майгунча пообещал каждому пастуху-родственнику, что поделит оленей меж своих людей, незачем отдавать свое добро. Майгунча своим людям не чужой, кровью связан с каждым пастухом. То же самое сделают Бирагиры. Они уйдут в Путораны, может, даже перевалят хребты, что синекют вдали лосиными горбами, но здесь не останутся. Жалко, очень жалко решиться на этот шаг. Майгунча давно уже обдумал это, да все тянул, надеялся, что переменится, что слухи останутся слухами. Больше десятка лет прошло, как исчезли прежние торговцы. Пришли новые. Ничего не скажешь, не обманщики новые люди, не суют тебе в первую очередь спирт, бисер, зеркала. Часто кричали, что прикончат всех богатеев, заберут оленей и раздадут беднякам, но к делу не приступали. Видно, ждали подходящего часа. И вот этот час пришел, но Майгунча не прост, у него тоже голова есть. Давненько уже он намекал своим родственникам о дележе меж собой. Поняли его. Каждый пастух спал и видел себя хозяином стада. Теперь пришла пора. Но надо угнать оленей, надо уйти в хребты, и там они поделят оленей.

Спешили Кондогиры и Бирагиры, меняя крепких быков, без чая ели и опять гнали стадо. Поскорее надо выбраться из леса в тундру, а там легче гнать, ни один олень не потеряется. У Майгунчи все обдуманно: доберется до тундры, а там, пройдя всего две ночи и два дня, он свернет свою дорогу не прямо в хребты, а с правого края будет обходить. Гиблые, страшные места там, редко кто туда совался.

Хорошо идут олени. Хэ! Сколько их красавцев — муравейник! Лишь бы корму хватало. И люди проникались одной заботой. Кричат на животных, поворачивают по своей намеченной дороге. Хорошо. Можно уйти. Пусть голозадые будут сыты сугланами! Мы уйдем...

Кинкэ, Амарча, Кумонда оседлали быков, взяли сменных, на которых навьючили мешочки с хлебом, и направили свой небольшой караван по следу беглецов. Четвертым должен был быть Мада, но у него почему-то, как узнал о предстоящей погоне, сразу скрутило живот. Давно было замечено: у Мады душа пугливого зайца... Решили идти втроем. Они догонят, остановят Кондогиров и Бирагиров, а остальные мужчины и с ними Петров подойдет позже.

Второй день не слезали с учугов Кинкэ, Амарча и Кумонда. Меняли их, но с каждым новым поворотом широкой тропы олени все тяжелее и тяжелее переставляли ноги. И сами мужчины еле-еле держались в седлах. Когда же успели беглецы так ходко уйти от Суринне? Нигде нет примет их близкого присутствия. Не на крыльях же они уходят? Им же труднее.

Гонят тысячные стада, на оленях везут все свое добро, едут женщины, старики, дети. Попадают отставшие, отбившиеся телята, важенки, но людей нет. Сильно, видно, торопят, хотя выйти к тундре, где вольготнее оленям, и затеряться можно меж многочисленных озер.

Понукает впереди своего учуга Кинкэ, за ним тянется Амарча, сзади — Кумонда. Его олени устали, вот-вот упадут и не поднимутся. Не выдерживает Кумонда, кричит брату:

— Кинкэ, пусть отдохнут олени!

— Подожди, еще один поворот...

— Не могу, я сам падаю...

— Подожди, еще поворот...

Солнце покатило к закату. Да, надо бы отдохнуть, упасть вместе с оленями меж мшистых кочек, да нос Кинкэ учуял дым. Не разучился еще, значит.

Встряхнулись Амарча и Кумонда, вглядываются в дальний лес, темнеющий вдалеке, спрыгнули с оленей. Теперь можно дать отдохнуть им, а самим размять ноги. Пошагали. Догнать догнали, только разговор каким будет. Захотят ли разговаривать с ними по-доброму, а может, как в старину, возьмут в руки ружья?

— Вон люди! — раздался испуганный женский голос, и на стоянке, как в день прилета железной птицы, поднялся переполох. — Погоня! Они нас догнали!..

Теперь надо держаться смело. Прошло волнение, и сердце будто унялось, перестало биться подстреленной птицей. Кинкэ твердо зашагал к кострам, за ним шли Амарча и Кумонда. Не обращая внимания на крики женщин, на схвативших ружья и рогатины мужчин, Кинкэ прошел к костру Майгунчи.

— Далеко ли путь держите? Что это вы людей стали бояться?

— Не твое дело, щенок! Тайга велика, вот и решили посмотреть новые места!

— Чего же тогда, как воры, убегаете?

— Проваливайте! Мы не хотим больше жить

с вами в одной тайге, вот и уходим. Живите по новым порядкам, а мы не желаем!

— Ты, Майгунча, можешь и уходить. Тебя никто не будет задерживать, а пастухи с оленями останутся!

— Оленей захотели? Нате,— Майгунча, схватив из костра головешку, с силой кинул в Кинкэ. Тот обернулся.— Вы не эвенки! Вы разбойники!.. Люди, вяжите их, сейчас я им покажу оленей! — Майгунча проворно вскочил, подбежал к дереву, где была приставлена его рогатина.

— Убивают! — закричали женщины.

На Кинкэ бросился сын Майгунчи, но от подножки Амарчи растянулся на земле, разбросав в стороны руки. На Кинкэ и Кумонду молча бросились еще мужчины, свалили их с ног.

Амарча в прыжке схватил одного за шиворот и потянул к себе.

В это время снова раздался дикий женский крик:

— Убивают!

Амарча оглянулся: к нему с красными, налитыми злобой глазами, с пальмой-рогатинной в руках летел Майгунча. Амарча присел, нагнул голову, и удар страшной силы в затылок обухом пальмы повалил его на землю. Он успел только поразиться, что так приятно пахло багульником, и потом все куда-то ушло, померкло...

Амарча не видел и не слышал, как, крича, подскочили к Майгунче трое пастухов, повалили его на землю и, отняв пальму, бросились на выручку Кинкэ и Кумонде...

Он очнулся от голоса Кинкэ. Тот тряс его:

— Амарча! Амарча!

Амарча Чемда зашевелился и приподнял голову. Что-то мешало ему увидеть людей, солнце. Кинкэ перевернул его. Кто-то охнул: кровавые глаза невидяще смотрели в небо.

— Почему темно?

Амарче никто не ответил...

Первый суглан... Нет такой плашки, которая могла бы придавить память, заставить забыть. С тех времен бабушка Эки как могла помогала Бали. Он был другом ее сыновей. Не его вина, что не может следить зверьков, что забыл, как кидают маут.

— Эх... Хэ!

Снег... Снег... Сколько уж дней падает снег. Белый-белый, мягкий — все деревья укутались в эти заячьи одеяла, голыми остались только ноги. Но начнут свои игры ветер и вьюга, и стволы деревьев до колен будут в снегу. Тепло им будет, до самой весны можно дремать. Зайцы попробовали размять свои ноги. Прыг... прыг — оставили глубокие лунки, не понравилось — вязнут ноги. Белка тоже разленилась, так, нехотя прошлась, глухари не падают в снежный пух — рано еще. Тепло в тайге.

Кружится снег... Каждый день куропачий след бабушки Эки тянется в лес, туда, где она и еще несколько женщин и стариков латают старую изгородь. Подрубают молодые лиственницы, сосенки, ели, березки, а потом длинными шестами валят деревца на землю, кладут перекрестно их, сооружают завалы. Не изгородь — одно название, хорошему оленю ничего не стоит перелететь ее, но хоть плохонькую и то надо, все ж оленю преграда. В этот загон будут отделять транспортных оленей.

Мокрая приходит бабушка Эки, сушит всю ночь унты, ровдужные чулки, разомнет еле утром и опять шагает в лес. Тяжко, но надо...

А Амарча с Воло в ту осень жили сказками. С гостинцем для дедушки Бали обошлось как нельзя лучше — дядюшка Мирон разрешил им брать листовую табак, развешанный под крышей дома. Горлодер! Дедушка Бали кашляет, но сосет трубку...

Увидя друзей, шагающих по тропке, люди остановились.

— Э, да это, никак, глаза Бали идут?

— Они, они...

— Сказками питаются?

— А что в этом плохого?

— Ничего. Хоть табак носят...

— В табаке ли дело-то? — сказал как-то дядюшка Шилькичин, и его ладони легли на головы Амарчи и Вовки. Легли мягко, ласкательно, тепло стало.

Дядюшка Шилькичин был очень молчаливым, редко можно было слышать его голос. С осени он возил дрова для школы, для конторы, а потом до самой весны ходил за грузами. О своем языке, казалось, вспоминал только выпивший. Любили его ребяташки выпившего. Шилькичин собирал тогда всех ребятшек, строил их и вел к магазину.

— Рота, вольно! — командовал он, размахивая руками. Согнувшись, поднимается по ступенькам в магазин, а «рота» — малышня — кто в чем, в больших унтах, в платках вместо шапки, терпеливо ожидала его на улице. Шилькичин выходил с полной шапкой конфет, опять строил ребятшек и раздавал конфеты, а под конец, вытянувшись и вскинув руку к голове, кому-то рапортовал:

— Товарищ Рокоссовский, задание выполнено! Разойдись!

Для Шилькичина не было лучше и главнее командира, чем Рокоссовский. Он служил у него, получал от него орден...

Амарча с бабушкой ели белок. От добычи бабушка откладывает в сторонку несколько тушек, похожих на маленьких оскалившихся человечков, — это для Бали. Древний обычай нарушать нельзя — поделись добычей. В старину только так выживали люди в тяжкие времена.

Амарча срывался и что есть духу бежал к

Бали, знал, что сейчас, горестно вздохнув, оживится слепой, перестанет ворчать его дочь, доярка Пэргичок: «Вечно у меня чистые котлы!» Котлы же у нее черные, как уголь.

— Руки у Пэргичок разные, — говорят о ней, — одна левая, другая правая, за разные дела одновременно хватаются, вот и выходит, что ничего толком не умеет делать.

Летом Амарча приносил им ельчиков и окуньков, свою добычу, тогда дедушка говорил:

— Тезка! Ты совсем становишься мужчиной, меня уж начал кормить. А вот от своего внука ничего не могу дожидаться. Ладно ли так? — он поворачивается лицом к Палете.

— У меня крючков нет, — начинал оправдываться тот, швыряя носом.

— Боюсь, станешь взрослым — вечно кривое ружье будет тебе доставаться...

Палета непонимающе смотрел на деда, занятый своим носом. Взрослые частенько задавали ему загадку:

— Отгадай, у кого мыши не сидят в своих норах — то выскочат, то обратно заскакивают?

Ребятишки смеялись, а Палета, еще раз швыркнув, шоркал рукавом под носом, нанося блеск и на щеки.

Увидев Амарчу с белками, Палета выхватывал их и кричал:

— Белки мои!

Дедушка Бали еще ниже склонялся головой над камусом, руки быстрее начинали работать, стыдился за внука, а Амарче становилось еще жалче дедушку Бали. Эх, если б не дедушка Бали, давно бы морду набил Палете. Он хоть и сильный, а трус. Ткнул его ребята, он сразу в слезы и бежит ябедничать. Жалко Бали. Жалко

чумазую Тымани. Она маленькая, хочет есть, ее словами не уймешь, ее язык признает только настоящую пищу. Однажды Пэргичок, качая Тымани, пела страшную колыбельную песню: «Зачем ты родилась, зачем ты пришла на эту землю? Твое тело не будет знать тепла мехового одеяла, твой язык не будет знать вкуса мяса. Твое лицо не будет знать улыбки, в твоих глазах будет печаль. Зачем ты, Тымани, родилась, здесь горе и слезы — наши песни. Зачем ты явилась в этот недобрый мир?»

Пэргичок отбирала у Палеты белок. Отрезала от холки кусочек мякоти, обжаривала на костре, и получался чукин — недожаренное мясо с соком. Протыкала мясо палочкой и давала Тымани, которая потом долго мусолила его вместо соски. В такие минуты девочка чаще улыбалась, и лицо, кругленькое, сияющее, было точно солнышко.

— О, дылачакан! — светлела сама Пэргичок.

Наверно, имя Тымани будет Дылача — Солнце. Ну и пусть! Лишь бы чаще улыбалась, тогда всем веселее становится.

Но бывали такие вечера, когда даже на голодный желудок не хотелось есть белок. Тошнило от них. Ныли зубы, чесались десны, хотелось выть. Наступали, казалось, самые жуткие, и оттого длинные, вечера. Амарче ни сказок, ни рассказов — ничего не хотелось. Надо было только чем-то вроде напильника драить до крови зубы. Бабушка Эки совала в рот совсем сырое мясо.

— Катай на зубах... Сильнее!.. Что-то рано у тебя эта болезнь, зима только начинается, — горестно рассуждала она. — Вот будешь жить в интернате, там, говорят, картошку, лук дают.

Звывал Амарча, но к словам бабушки прислушивался. Ох, как хотелось оказаться в интернате: не ныли бы зубы, не мерз бы, учился бы! Был бы зрячим, как говорит бабушка, хотя он вовсе не слепой. Бабушка Эки на бумагах ставит родовую метку — рисует солнышко и посередине перекладинку. Так метили своих оленей. Но этого сейчас мало. Надо понимать чужие мысли, передавать свои. И дорог у грамотного — во все стороны света.

Ноют зубы. Пришедший Вовка — не помощник. Что он сделает, разве чем-нибудь отвлечет? Ну хоть сочувствием, и то легче становится.

— Было бы лето... — говорит он.

Когда оно придет, это лето, когда его принесут на своих крыльях птицы? Гаги... Летом нарвали бы дикого лука, накопили бы саранок, пили бы взахлеб сок березы, хватали бы горстями ягоду... От них зубы не болят. Лето далеко, лучше пока его не вспоминать. Надо постараться уснуть, так легче.

Шубой горностая блестел снег, пухлый, мягкий. Ступишь в него ногой — провалишься, как в периновую постель. Надо еще время, чтобы мо-

роз прижал снег, ветерок просеял, тогда он отлежится и уплотнится. Но стоит ли ждать тех времен, если можно самим утоптать снег и на шкурах, на лыжах, а то и просто на коленках лихо съезжать с горки.

Амарча и Воло съехали вниз: один — на коленках, другой — на клочке шкуры. Потом попробовали стоя катиться. Резво несли Воло чирки, но он не устоял и полетел кувырком. Попробовал Амарча, но его подошвы не хотели скользить, и он сразу же оказался на заднице.

— Ха, неумеги! — засмеялся Палета.

Наступила его очередь, и, к удивлению друзей, неуклюжий Палета устоял на ногах и даже победно хмыкнул.

— А кто ближе подойдет к полынье?

— Утонем, — сказал Амарча.

— Трус вы! С горы и то не можете съехать, — подначивал Палета.

— Давай! — выступил Воло.

Взглянули на реку. Там, где летом была самая быстрина, сейчас лениво шевелилась темная вода.

Воло нашел у берега палку и, стучая, первым спустился к речке. За ним двинулся Амарча, последним — Палета. Воло постукивает и идет к полынье.

— Даже не трещит, — говорит он.

— А вы боялись, — слышен сзади голос Палеты.

Вовка вовсе расхрабрился, начал приплясывать. Повеселел Амарча — напрасны были его опасения. Но близко подходить к полынье все же опасно. Глянешь — что-то страшное ворочается там, дна не видно. Хотели было уже поворачивать обратно, но тут Воло прыгнул зайчиком на белый непримятый снег и ушел в воду. Хорошо, что у него в руках была палка. Воло подтянулся, из воды показалась голова, закричал.

Амарча упал на живот, схватил конец палки, начал тянуть, но вытащить Воло не хватило сил.

— Палета! Палета! Эне! *

«Где же Палета?» — со слезами на глазах Амарча искал Палету, но никого нет. Где же он, вот ведь рядом стоял, не нырнул ли и он? А что там? У самого берега шевелится какой-то снежный комок. Палета бежит, испугался, струсил! Заячья душа, волчьи ноги!

— Палета! Э... э... Помогите!.. Воло, держись!

У Вовки глаза стали не меньше свиных, тоже что-то кричал.

— Что случилось?! Хэвэки, помоги! Не дай уйти под лед детям! Хэвэки! — с мольбой, со слезами бежит бабушка Эки. Сам бог ей помог выйти из чума в тот момент, когда раздались крики.

— Ху! Ху! — тяжело пыхтит бабушка Эки, продолжая молить духов, бога. Подбежав к ребятам, она падает, но успевает схватить Воло за руку и вытаскивает на лед.

* Эни, эне — мама.

— Ху! — глубоко и облегченно вздыхает она и, взяв в охапку Вовку, направляется к берегу.

— Домой! — коротко бросает бабушка Амарче. Ребята плачут. На берегу она присела прямо в снег, отдышалась. Пришла в себя.

— Кэ, хватит плакать, — сказала она, — не взяла вас к себе вода... Бегите греться.

На горе показался дядюшка Мирон. Он тоже не помня себя бежал к реке. Увидя бабушку Эки, Амарчу, Воло, он перевел дух и сердито прохрипел:

— Марш домой! Будешь теперь под замком сидеть!.. Спасибо тебе, Эки! Спасибо, успела. Марш домой!

— Ругай не надо, — подобрала бабушка русские слова. — Парнюски вода пробовал, теперь знай вода.

Дома бабушка Эки похвалила внука:

— Бог знает какой человек вырастет из Палеты. А ты молодец, не бросил друга...

Нижние люди позвали Маду

Несколько дней не появлялся Воло. Даже бабушка Эки забеспокоилась.

— Может, и вправду отец его держит под замком. Кто его знает, Мирона.

Амарча крутился у окон Госторга. Окна замерзшие, но щелочки есть, если глазом прильнуть, можно что-нибудь увидеть. Прилипал изнутри Вовка. Кашляя и хрипя, как отец, кричал Амарче:

— Болею, не пускают.

В эти дни Амарча несколько раз бывал на фактории. Заходил в контору, в магазин, в школу, послушал разговоры. Говорят, что скоро начнут строить дома, и в первую очередь дадут их таким семьям, как его бабушка Эки и дедушка Бали.

— Если б не война, давно уже в домах жили бы, — сказала бабушка, — вот где сейчас живет молодая девчонка Маша, врачиха, там жил твой отец Кинкэ с матерью. И ты там жил. Я тоже, бывало, ночевала там. Зимой-то ничего, тепло, а летом душно, а потом этот лес порезали на дрова.

Бегал Амарча смотреть коров — председатель артели Черончин опять сильно ругался из-за них. Нащипали им где-то травы, а сюда не привезли. Плачут, режут бедные коровы, есть нечего. Выпустили их из холодного амбара, переделанного под их жильё, разбрелись они по берегу, обглаживают гальник, как зайцы. Зайцу-то это привычно, а им... Жалко их. Это не олени, не умеют коровы себе находить корм. Молоко у них хорошее, но жидкое. Оленьё вкуснее, одной кружкой разводят большой чайник, и то вкусно бывает. Обморозят коровы соски, тогда совсем плохо им будет, попадет тогда председателю.

По стойбищу разнеслись две новости: старик Мада собрался к верхним людям и вернулся Ганьча Лантогир. Первая новость встревожила бабушку Эки, и она печально сказала:

— Хоть и никудышным был он, а жалко. Сердце-то у него неплохое. Болтал много лишнего, кричал, а без артели не мог жить. Жалко будет, если он взаправду собрался.

Мада лежал на оленьей шкуре, брошенной рядом с костром, одной рукой держась за поясицу, а второй — за грудь. Он не охал, не стонал, а, закатив глаза, тихо прислушивался к себе. В последнее время боли-колики случались частенько, но он не обращал на них внимания. А тутхватило поясицу — туловище вроде бы стало переламываться на две части, и неладно стало с сердцем. Здоровый был — не замечал его, а теперь, когда рядом с сердцем, по собственному определению Мады, поселился маленький зверек — горноста́й, он услышал. Тесно им стало в груди. Время от времени горноста́й начинал шевелиться, старик нажимал рукою на грудь, не давая зверьку перевернуться, но тот, видимо недовольный, огрызаясь, пускал в ход свои острые зубы. Кусал так, что старика пронзало всего, как иглой. Он замирал, морщился, но не стонал. И с каждым укусом, казалось Маде, нить, державшая сердце на весу, становилась все тоньше и тоньше.

«Время мое пришло, — как-то равнодушно думал он, — уж коли горноста́й выбрал себе гнездо рядом с сердцем, он выживет его. Где же сердцу устоять против этого зверька-молнии? Пора к верхним людям. Все старики уже там. Ни одного не осталось, кто бы мог сказать: я помню Маду, привязанного к спине учуга*. Похоже, не долго осталось теперь ждать...

Меня по старинным обычаям и проводить некому, — горько думалось ему. — Хукочар пальцем не шевельнет. Мой уход к верхним людям будет причиной напиться».

Детей своих у него не было, жил у дальнего родственника Хукочара, никудышного охотника и пьяница.

Хлопнула дверь. Вошли жена Хукочара Тая и медсестра Маша Софьянникова.

— Чего, дедушка, скорчился-то? — нарочно весело и громко заговорила медсестра. — Я думала, на суглане опять будем ехорье танцевать. А ты лежишь...

— Спина, — еле сказал Мада. Про горноста́я решил не говорить. Не поймут.

По сморщенному и напряженному лицу Маша поняла: у деда серьезное что-то.

— Тая, помоги. Доведем до медпункта.

В маленькой больнице Маша натерла старичку поясицу, сделала укол.

* Учуг — ездовой (верхом) олень.

— Ничего, дедушка, плясать еще будем!

— Хорошо бы,— сказал Мада и попытался улыбнуться: эта боевая русская девчонка нравилась ему. Быстро освоила речь эвенков и не давала спуску ни одному парню. Они ее побаивались. Мада ей верил.

Поясница и вправду стала успокаиваться, замер горноста́й, и старичок спокойно уснул.

Проснулся и не понял, где находится. Кругом бело. Раздвинул на окне занавеску — вспомнил. Потрогал поясницу, приложил руку к сердцу — тихо. Стало быть, можно уходить. Он знал, что здесь лежат, но он-то может уже ходить и сидеть. Опустил ноги на пол и хотел уже надевать свои старенькие штаны, в это время зашла Маша.

— Пойду домой,— сказал старичок.

— Нет, дедушка, полежи еще день-два, а потом посмотрим...

— Ланна,— с радостью согласился Мада,— ты, Маша, икола давай, таблетка не надо давай. Икола хорошо.

Старичок с удовольствием улегся опять на чистую постель. Оглядел кругом — ах, как всюду чисто, никогда не приходилось жить в такой комнате. Тут начал переворачиваться горноста́й. Сейчас укусит сердце — старичок обеими руками зажал грудь, заворочался.

— Что, дедушка? — посмотрела на него Маша.

— Сердце,— сквозь зубы сказал Мада.

— Вот это уже хуже.— Медсестра порылась в шкафу и подала таблетку: — Съешь...

«Харги, видно, уже не обмануть,— твердо подумал старик,— время пришло. Не хочется, а уходить в землю придется».

Стемнело уже, когда Мада решил все-таки сходить к Ганьче — давно не виделась. Открыл дверь, а там полно народу — женщины, парни, ребятишки. Старичок опустился на землю у самого входа в чум, подобрал ноги под себя, огляделся. Ганьча — в чистой рубашке, подстриженный, какой-то неузнаваемый и уже подвыпивший. Ему, видно, уже успели рассказать новости, и он, увидев Маду, заговорил:

— Дома бы я давно зарытый был! Помните, у меня же век тут болело,— он ткнул себя в бок.— Там, как привезли, сходил к доктору. Он говорит: грыжа, надо ложиться на операцию. Лег я. Меня усыпили, и я даже не почувствовал, когда меня резали. Теперь ничего не беспокоит. Дома меня давно зарыли бы...— повторил он.

— А что ты там делал? — спросил Мада.

— Работал.— Ганьча провел по голове рукой.

— Как работал? Там же в железные ящики запирают...

— Работают там. Я даже специальность приобрел — столяр. Делал стулья, столы,— похвастался Ганьча.— Теперь все могу делать сам. Там даже деньги дают. Все честь по чести. Белье белое, в баню каждую неделю ходил, в кино. Поवेशат белое полотно, начинают крутить какую-то

машинку, и живые люди начинают бегать по стенке.

— Хэ! — удивился Мада.

Кино не видел никто, кроме русских и Черончина.

— Тюрьма есть тюрьма! Что же ты там не остался? — неожиданно сказала молодой парень Витька Кордуй. Он возил дрова. Все повернулись к нему, заговорили, зашумели.

Старичок прислушался к разговору — ничего интересного. Говорили про охоту. Это он знает. И вышел на улицу. Глянул на небо — узнать про завтрашнюю погоду. На западе звездные охотники гнались за звездными сохатыми, ярко горели звезды — хороший будет день.

Мада кашлянул и хотел было шустро двинуться к дому, но вдруг замер и схватился за грудь. Горноста́й проснулся неожиданно и, как ножом, полоснул своими зубами по сердцу...

Старичка нашли лежащим на дороге. Он лежал на спине и смотрел вверх, в пустоту.

Амарча спрашивал у бабушки:

— Откуда Мада знал, что ему надо уходить?

— Старики знают,— отвечала она,— они не ошибаются.

А знала ли бабушка Эки, что и ей скоро уходить? Может, знала, да молчала.

...Лишний кусочек хлеба, лишний кусочек мяса приберегала бабушка Эки для внука. Это, видно, и подкосило ее силы.

Ударили сильные морозы — повисли льдинки в туманном воздухе. В такие дни спасает только жаркий костер.

Пошла бабушка Эки осматривать петли, поставленные на зайчишек, но, видно, не рассчитала силы.

До самой темноты в тот день держал живым огонь Амарча, подбрасывал дрова. Весело, бойко разговаривал огонь, а потом кончились дрова, огонь замолчал, дымом изошел. Тут сразу же дал знать о себе мороз — полез под маленькую парку, руки стало сводить. Амарча укрылся меховым одеялом, надышал там, теплее стало.

Сколько так лежал, не помнит. Может быть, этого времени хватило бы на перекур одной трубки, а может, десяти, но бабушки не было. Стал пробираться мороз. Амарча ворочался, крутился, и в голову стали проникать тревожные мысли: где бабушка Эки? Почему ее нет? Неужели наловила столько зайцев, что принести не может? Оставила бы половину, назавтра сходила. А может, заблудилась? Но ведь бабушка Эки даже с завязанными глазами не смогла бы потерять дорогу к чуму? Бог видит, сколько мог, столько и крепился Амарча, но холодно и тревожно стало, и он заплакал.

Раздался лай Качикана. Бабушка Эки идет! Амарча сразу забыл о слезах, радостно сбросил одеяло и выскочил на мороз. Кругом темнота. Где же бабушка Эки? Разглядел только тень Качикана.

Собака завывала.

— Качи! Пойдем в чум!

Диво, Качикан не хочет заходить в чум.

— Качи! Качи!

Собака опять как-то горько взвыла, словно кто-то обидел ее, и побежала к лесу. Амарча закричал, заплакал и кинулся за ней.

Никто из родителей Воло — ни тетя Наташа, ни дядюшка Мирон — не могли объяснить, почему Вовке в такой мороз захотелось выскочить до ветру на улицу. Он выскочил, не увидел летящих искр из чума своего друга и услышал его плач.

В темноте вся семья Фаркова бежала по лесу, догоняли Амарчу. Кричали. Звали. Они нашли его, когда уже у Амарчи не гнулись руки, не слушались ноги. Хрипело горло, застыли слезы. Не мог уже плакать.

— Бедный мальчик, — только и сказала тетя Наташа.

Бабушку Эки нашли после. Лежала согнувшись на своей тропинке, за спиной — поняга с двумя привязанными зайчишками, рядом посох и еще сухостоина — для костра.

— Хо... Эки, Эки, — печально сказал дедушка Бали, — ушла, как ездовой олень. Запалила свое сердце, и оно не выдержало, разорвалось на ходу. Хо, горе-то! Пусто будет на земле Амарче без тебя. Жаль мужичка, не окрепли крылышки его. Беда...

Амарча обморозил руки, щеки и уши. Их намазали жиром, руки замотали тряпочками, а щеки и уши оставили так. Они почернеют, обрастут коростами, а потом коросты отвалятся. Это небольшая беда. Вот как заживут коросты на сердце?

Обмыли грудь и живот бабушки Эки горячей водой, нарядили в приготовленную заранее самой бабушкой «походную» одежду, не застегивая пуговиц и не завязывая ремешков, — так легче и свободнее душе уходить к верхним людям. На дно длинного ящика постелили кумалан и положили покойницу. В изголовье легла иммэрук*, рядом — кремневка, провиант для охоты, посох, огниво, кисет с трубкой, скребки для обработки шкур. Полный стал ящик — все умела делать бабушка Эки, там тоже понадобится.

Принесли раскаленную сковородку, бросили на нее кусочки жира, они затрещали, задымались. Этим дымом окурили уходящую к верхним людям — пусть «там» понохают.

До ямы, вырытой рядом с холмиком Колокона, несли бабушку Эки женские руки. Опустили длинный ящик в яму, полетели туда первые комья земли, и тут весь ритуал прощания нарушил Качикан. Видели его идущим вместе со всеми, но особо внимания не обращали. Чаще посматривали на Амарчу, держащегося за руку дедушки

Бали, тяжело вздыхали. Но посыпались в яму мерзлые комья, запрыгнул туда Качикан и, рыча, громко залился хриплым лаем. Хэ, Хэвэки! Что тут началось! Шарахнулись женщины от ямы, закричали:

— Что с ним?

— Не хочет отпускать Эки!

Заругался сторож пороховушки Трифонов, спрыгнул в яму, еле выкинул упирающегося и визжащего Качикана, а потом с Мироном Фарковым забросали яму...

Печальная была ночь. Свет от костра освещал старый чум, вырисовывал сидящую согнутую фигуру дедушки Бали.

Вставал морозный, серый рассвет. Что сулило утро старику Бали и Амарче?

Послышались торопливые, легкие шажки — так бегал Воло.

— Воло, мужичок, тепло ли ты одет? Путь нам предстоит. Я хочу так сделать, чтобы с сегодняшнего утра для твоего друга Амарчи началась новая жизнь. Хэвэки, пусть это утро будет добрым для Амарчи, для тебя, Воло, для всех вас. Пойдем в кочевой Совет, к людям...

Они вышли на морозный воздух, как в жидкое молоко.

Вот и все...

Выплыли те фигурки, как тени, на тропинке, ведущей к фактории, и не сдержалось, вздрогнуло мое сердце...

Прощай, мальчик мой, Амарча. Повезут тебя в интернат, как и хотела бабушка Эки, раньше, чем к нашей Полночной земле начнет свою новую кочевку Солнце, и раньше, чем вернутся гаги... Вся огромная необъятная страна, помимо тысяч и тысяч таких же огромных забот, не забудет склоняться к твоему изголовью. Какие сны тебе будут видеться, мальчик, по каким дорогам придется тебе шагать? Не растеряй, Амарча, на тех дорогах свои первые тропки, лица, события, возьми их с собою.

Прижмись, мальчик мой, к дедушке Бали, крепче прижмись. Ему недолго осталось согреть тебя. Придет конец и его земной тропе, уйдет в землю и он. Пусть же вечно в твоем сердце отзываются эхом его сказки, пусть плачут и призывно трубят священные птицы — лебеди, журавли и гаги, они научат тебя любить людей и нашу неласковую землю до слез, до боли.

Не затеряй следы и Воло, будь с ним рядом. Страна наша без края и конца, но не теряйтесь. Может, еще не раз вам придется опираться на плечи друг друга, идти друг за другом.

Какие сны тебе будут видеться, Амарча?..

* Иммэрук — шкатулка для иглоков, наперстков.

Юрий
АЛАН

В прошлом веке путешественники, посетив Полярный Урал и Обский Север, пророчески называли эти гигантские просторы краем будущего. Их поражал увиденный контраст: как богата и велика далекая земля и как скромны были дела малочисленных ее жителей — хантов, манси, ненцев, селькупов. Они, как и их предки, всего лишь ловили рыбу, били зверя, собирали ягоды и пасли оленей. И хотя нынешние ханты и ненцы вместе с русскими людьми и сынами других национальностей добывают, применяя сложную технику, газ и нефть, водят вертолеты, словом, преобразили свою жизнь и край со всей очевидностью, все равно и ныне путешественники, побывав в Заполярье, повторяют те же слова: «Север — край будущего!» Такой могучей оказалась угаданная геологами природная сила дремавшей тысячелетия земли. Здесь множится поселкам и городам! Тут быть сильной экономике!

Постановлением Советского правительства в 1926 году в группу так называемых малых народностей Севера были включены ханты, манси, ненцы, селькупы. Каковы судьбы этих действительно малых народов? С доисторических времен они живут в этих краях или пришли сюда из иных земель в обозримое прошлое?

Например, ханты. Каково их происхождение? Этнографы доказывают: их предками были древние племена, жившие в Западной Сибири еще в эпоху неолита и бронзы. А примерно в первом тысячелетии до нашей эры в этот же край пришли с юга угры, разводившие скот. Они, как более сильные, ассимилировали местное население. Однако при этом и сами восприняли формы хозяйства и культуру аборигенов Севера, приспособились к суровому климату. Завершилось же формирование хантов (и манси) лишь к концу первого тысячелетия нашей эры. Теперь, в двадцатом веке, в жизни хантов происходят крутые перемены под влиянием русского населения. Ханты живут в русских избах. В интерьере домов много признаков современного быта — радиолы, магнитофоны, книжные шкафы, телевизоры. И пусть по-прежнему ханты преимущественно ловят рыбу, но это уже не те

«рыбоядцы», какими их видели в прошлом веке, а современные люди. Даже возникает тревожное чувство: не слишком ли быстро ханты утрачивают самобытность своей культуры и оригинальность обычаев и обрядов? Скажем, медвежий праздник сейчас проводят лишь старики в очень отдаленных селениях. Здесь рождаются новые традиции. На Обском Севере празднуют День рыбака. Конечно, такова логика событий: старые и новые обычаи сочетаются. Это единственный путь к исторической зрелости любого народа. И наше государство многое делает для того, чтобы этот сложный процесс пересотворения народов был гармоничным, лишь к отдельным «покорителям» Севера есть претензии... Надо бы быть мудрее в землях малых народов, бережнее относиться к их культуре. Чьи-то же руки еще способны, к примеру, снять колокольчики с халмеров (захоронения в тундре), не будучи уверенными в том, что эти могилы давно не посещаются. Однако же такие любители старины не догадываются, что хант или ненец может в любой момент приехать «в гости» к предкам и за многие сотни километров...

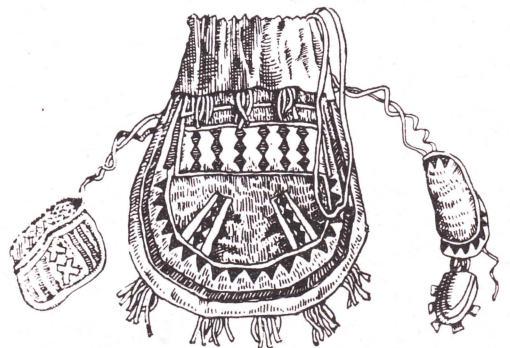
...И тому, кто Севера никогда не видел, и тому, кто жил там, думаю, будет интересна книга многоопытного этнографа З. П. Соколовой «Путешествие в Югру» (издательство «Мысль», 1982 г.), слайды из которой мы воспроизводим на вклейке этого номера нашего журнала. Автор «Путешествия в Югру» более 25 лет изучала жизнь малых народностей, исходив, можно сказать, весь Обский Север. Эта обстоятельная и увлекательная книга дает массу новых знаний о происхождении и истории хантов, манси, ненцев и селькупов, об их занятиях и жилищах, об их национальной одежде, обычаях и праздниках, искусстве и фольклоре. Этнограф восхищена многотерпеливым духом народов, который не угас в стуже тысячелетий, а оживил суровые края.

На 1, 2, 3, 4 стр. вкладки
репродукции из книги,
выполненные О. Капорейко

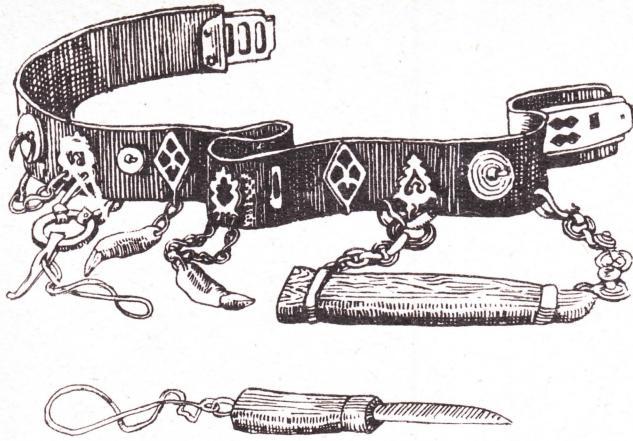

Оленеводы.

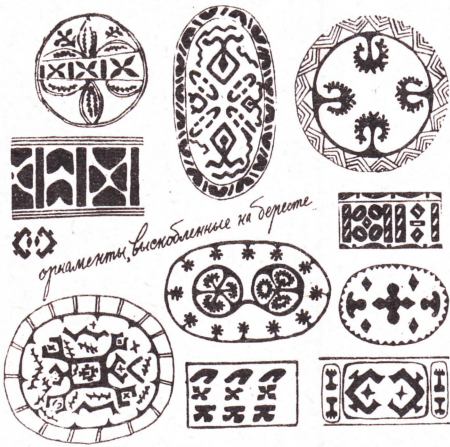

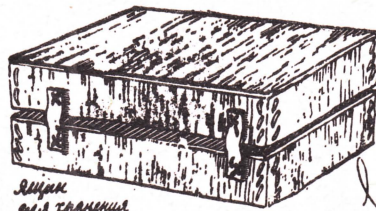
Пояс охотника-манси.

Женская ненецкая одежда.

Тутчан — мешок для рукоделия.

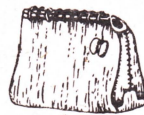

Ящик для хранения продуктов

Без из бересты

мешочко

Коробка для сала

мешок для хранения рыбы и мяса

Коробка для замешивания теста

Ляжка для рыбы

Картуз

Финал I Всесоюзных туристских соревнований.
 1972 год. Закарпатье.
 Лучшие — юные туристы Украинской ССР.
Финал II Всесоюзных туристских соревнований.
 1976 год. Белорусская ССР.
 Лучшие — юные туристы Белоруссии.
Финал III Всесоюзных туристских соревнований.
 1979 год. Башкирская АССР.
 Лучшие — юные туристы Белоруссии.
Финал IV Всесоюзных туристских соревнований.
 1982 год. Азербайджан.
 Лучшие — юные туристы Украины.

Техника туризма — очень важный вид соревнований. Надо уметь в считанные секунды поставить палатку, уложить рюкзак, перейти «стенкой» брод, одолеть со страховкой спуск-подъем, пройти, «не замочив ноги», по кочкам и бревну...
 Строги судьи: оступился на бревне — пятнадцать секунд штрафного времени засчитывается команде.
 Хозяева, ребята из Азербайджана, рады показать гостям из других республик свои национальные танцы.

«Природа, опыт и размышления
научили меня».

Робинзон Крузо

Огромная армия судей и все мы, «аккредитованные журналисты», еще сидели в Баку, а ребята уже вышли в путь на Большую Поляну соревнований. Они шли четырьмя маршрутами и должны были через несколько дней сойтись в местечке Амсар, на севере республики.

Виргилия Швабенланд из Киргизии с утра отвезла группу на маршрут.

— Сколько там змей в горах...— сказала Виргилия так, словно, разрезав арбуз, обнаружила, что он не так уж плох.

— Змей?! Вот мерзость-то...— перепугались мы.

— Что вы? Вам змея принесла когда-нибудь вред, нет? Вот видите... Это генетическая информация, ее нам оставили далекие предки, на всякий случай. А мы боимся. Между тем змея такое изящное творение природы!..

Однажды она вела группу у себя в Киргизии. Расположились на привале, двое мальчишек отправились за водой. А когда вернулись, у одного из них с запястья кольцом свисала змея.

— Виргилия Александровна, смотрите, что я принес! — Мальчишка был в восторге от того, что преодолел

Учащиеся школы № 32 Белгорода, представлявшие на соревнованиях старшую группу РСФСР, не раз бывали на Кавказе. Ребята ведут поиск, посвященный героям битвы за Кавказ. Они многое могут рассказать про свои горные экспедиции. И не забудут упомянуть о том, как однажды на привале шакалы опустошили оставленный котелок с супом и раскидали обувь... Ребята из школы № 3 Ашхабада по заданию Академии наук Туркменской ССР описывали растения, благоустроивали родники; они до сих пор вспоминают тот поход, когда из жары вдруг попали в холод и снег...

Миллионная армия мальчишек и девчонок идет в лыжные походы, плывет на байдарках и плотах, забирается в горы. Почему? Потому что ванну, обложенную кафелем, вброд — как перейдешь? И много ли труда надо, чтобы разжечь огонь в газовой плите или укрыться от дождя под зонтиком? Неженки и это устраивает вполне. А других неудержимо тянет в путь — себя проверить, научить, закалить.

В этом смысле турист уже сам по себе следопыт. В так называемой первой инстанции...

Турист тоже открывает свои острова в жизни. Бродя по родному краю и далеко от него, он видит, слышит, запоминает. Путаясь на многочисленных тропках, постигает науку ориентирования. Учится выносливости, потому что для него существуют «единички» и «двойки» — походы категорийной сложности, в которых по законам спорта важны километры и время.

РОБИНЗОНЫ С ГРУЗОМ

Нина
ШИРОКОВА

Слайды
Н. Кофмана

лел брезгливость и смог дотронуться до «совершенного творения природы».

Виргилия очень спокойная женщина. Только в груди у нее тогда все помертвело: в неподвижном кольце змеиного браслета ясно проглядывалась гадючья голова. Она осторожно сняла с руки мальчика змею и отбросила подальше... И только потом своим размеренным мягким голосом объяснила:

— Это гадюка, Алешенька. Она спала. Если бы чуть-чуть ее обгорело солнце или она согрелась бы от тепла твоей руки — она ужалила бы. Будь в другой раз осто-рожен.

...Почему Робинзон Крузо стал известен? Совсе не потому, что потерял кораблекрушение. А потому, что освоил СВОЙ ОСТРОВ, научился понимать природу и извлек из этого пользу, многое для себя открыл.

Туристы встречаются и с препятствиями, и даже иногда с опасностью — что на это закрывать глаза. Все в пути может быть. Разве нет смысла в знакомстве с природой, в одолении ее?

Один юный ленинградец выразился так:

— Туризм — единственный вид спорта, который представляет спорт и еще что-то другое...

Это «другое» мы попробуем расшифровать впереди — неоднозначно и множественно. Но первый пункт уже обозначился: первое и важное значение туризма в том, что подросток в тесном общении с природой познает ее законы. Это может быть не только дружелюбное общение, но и поединок, — они нужны, если человек продолжает считать, что он живет на Земле, а не только в квартире с удобствами.

Но вот уже много лет, как к спортивной стороне добавилось и «что-то другое»... Ленинградцы из 241-й школы совершили походы, один — I категории, другой — II категории. Спортивные термины, да? Между тем первый поход был экспедицией по реке Вуоксе, где выполнялось задание Всероссийского общества охраны природы; второй — экспедицией на Иссык-Куль — по заданию Географического общества СССР.

Узбекские школьники из города Ангрена собрали коллекцию «Богатства наших недр», которая используется на уроках, помогает учить географию, физику, химию.

Группа, представляющая Министерство путей сообщения из города Верещагино Пермской области, изучила малоисследованные пещеры своего края.

Ребята из 19-й минской школы открыли этнографический зал.

Юные эстонцы из Юриской средней школы собрали и записали местные легенды.

С окрестностей родного города, с развалин старого замка и мельницы, рыбозодческих прудов начали знакомство с Родиной ребята из города Руйена Латвийской ССР...

Музей Якуба Коласа создали ребята из Белоруссии в Боровлянской средней школе...

По следам пламенного революционера Мешади Азизбекова прошли юные туристы Хырдалаянской школы Азербайджана...

Ребята из 170-й школы Москвы, побывавшие на Санчарском перевале, в память о защитниках Кавказа укрепили металлическую пластину со словами благодарности

погибшим воинам. Кстати, они же установили традицию палаточных лагерей в зимние каникулы под Москвой...

«Чем-то другим», еще десяток лет тому назад неведомым туризму, становится серьезная поисковая работа. Следило — в сегодняшнем нашем понимании — оказалось органично связано с традиционным образом туриста под тяжелым абалаковским рюкзаком.

Есть свои закономерности у этого явления, и есть свои сложности, которые по сей день рождают споры, есть сторонники и противники. Но два начала — спорт и поисковая работа соединились именно в детском туризме.

Достаточно сказать, что на Всероссийских детских туристских соревнованиях тридцатью баллами из ста оценивалась краеведческая работа...

Семь верет до небес,
и все летом.

Туристская поговорка

Куда девалось щедрое бакинское солнце, жара, духота? О том, чтобы продохнуть, думать нечего... На костры нет времени — вперед, вперед! Да и не загораются костры: если дрова не горят — значит, идет дождь...

Ребята из Туркмении, из города Небит-Дага, признаются:

— Мы столько воды и не видели никогда...

Они идут четко, не спеша. Будто вся команда превратилась в спокойного, аккуратного, неторопливого Сашу Никулина, завхоза. Их обгоняют москвичи, бегут как на пожар. А зачем спешить? Главное — не опоздать.

Степняцкую философию туркменов неожиданно переняли ребята из Эстонии, примкнули к ним. Туркменский язык немного похож на азербайджанский, плохо ли, хорошо, но можно изъясняться. Вместе легче идти. Да и тридцать человек — не пятнадцать: проще разделить общий труд. По дороге и своими языками, как могли, «обменялись».

Так у них в пути образовалась республика ТуркЭстония. А потом «прибыли» грузины и таджики — все, кто шагал по этому маршруту, и стала совсем какая-то невероятная республика, которой уж и названия никто не мог придумать.

В Чарахе население встретило их тепло. Дети, пожилые люди... Каждый зовет в гости, каждый спрашивает, не надо ли чего. Угощают лавашем с шором (жидким сыром), приносят в палатки молоко, сочувствуют: «Туризм тяжело: спина болит, ноги не идут». В селении Афурджа жители вынесли целое ведро компота. Старый дед встретил с мешком яблок.

Хоть и кратковременные были эти сердечные встречи, а как потом становилось тепло при одном воспоминании о пройденных селениях, — в мокрой палатке, в набухшей одежде, под нудным, без конца и начала, дождем... У ребят из Небит-Дага в группе и так семейные отношения, а тут еще будто дальние родственники объявились!..

Этого человека на соревнованиях не было. Валентина Викторовна Былинкина, директор детского дома в Небит-Даге, осталась в родном городе. Но она незримо была рядом с каждым из пятнадцати ее воспитанников, представлявших в Азербайджане среднюю группу Туркмении. Несколько лет назад, когда она заступила на свою должность, когда приняла детдом в самом плачевном состоянии (а по накладным значилось, что дети ходят в «импортном» одеянии...), когда оказалась перед тысячами проблем, еще более сложных, чем посадить четырнадцатилетнего подростка в первый класс, — она поняла, КЕМ должна стать для этих ребят. И отдала им свое сердце, мудрое и щедрое сердце матери. Чтобы навести порядок, создала в детдоме совет комиссаров — совсем как у Макаренко — из самых отъявленных озорников.

Эти ее первые птенцы, которым она расправила крылья, уже вылетели из гнезда: Жорик Джораев, Гена Калининский, Коля Караханов, Курбан Мыдаров служат в армии, учатся в военных училищах. Они же были и первыми туристами... Валентина Викторовна стирала в детдоме туристский клуб и начала учить детей ориентированию. Шесть лет существует клуб, и пять раз ребята были уже чемпионами своей республики. Около 60 кубков, 300 грамот... Сто пятьдесят экспонатов на постоянной выставке в школе (сот молодых, как скромно и солидно называли, а то два-три плаката — и уже громко именуют: музей!).

Лучшие в республике туристы... Одна Валентина Викторовна знает, что вернутся они, и придется сдавать взятые напрокат палатки, рюкзаки, спальники, кроссовки... Снова ее дети будут ходить на физкультуру кто в чем: не хватает средств, не обойти финансовые препоны.

[К месту тут одно размышление. Многие группы на соревнованиях обмундированы напрокат детскими республиканскими станциями, многим придется снаряжение возвращать. Но ведь этим детям мамы купят и кеды, и спортивные костюмы, и кроссовки... И потому, когда (конечно же совершенно заслуженно) чествовали и награждали в конце команду-победительницу Украинской ССР и представитель ЦК ВЛКСМ преподнес еще всей команде по спальнику, рюкзаку и палатку, невозможно все же засвербило в душе: от этих щедрот немного бы и тем, у кого нет по два рабочих и два парадных костюма, у кого вообще нет ничего своего.]

Нет хуже плакаться. Дети Валентины Викторовны Былинкиной будут ходить и на физкультуру, и заниматься туризмом. Где бы они ни были — она будет думать о них. И как далеко ни была от них Валентина Викторовна — ребята думали о ней: о своей маме, о президенте туристского клуба.

В своем четырехдневном походе туркменские ребята не спешили потому, что знали: дороги они не потеряют. Ориентированию мама обучила! На краеведческом отчете могут «сесть», тут они реально свои возможности оценивают. Соберут что угодно — по зоологии, по геологии, а обработать материал не очень-то умеют: некому было проинструктировать.

В урочище Шарга они все, как один, застыли перед величественным видением. Гигантская шапка неба, кочевье, в тумане маячит фигура пастуха... Бараны, собаки ходят кругом... Ощущение простора и вечности: то ли картина, то ли кадр из фильма, то ли легенда. Пастух, который только что для них был неподвижным изваянием, приветливо заговорил, нарисовал дорогу в лес, на холм, где стоял когда-то давным-давно средневековый город.

Ну и объект им достался!.. О городище Шарга в исторической литературе они не нашли даже упоминания. Обломки строительного камня, черепки древней посуды... Здесь, где местное население косит траву, действительно стоял город, карауля караванный путь из Дербента в Баку.

Надо описать этот объект, доставить на Поляну все данные о нем, собрать все сведения о городе, существовавшем между XII и XV веками. Вот теперь началась работа, ради которой они шли. «Логика местности доказывает присутствие города, — начнут они свой отчет. — Затрудненность подхода с севера, запада и востока...»

Азербайджан — страна древняя. В старых селениях нет дома, где бы не нашлось медной и глазурованной глиняной посуды, извлеченной сохами из земли. Здесь не только черепок, крепость — целый город — можно откопать. То кувшин с древними монетами обнаружится, то останки в пещере гигантского оленя с размахом рогов в шесть метров; или колея двухколесной арбы, отпечатавшаяся на камне, уходящем далеко в море — свидетельство изменения уровня Каспия...

Азербайджанским ребятам-туристам все это не в диковинку. Сергея Арменакозича Арутюнова, главного судью по краеведческому путешествию, который и сам не один год ходит с ребятами, поразила на соревнованиях, во

всяком случае, не археология: «Украинцы принесли та-кие палеонтологические сведения!.. Я непременно этот район должен облазить, это по моей части». Ему какую-нибудь ископаемую бабочку подавай...

Ну а приезжим ребятам, из других республик, интересна старина. В ней — колорит, величавость, легенда. Для ребят она — открытие. Так же, как на соревнованиях в Белоруссии, были открытием дороги партизанской славы.

А ныне белорусы идут исследовать крепость Гюлюстан, которая — подумать только! — оказывала сопротивление полчищам Чингисхана!.. И считают важным сослаться на поэта Хагани Ширвани, что Гюлюстан была второй после Шемахи резиденцией правителей Ширвана. Киевляне занимаются подробным изучением крепости Калей-Бугурт, от которой остались лишь развалины. В их отчете и схема пластов: глубина, мощность, гнейсы, сланцы... и метеорологические наблюдения, и гидрологические сведения — и во всем чувствуется солидная подготовка. Данные эти собирают все группы без исключения. Но киевляне — исключение: их отчет — целый научный труд...

Москвичи занимаются крепостью Чарах-Кала — оборонительным сооружением V—VI веков. «Чарах» — факел. Когда-то крепость оповещала соседей о набегах кочевников: днем — дымом, ночью — огнем. Кстати, единственный, кто проник в крепость через щель, был самый маленький паренек из литовской группы; он один смог увидеть, что там внутри: дуб растет, клен и что-то похожее на комнату с крышей. Он же измерил толщину стены у щели — 4,4 метра... Ребята из Узбекистана добавили к этим сведениям любопытную историческую деталь: Чарах-Кала ни разу не была взята врагом.

Дизавар, Гыз-Галасы, Беш-Бармак, Дурданкала... Грозно ошетилившиеся скалы или сплошные развалины, остатки былой мощи, древние дворцы, овеянные легендами... По трем из этих предложенных восьми памятников вообще нет литературы, они неизвестны. Да, и заочно, и стационарно изучать такие объекты ребятам интересно!..

А когда так — что им дождь? Они все равно дождутся, когда из тумана появятся величавые очертания старой крепости, чтобы сфотографировать ее; на мокрой блестящей земле разглядят дивный рисунок черепка; сквозь ненастную пелену дождя увидят красоту древней и прекрасной страны.

Одна дорога может вести
на все четыре стороны...

Туристская поговорка

Кто же это смеялся над главным судьей по туристскому снаряжению и навыкам, когда он в жарком Баку проверял свое «аварийное» хозяйство: «Нет, вы глядите, чем он занимается?! Да ведь солнце палит...» А бывалый человек Борис Лазаревич Зарх, разворачивая свои полиэтиленовые простыни, будто не слышал этих слов... Где этот насмешник, поглядеть бы на него сейчас, когда на Большой Поляне ни на ребятах, вернувшихся из похода, ни на судьях, делавших все четыре дня свое дело здесь, на Поляне, нет ни одной сухой ниточки...

Мы стоим на втором этапе контрольно-комбинированного маршрута, именуемом «переправой по бревну со страховкой». Бревно скользкое, веревка-страховка мокрая, крутой берег к арыку предательски квасится, сверху льет проливной дождь.

— А что это столько воды? — наивно спрашивает Таир Алиев, парень из контрольно-спасательной службы. — Все, меня уже можно в стиральной машине отжимать...

— Ребята идут!..

Со старта спешит первая группа. В своих туманно-белых полиэтиленовых накидках они похожи на размы-

тые привидения или на инопланетян. Огибают огромное дерево, которое ничуть не сдерживает небесного душа, по одному ступают на бревно, протянутое над мутной речкой.

— Неправильно завязанный узел — два балла, карабин за спиной — два балла... Не завинчена муфта карабина...

Валентин Михайлович Виноградский, судья на этом этапе, отмечает каждую оплошность. Секретарь записывает за ним штрафные баллы и время. Группа в белесых накидках как-то обреченно сгрудилась на том берегу. Таир Алиев, скользая рукой по страховочным «перилам», проплясал на бревне, передавая на тот берег маршрутную книжку. Вмиг вся группа показала нам горбатые от рюкзаков спины и ринулась дальше.

— Успеха вам! — кричит вдогонку Виноградский. — А кто это был?

— Молдавская группа.

— А, значит, я родную Молдавию оштрафовал, — бесстрастно говорит Валентин Михайлович.

Следующие долго не идут. Появилась кучка, их окликнули:

— Какой возраст?

— Средний...

Они идут по своей маркировке, туда, где через арык перекинута три жерди. Мы пропускаем только старшие группы, у нас переправа сложнее.

Видно, на старте какая-то заминка. Никого пока не видно.

— Средняя группа ваша, Валентин Михайлович, всех умилила на открытии, — говорю я Виноградскому. — Ну, такой «горох» подобрался, один другого меньше!

— Ничего, они удаленькие.

— У них в школе, в Бельцах, правда, появилась учительница-математик и всех вовлекла в туризм?

— Да, Светлана Донич. Знаменитая фамилия, легко запомнить. У нас в Молдавии поэт был Донич.

— К сожалению, не знаю...

— У каждого народа много своих знаменитостей, — сказал Валентин Михайлович, и я в душе поблагодарила его за то, что помог мне выйти из неловкого положения.

— Я в музее искусств в Баку увидела картину нашего уральского Корзухина. Хороший художник, мы его сами еще мало знаем.

— Я знаю Корзухина.

— Что вы?!

— Да нет, удивительного ничего нет, — засмеялся Валентин Михайлович. — У меня много альбомов, я много занимаюсь скульптурой, резьбой по дереву.

Вспомнилось, как мы поспорили когда-то с учителем из Еревана Оником Марукяном; я ему что-то хитрое прочтала — думала, ни за что не отгадает... А он сразу узнал. И вот не раз уже приходится испытывать чувство неловкости: нашу культуру они знают куда как лучше... Хоть энциклопедию изучай: там, между прочим, есть Александру Донич — баснописец, переводчик Пушкина на молдаванский язык...

Всесоюзные слеты и соревнования оказывают бесценную услугу ребятам разных национальностей. Как бы ни было жестко со временем, а общение все равно есть: кто-то кому-то что-то прочтает, расскажет из своего, национального, какая-то информация поступит. И что действительно хорошо, то хорошо: столько среди руководителей детского туристского спортивного движения по-настоящему культурных интеллигентных людей, что не радоваться этому нельзя!

А самые близкие школьные наставники? Физики и физруки, военруки и пионервожатые, историки, географы, биологи... Группу из школы № 8 Шяуляя привез Гречюнас Витаутас, учитель музыки. С латвийскими ребятами ходит в походы учительница немецкого языка Скайорите Озолия. С юными туристами из киргизского города Токмака занимается Манзура Мадалиева, завуч начальных классов. Азербайджанских туристов тренирует Идаят Мурсакулов, инструктор-ревизор Азербайджанского рес-

публиканского комитета профсоюзов... Не знаю, что можно сказать об этих людях, они заслуживают самой глубокой благодарности. Ведь они, как правило, и отпуск не имеют.

...Ну, пошли наши ребята друг за другом, едва успеваем пропускать. Спасатели уже чуть не грохаются в речку, передавая маршрутные книжки: оба берега расквашены десятками ног, и на них никакой эквилибрист не удержится.

— Господи,— вздыхает секретарь Сонечка.— Тут под деревом как из ведра льет, а что же на открытом маршруте?..

Она еще может сочувствовать и судьям, стоящим на голых полянах, и ребятам, у которых впереди на десять часов целый маршрут: открытый, маркированный, азимутальный, определение непредвиденной точки, преодоление болота и т. д. и т. п...

«Когда решили дать волю рукам, изобрели рюкзаки»,— это про переправу сказано. Затянуть петлю на обвязке. Карабин накинуть на страховку. Муфту завернуть. Погоди, один пройдет, потом ты... Два балла штрафа, один балл штрафа... Ничуть не жестоко: ты не должен сорваться, когда вместо арыка будет ледяная вода или ущелье. Действуй точно и уверенно. Неправильно завязанный узел на обвязке — штраф...

Пришел москвич Алексей Леонов, главный судья на комбинированном маршруте. Он собирает парней из контрольно-спасательной службы.

— Видимость плохая. Надо поставить пикет на речке в горах, чтобы ребята не ушли в сторону...

Все группы прошли переправу с бревном. Спасатели отправились в горы — ставить пикет где-то на полпути десятикилометрового маршрута. Дождь перестал. И выглянуло солнце, сразу вызвав к жизни многочисленных ос...

Из-за них-то все и случилось. Как ни заботился Леонов, как ни карабкались спасатели по скользким склонам,— одна группа все-таки ушла в сторону. И был это тот самый «грох» среднего возраста из молдавского города Бельцы.

Что переживала их руководительница Светлана Доич, когда все пришли на финиш, а их не было? Перебирая в мыслях всякие варианты, она все-таки никак не могла усомниться в своих ребятах. Она учила их хорошо — это факт. Миша Пузырев, ее топограф, сделал спортивную карту для соревнований по ориентированию, которые впервые будут проводиться в республике — это факт. Ее четвероклашки ведут в школе занятия даже с восьмиклассниками — это факт... Она, математик, говорившая про себя, что «любит больше сухие факты», не могла понять, что там произошло:

— Я так надеялась на контрольно-комбинированный маршрут!.. Ведь в Молдавии они — лучшие ориентировщики...

А виноваты были осы. На моих глазах на финише осы покусали местного мальчишку. Он кричал, извивался, пока врач из санитарной машины не сбрызнул укушенные места жидкостью из ампулы.

На маршруте у ребят не было врача — только аптечка, и на маршрут они по правилам выходят без руководителя, без взрослого.

...Чтобы облегчить своему пострадавшему товарищу положение, ребята прикладывали ему компрессы. Мальчик опух, его била лихорадка. Целый час сидели с ним, пока он не отошел. А потом от волнения и испуга что-то перепутали и сбились с пути. Они и поспорили, и поплутали, но ни один не впал в панику. Спокойно разобравшись, они нашли верную дорогу. К счастью, время, которое они проплутали, не вышло за рамки контрольного, а то, что они задержались из-за больного, им учли. Средняя молдавская группа заняла в этом виде соревнований четырнадцатое место из восемнадцати. Но они не вошли с круга.

...Как этот юный ленинградец сказал: «Туризм — единственный вид спорта, который представляет спорт и еще

что-то другое... — И добавил: — В каком угодно виде спорта можно создать сборную, но сборной по туризму не может быть».

Все начинается со становления коллектива.

Туризм — это бескорыстное товарищество.

«Я не упомянул о многих мелких вещах, хотя и не особенно ценных, но сослуживших мне тем не менее хорошую службу».

Робинзон Крузо

Обо всей этой истории мы узнали поздно вечером. Вспомнилось: утром Виноградский говорил о важных мелочах, например, о том, чтобы рюкзак с аптечкой помечать нашивкой с красным крестом. Такой же, какой москвичи придумали нумеровать свои рюкзаки, чтобы долго не разбираться на привале, где чей и в каком то лежит. Может быть и похуже ос: чем раньше вытащена аптечка — тем лучше.

Многое надо предусмотреть. И просто уметь.

...Вон на поляне «Киев-старший» натягивает палатку за 21 секунду — тренируется. А их средние уже закончили эстафету по технике туризма: 4 минуты 17 секунд. 3 минуты 20 секунд чистых да плюс 50 баллов штрафа, но все равно время лучшее. Гостевая команда из Магадана вне конкурса открывает эстафету для старших. На переправе долго копаются (не та переправа, тут самим надо и бревно положить), бегут «по кочкам» со всех ног, спуск-подъем, брод, укладка рюкзака, установка палатки — 17.09.02... Да еще штрафы не подсчитаны.

Это что?..

Спорт.

А когда москвичи себе «забрало» на шею придумывают (тоже и против осы, между прочим, мера: нет страшнее осы, когда она тебя гложет со спины под курткой) и получают за это дополнительный балл,— это что?

Это «что-то другое»...

На конкурсе самоделок чего только не показывали! Групповую палатку, в которой можно уместиться целому отряду. Походный увеличитель, укрепленный чуть ли не настольными тисочками; местные жители очень удивлялись, когда получали фото — «так скоро?!». Копировальный походный станок для топосъемки, на батарейках. Топоры, в которых автогенном вырезана середина, только контур оставлен: пятьсот граммов весу долой со спины, где рюкзак и так громоздится, как гардероб. Геологический молоток с делениями для обмера на рукоятке. Паросвечник из кофейной банки. Деревянный чехол для барометра. Накидка, которая одновременно — спасательный жилет, куртка и коврик...

Наверно, тому, кто выдумает новые лыжи, дадут премию или патент. Очень трудно выдумать новые лыжи, почти так же, как изобрести велосипед. У фигурных коньков тоже носки в сторону не повернешь... В любом виде спорта все какое-то устоявшееся, традиционное.

...В одном туризме — сплошное техническое творчество!

«...Я стал осматриваться кругом, чтобы узнать, куда я попал и что мне прежде всего надо делать».

Робинзон Крузо

На биваке ленинградцев идет пресс-конференция «наоборот»: журналист один, а ребят много. Начался разговор со школьниками из 241-й школы, но в него сразу

включилась и средняя группа — из 485-й, тоже ленинградской, школы.

Мне нужны не «данные», не «интересные случаи». Мне нужны мысли, размышления. Я только изредка вставляю слово и слушаю в оба уха, едва успевая поворачивать лицо к говорящим.

Саша ВАХТЕРОВ: — Спрашивают здорово!.. Геология да еще гидрология. Метеорология да еще почвоведение. География да еще экономическая...

Саша БАЧИРАШВИЛИ: — Как будто мы все знаем, мы же обыкновенные люди...

Сергей ОБУХОВ: — А раз спрашивают, ведь хочется не подкачать... Ведь стыдно — по верхам...

Саша БАЧИРАШВИЛИ: — Ну вот, геология. Получили мы короткий инструктаж. Пошли в институт геологии в Ленинграде спрашивать карты обнажений, которые нам придется описывать. Нету... А может, искать не стали для нас. В Азербайджанском институте дали общую карту, когда нам нужен ма-аленький участок, но подробно...

КОРР.: — А атлас, который в киосках в Баку продается, не мог пригодиться?

Саша БАЧИРАШВИЛИ: — Какой атлас?! Возьмите карты МинГео и Министерства петрографии Азербайджана — в них-то не все сходится!

Сергей ОБУХОВ: — Всем занимаемся. Может, надо чем-то одним, но серьезно? Фольклором, например, или я бы археологией занялся...

Саша БАЧИРАШВИЛИ: — Ага, как те «археологи», которые принесли глазурованный осколок IV века, а глазурь-то только в V веке появилась.

КОРР.: — Ну, вот как угодить всем? Одного — в фольклор, другого — в археологию, третьего — в историю потянет. Это уже специализация, это нельзя. И где тогда будет единство требований?

Сергей АНТОНЕНКО: — Знаете, раздражает бесполезность в выполнении некоторых заданий. Если б знать, что от всех наших описаний кому-то польза будет...

Андрей ГУМАРОВ: — Вот я гидролог в группе. Речка передо мной мутная, вода явно не питьевая. А я должен на вкус и запах попробовать, описать ее. Если бы родник, источник — тогда понятно.

КОРР.: — А если другой группе надо будет, которая за тобой пойдет, чтоб не лезли в речку?

Саша БАЧИРАШВИЛИ: — Да там дурак увидит, что пить нельзя!..

Люда ГОЛОДЕЦ: — Вот смотрите... Идем мы в походе. Геолог в камни нос уткнул, натуралист одних жучков видит, эфиром всех задушил... А красоту-то кто видит? В походе ведь чувствовать надо! Не в нагрузках дело, мы о другом говорим — что для души мало остается. Почему так получается: когда особенно интересно — на это нет времени?

Ира МУРЗИНА: — Мы в Баку были на швейной фабрике имени Володарского. Как нас там встретили — слов нет... Так и хотелось поближе познакомиться...

Дима МИХАЙЛОВ: — У нас, кстати, в Ленинграде швейная фабрика, и тоже имени Володарского, под самым боком. А контактов который год завести не можем. Там бьемся об лед сколько времени, а тут на тепло нет лишнего часа!

Ира МУРЗИНА: — Мы познакомились на фабрике в Баку с человеком, который воевал на наших Сиявинских болотах, представляете?! Наладчик Юрий Николаевич Мокрилов... Вот это человеческое, это всем надо. А геологию — не всем.

Саша БАЧИРАШВИЛИ (вот тут-то он и сказал свою фразу): — Туризм — единственный вид спорта, который представляет спорт и еще что-то другое...

Сергей АНТОНЕНКО: — В горных селениях наперевобой зовут: «Заходите, чаю попейте, пожалуйте!» Нет, бежим... А чего мы тогда сюда пришли? За одними баллами?

Саша ВАХТЕРОВ: — Еще ленинградец встретился, у него бабушка здесь живет. «Да к черту, — говорит, — ваш маршрут, хоть поговорим давайте!»

Дима МИХАЙЛОВ: — А один горец все ковры со двора начал выбрасывать — ставьте палатку тут, и все!

Саша БАЧИРАШВИЛИ: — Мы о чем говорим? Баллы — это для соревнований, для славы. А что останется, запомнится? Мы ведь говорим о разумном сочетании: чтоб и спорт был, и возможность общения осталась, и польза от той работы, которую мы в походе делаем.

Дима МИХАЙЛОВ: — Конечно, без задания идти нельзя. Да и неинтересно. Только обидно, когда оно непродуманное, а то и бессмысленное. На Иссык-Куле мы изучали проблемы озера в связи с развитием сельского хозяйства. Объем нам дали такой, что институт не справится... Что могли — мы сделали. Надо, чтоб четко было.

Саша БАЧИРАШВИЛИ: — В общем, не формально.

Дима МИХАЙЛОВ: — Везде сверху донизу нужны энтузиасты и творцы. И в туризме тоже. А мы что, мы всегда готовы!..

После разговора с ленинградцами мне ничего не оставалось делать, как пойти искать «третьейского судью».

Вот как прокомментировал высказывания ребят главный судья IV Всесоюзных детских туристских соревнований, судья международной категории генерал-лейтенант Иван Иванович ЛИСОВ:

— Много «наук» включено в краеведческий отчет! Неужели больше, чем в «Зарнице», — там одиннадцать дисциплин, у нас, я думаю, меньше. Мы не требуем от ребят, чтобы они были «профессорами», чтобы показывали глубокие знания. Мы оцениваем их работу не с точки зрения специалиста, а исходя из общей подготовки. Теперь я вам приведу пример из гидрологии. В Карпатах в 1972 году в результате незнания гидроусловий чуть не вышло беды: разлилась вода, и пришлось вызывать роту, чтобы спасти школьников... А в вопросах переправы разве гидрология ничего не значит! И отчеты ребята нужны. Наши судьи второй день подводят итоги по туристскому путешествию, смотрят подробно и тщательно каждый раздел... Значит, уже кому-то надо. Конечно, и для баллов, их получит группа — ведь это соревнования. Юные туристы правы в том, что раз требования высоки, то и подготовку надо поставить более основательно. И безусловно правы, что хотят видеть пользу в тех заданиях, которые они выполняют в повседневных походах. Блпне резонно. Проблемы есть, и их в будущем надо решать. А сейчас я думаю так: пусть даже маленькие знания — и они нужны. Любая наука пригодится.

О том, что ребятам в походе некогда было оглядеться, что им искренне жаль себя и тех людей, с которыми они так и не успели хорошо познакомиться, я умолчала. По-моему, тут даже главный судья не рассудит.

Турист туристу — друг,
но истина дороже.

Туристская поговорка

Отчего-то груз юного туриста, несмотря на вырезанные до контура топоры и легкие, как пух, синтетические коврики, все увеличивается и увеличивается... Вот никому же в голову не пришло облекч краеведческой работой, например, юных фигуристов, гимнастов, юниоров-лыжников, легкоатлетов? Занимаются они спокойно своим видом спорта и не знают никаких геологических-гидрологических.

Об этом был у нас интересный, даже крайний разговор с завучем детской экскурсионно-туристской станции Российской Федерации Юрием Александровичем ПОПОВИЧЕМ.

— Детский туризм — это не спорт! — первое, что он сказал.

— Но в нем, Юрий Александрович, как в любом виде, существуют категории сложности. И, в отличие от краеведческих конференций, следопытских слетов, туристы собираются на соревнования, где критерии чисто спортивные?

— На соревнованиях туристов основным видом считается и краеведческий отчет. Он многого стоит...

— Мне кажется, Юрий Александрович, здесь есть над чем поразмышлять. Нельзя приобщить всех ребят к геологии, это было бы неверным. Может быть, к поисковой следопытской работе тоже нужна расположенность, призвание?... Виргилия Александровна Шваберланд из Фрунзе рассказывала про девочку Лену Бутову из 62-й школы: она в походе всегда что-нибудь углядит — сережку, черепок, пряслице... Другие смотрят-смотрят и ничего не видят, а ей прямо на глаза попадается. Ее так и прозвали: «глазастик». Это дар какой-то. А если его нет? Пионервожатый из Небит-Дага Игорь Александрович Гуськов о своих мальчишках говорит: «Есть такие, что не знают ни геологии, ни топографии... Но просто добрые, ответственные, серьезные ребята — как я не возьму их в поход?!» Наверно, к поисковой работе нужен талант, навыки...

— Вот навыки мы и хотим привить. Навыки общения, желание больше узнать родной край, умение изложить свои впечатления.

— Я все же хочу разобраться до конца. Поверьте, многие руководители на практике сталкиваются с этой проблемой... Есть нормальный мальчик, который жаждет проверить себя в физических перегрузках. И есть другой нормальный мальчик, голова у которого склонна к анализу и исследованию. Они психологически разные, у них разный склад ума. А вы их уравниваете и получаете «среднячка» — тогда как каждый был силен по-своему.

— Не думаю, что они будут слабее, если одному мы добавим смысла, а другому — здоровья! И потом: почему обязательно «среднячка», а почему не «золотую середину»!

— Как ни назови, цель благая, но ребята в жизни все-таки разные. Впрочем, задача, которую вы ставите, ясна. Каждый яркий талант все равно пробьется сам, — речь-то идет о массовом детском туризме, который становится «синтетическим», сочетательным. Вы приобщаете туристов, с помощью идеи и цели, к поисковой работе, а «кабинетных» следопытов приучаете к туристской мобильности и выносливости, так?

— Именно так. Сегодня следопытский поиск немислим без дороги. Один директор знакомой мне школы вовлек весь коллектив в чистый туризм, в спорт. Вы думаете, это хорошо — такая односторонность?

— Я думаю... хорошо! То есть хорошо то, что этот человек сделал свое дело хорошо. Что касается других, которые были призваны увлечь ребят поиском, — наверно, они свое дело сделали плохо.

А может, и нельзя винить ни того директора, ни тех, других? Задача поставлена очень непростая. Здесь еще много путей надо искать, и так и сяк браться за дело, пробовать.

Трудности испытывают и многие руководители на местах, работающие с ребятами. Послушаем их. Их опыт, мнения, маленькие секреты могут быть полезны.

Азим Михайлович СИМАХОДСКИЙ (Киев):

— Выделяю ребятам в походе «полднюку» на краеведческую работу. Что успевают, то и делают. А больше чем полдня — не могу!.. Время жестко расписано: впереди километры и километры...

Светлана ДОНИЧ (г. Бельцы Молдавской ССР):

— Я ориентировщик. Что я могу дать ребятам кроме того, что знаю сама? Знаю, что будут спрашивать про геологические обнажения — беру книгу «Как проводить геологические экскурсии» и что-то ребятам из нее пересказываю. Хорошо, что в школе есть ботаника, биология — в этой области им и легче...

[Эту группу я не выдам], сказали они так:

— А топографию и геологию мы делали набум...

Геннадий Федорович КИРИЛЛОВ (пос. Вологово Ленинградской области, группа МПС):

— Мы больше спортивной сторокой интересуемся. Но краеведческий материал требуют, и мы стараемся со-

брать его заранее, всякими путями. Когда отчет готов, его к любому походу приложить можно.

Игорь Леонидович РАДУШИНСКИЙ (Москва):

— Сразу разбиваю экипаж в байдарке надвое: сегодня занимаются краеведением, одни, завтра — другие. Считаю, что в туризме не надо «носильщиков», но не надо и «профессоров». Пусть все понемногу умеют и то и другое.

Игорь Александрович ГУСЬКОВ (Небит-Даг):

— Признаю: у нас больше спортивный уклон, но не по нашей вине. Неоткуда взять «репетиторов», чтобы натаскали ребят по всем нужным нынче в туризме наукам.

Виктор Константинович КУЗНЕЦОВ [Магадан]:

— Долгое время был сторонником чистого туризма, только как спорта. Потом «передумал». Избрал для себя такую методику: включать двух-трех краеведов в группу, хорошо подготовленных в спортивном отношении. Они со всем спрячутся...

Туризм — дело миллионов.

Лозунг

Не любопытен ли термин «чистый туризм»? Как будто есть туризм «нечистый»... Многие руководители с любовью и энтузиазмом говорили о спортивной стороне, но и с каким-то смущением: вроде бы нынче надо как-то от нее откеститься...

А зачем?

Ведь из «чистого» туризма все вышло: юные геологи, краеведы, археологи, следопыты по войне, историки... Стоит ли его так уж предавать анафеме?

Детский туризм остается спортом. Как бы он ни рос шири и вглубь, как бы ни обогащался, — ничто не отнимет у него спортивной стороны. Да и нельзя ее отнимать: туризм оттолкнул бы от себя слишком многих своих почитателей.

Так же закономерно и развитие краеведческого начала: оно заложено в самой природе туризма.

Как же быть со всеми проблемами, о которых говорят руководители и сами ребята?

Как, одним словом, найти разумную и рациональную точку соприкосновения туризма-спорта и туризма-поиска, физической нагрузки и творчества?

В Союзе уже есть экспериментальные школы, где эти вопросы пытаются решать комплексно, но называть их и говорить о них еще рано.

А вот совет, который дали юные ленинградцы, можно принять уже и сейчас. Он относится к лидерам детского следопытского движения, ко всем, кто к этому движению причастен. ЭНТУЗИАЗМ и ТВОРЧЕСТВО. Сверху донизу!

Почему бы нет? Ведь мы же предлагаем ребятам со словом «туризм» целые жизненные университеты!..

Первые пять мест на IV Всесоюзных соревнованиях распределились так: Украинская ССР, Белорусская ССР, Литовская и Латвийская ССР, РСФСР.

...Где-то вы сейчас, победители и участники, летние гости солнечного Азербайджана. Какую алгебру-биологию учите? В какой поход и экспедицию зовет вас новое лето?

Удачи вам, дорогие юные Робинзоны с рюкзаками! Хорошей погоды, своих «необитаемых островов» — поисковых тем, интересных заданий, новых открытий. У себя в республике, у нас в Союзе, у человечества на Земле.

Райнис в Слободском

Михаил
РЕШЕТНИКОВ

Янис Криштанович Плиекшан приехал в Вятку на пароходе 15 июня. Сразу же узнал, что в губернском городе его не оставят — местом ссылки губернатор определил Слободской.

Был канун XX века. «Значит,— думал он,— я возвращусь на родину в новом столетии...»

Прямо из полиции в Слободском отправился искать квартиру и до трех часов дня прошел весь городок вдоль и поперек. Нашлась комнатка в семье Городиловых в доме Койкова. Начал выкладывать из чемодана на маленький стол книги и бумаги, привезенные для работы. И опять первой оказалась в руках книжка Максима Горького, которую он купил в Казани. Он повторял строки «Песни о Соколе», и ему захотелось создать что-то похожее на латышском языке. На пароходе, по пути в Вятскую ссылку, он набросал первые строки:

Приморские сосны сломал ураган,
К песчаным припала они берегам,
Тянулись к просторам, тянулись

к воде,
и гнуться
в беде...

Он закончил это ставшее знаменитым стихотворение «Сломанные сосны» позднее, уже в Слободском.

Поставил на столик портрет Аспазии — поэтессы, одной из красивейших женщин Латвии, с которой он повенчался у тюремного священника перед отъездом в первую ссылку — в Паневежис. Янис называл ее Ивья, настоящее ее имя было Эльза Розенберг. И первое, что он написал в этот вечер в Слободском, было письмо жене:

«Сегодня в 8 часов утра явился в указанное место в Слободском. Это маленькое гнездо, меньше Паневежиса, здесь больше садов и меньше каменных зданий. На двух улицах признаки мостовой, что даже больше бросается в глаза, чем лужи; всего 4—5 улиц. И все же это уездный город, одна женская гимназия, городская библиотека, почта, аптека...»

Ему уже 34 года, а он все еще не стал поэтом — несколько стихотворений, напечатанных ранее в газете, не в счет, хотя они и были уже подписаны именем — Райнис. Поэт Райнис еще не родился.

Прежде чем запечатать письмо, он приписал строки сию минуту родившихся стихов:

У края неба,
стиснутый краем туч,
вечерней зари
гаснет багровый луч.
Чуть видно мерцание
далекого огонька.

Перепел вскрикнул...

Отчего же на сердце тоска?

В Слободском он работал над переводами Горького, Шекспира, Лессинга, писал статьи о Гейне, Гете, Гамерлинге, здесь закончил свою пьесу «Полуидеалист», написал десятки стихов.

И это было рождением поэта Яна Райниса. Аспазия принимала участие в этом рождении. Она писала ему 1 апреля 1901 года:

«Меня переполняет радость, оттого, что ты нашел себя в работе, творишь, формируешься, становишься сильным».

Сестра Яниса Райниса Дора Христоворова приехала в августе 1899 года в ссылку в Слободской вместе со своим мужем Петерисом Стучкой. В своих воспоминаниях она пишет:

«В это время в Слободском находилось около тридцати политических ссыльных. На субботних вечерах-сходках мы обсуждали политические и теоретические вопросы. В этих сходках и в прениях обычно принимал участие и Райнис».

Листки ленинской «Искры», получаемые нелегально, «всегда жадно и горячо ждали. Каждый номер газеты волновал нас. На сходках живо обсуждали его содержание. Чувствовали, что «Искра» предвещала новую эпоху активности рабочего класса».

Среди политических ссыльных в

Слободском в это время были кроме супругов Стучка С. Гофман, С. Юнг, Н. Вашков, Г. Кугушев, А. Хумария.

Посылая Аспазии в письме коллективную фотографию политических ссыльных в Слободском, Ян Райнис писал ей:

«С этими людьми я провел много приятных мгновений, из которых не один только день может считаться лучшим в моей жизни».

Из Слободского Янис Райнис привез свой первый и самый знаменитый сборник стихов — «Далекie отзвуки в синем вечере». Стихи этого сборника переводились многими поэтами России — Валерием Брюсовым, Вс. Рождественским, А. Ревичем, В. Невским. «Сломанные сосны» среди других стихов сборника занимают особое место. Об этом стихотворении Андрей Упйт писал:

«Во всей латышской лирике нет второго стихотворения, которое по красоте и по вдохновляющей революционной силе могло бы равняться с этими бессмертными стихами Райниса». На эти стихи композитор Дарзинь написал музыку, и песня стала латышским революционным гимном.

Многие разделы сборника Райнис обсуждал вместе с Аспазией, когда она приезжала к нему в Слободской.

Райнис был освобожден из слободской ссылки в мае 1903 года и сразу же уехал на родину, в Латвию. Сборник его стихов «Далекie отзвуки в синем вечере» вышел из печати в Риге в 1903 году. Впоследствии он издавался 13 раз.

Цензора Ромикиса подкупили «бibleйские» стихи в сборнике, и он пропустил его в печать. Но вслед за выходом книжки в буржуазной прессе Латвии поднялся страшный шум. Жандармерия, губернатор Риги и тогдашний лидер националистической буржуазии Вайнберг требовали изъятия сборника из обращения. Вскоре отдел цензуры управления по делам печати издал распоряжение, гласившее: «Не разрешать на будущее время к печати новым изданием сборника латышских стихотворений под названием «Далекie отзвуки в синем вечере», тщательно наблюдая, чтобы упомянутый сборник не появлялся в печати под другим заглавием...»

Звезда Генгера

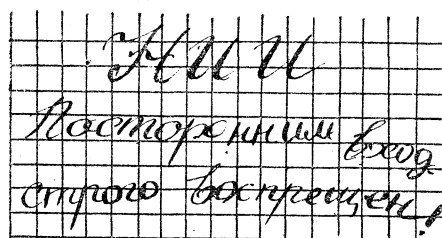
Алексей
ШИЛОВ

Рисунки
Е. Крутских

Рассказ

Когда я пришел к Генке на тренировку в сад, сразу увидел на двери предбанника тетрадный лист. На нем крупно было написано:

Я подошел к двери и толкнул ее, она была заперта изнутри на крючок.

— Генк, я посторонний или нет? — спрашиваю через дверь.

— Тебе можно, — он снял крючок, открыл дверь, — входи.

Я вошел в предбанник, и Генка тут же опять накинута крючок.

— «НИИ» — это что такое? — сразу спрашиваю.

— Научно-исследовательский институт, — расшифровал Генка. — Я возглавляю конструкторское бюро, ты — мой заместитель. Для начала скажи, в какой век мы с тобой живем?

— В двадцатом, — отвечаю.

— Тебя спрашивают, не «в каком», а в «какой». Не по столетиям, а по технике. Понял?

Теперь понял. Вспомнил, что Генка трактор изучал, ну и говорю ему:

— Мы с тобой живем в тракторный век.

Генка махнул рукой.

— Трактора уже полвека тархтят на земле. А ты подумай о том, что совсем недавно появилось.

Совсем недавно у нас в селе появился водопровод.

— Мы с тобой живем в водопроводный век! — радостно говорю. Генка даже рассмеялся.

— Водопровод был еще в Древнем Риме! Запомни: мы живем в космический век! — поднял Генка вверх указательный палец. — А что находится в космосе, знаешь?

— Небо.

— А в небе? — пристает Генка.

— В небе находятся Солнце, Луна и звезды! — выпалил я ему.

— И планеты, — добавил Генка. — Звезд в космическом пространстве сколько?

Я несколько раз пробовал пересчитать все звезды на небе, да только всегда со счета сбивался. Уж больно их много, звезд-то. Вот если бы каждая звездочка, которую я уже пересчитал, гасла, тогда бы я, может, и добрался до конца. А то они все мигают и мигают... Какую два раза посчитаешь, а какую совсем пропустишь, потом и вовсе со счета собьешься.

Генка сидит на стареньком табурете, смотрит на меня и ждет ответа. Ведь он — начальник конструкторского бюро. Не ответишь ему, он возьмет к себе в заместители кого-нибудь другого из своего класса, а мне скажет, что я неподходящая кандидатура или другие какие слова. Он за словом в карман не полезет. Ну, я и говорю ему наобум, — все равно, думаю, он тоже не знает.

— На небе пятьсот звезд.

Генка усмехнулся.

— Пятьсот... Шесть тысяч видно только невооруженным глазом. А всего в мировом пространстве два миллиарда звезд! Вот сколько.

— Как же ты их сумел пересчитать! — удивился я.

— Это мне стало известно из научной литературы, — признался Генка, он уж врать или хвалиться не станет. — Многие звезды открыли любители-астрономы, в том числе и школьники. Понял? Школьники-ки! Во вселенной есть еще не открытые звезды. И мы должны их с тобой открыть! Как только я открою новую звезду, назову ее Генгер.

— А что это означает?

— Звать-то меня как?

— Генка.

— Геннадий, — поправил он, — а фамилия моя?

— Герасимов, — говорю.

— Теперь понял?

— Нет.

— Геннадий Герасимов сокращенно значит Генгер. Звезда Генгера — звезда Геннадия Герасимова. Ясно?

— Теперь, — говорю, — все ясно. А если я открою?

— Тогда назовем ее Пшик.

И мне сразу расхотелось открывать свою звезду. Что же это будет за звезда такая, если она Пшик? Пшик — это есть пшик, ничего то есть. Сроду мне не везет! Генкина звезда вон как хорошо будет называться — Генгер. А моя — Пшик.

Раньше я думал, что у меня хорошее имя, самого царя Петра так звали, и фамилия тоже хорошая: Шиков. А сокращенно-то выходит — Пшик.

Я только тихо вздохнул и спросил:

— Как же мы будем открывать их?

— Сперва сконструируем свой телескоп, потом будем вести наблюдение за ночным небом. Как только появится новая звезда, мы тут же заметим ее, скажем: «Ага, голубушка, попалась! Теперь ты наша».

— А как будем конс... конструва... делать телескоп?

— По чертежам, они у меня в сейфе, — шепотом ответил Генка.

— Но из чего мы будем делать телескоп?

Генка вздохнул, потеревил себя за челку:

— Кое-что придется доставать: ножницы, клей, бумагу плотную, штатив и два круглых стекла от очков: одно — минус три, а другое — плюс три.

— Откуда мы возьмем все это? — удивился я.

— Одно стекло, плюсовое, достану я — у бабушки. Бумагу, клей купим в магазине. Штатив и второе стекло принесешь ты. Вот только я не знаю, какие очки у твоего дедушки, сколько в них минусов — два, три или четыре.

— Спрошу у дедушки, — говорю Генке.

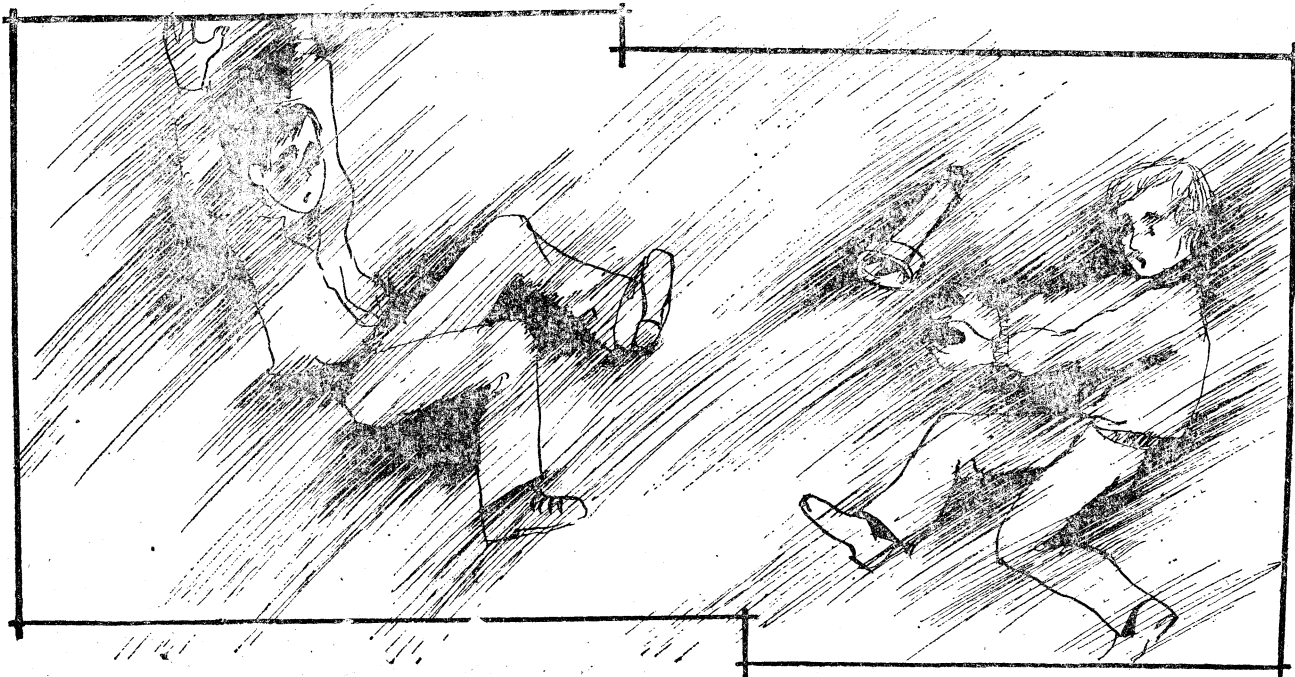
— Только не говори зачем, — строго наказал он мне, — скажи: секрет — и точка!

И я пошел. Дедушка мой работал ветеринарным фельдшером, а теперь пенсионер, ему уже семьдесят один год. А бабушка все еще работает на ферме телятницей. Она на целых десять лет моложе дедушки и такая веселая, бодрая, никогда ничем не болеет. К ней даже грипп не пристаёт. Она говорит:

— Я каждый день ем лук и чеснок, поэтому от меня все болезни отскакивают как от стенки горох!

А дедушка иногда прихварывает. Он ведь четыре года воевал на фронте, его там два раза ранило, один раз контузило, да еще обморожился, потому что на Севере воевал.

Сейчас дедушка сидел в своем любимом кресле у окна и читал газету. Их нам почтальон приносит каждый день целую кипу. Папе — «Правду», брату Борису — «Комсомолку», дедушке — «Сельскую жизнь», мне — «Пионерку», маме — областную, а бабушке — районную. Вот сколько! Да еще журналов дополна... Почтальон тетя Вера говорит, что у нас в семье стопроцентная подписка на газеты и журналы.

— Деда, у тебя очки сколько минус? — спрашиваю его.

— Минус четыре, а что?

Он перестал читать и посмотрел на меня своими добрыми глазами. Дедушка всегда смотрит на меня добрыми глазами, потому что любит.

С досады я даже рукой махнул:

— Опять нам не повезло!

— В чем не повезло? — допытывался дедушка.

Тут я стал ему все толком разъяснять, но дедушка все равно ничего не понял и продолжал расспрашивать.

— Нам — это мне с Генкой, — говорю ему. — А зачем? Секрет — и точка!

— Ну, если секрет, то, конечно, разглашать его не надо. Только хороший ли секрет, вот что меня беспокоит.

— Хороший, очень хороший! — уверяю его.

— Есть у меня очки и минус три, да одно стекло у них треснуто.

Дедушка встал, подошел, прихрамывая на раненую ногу, к шкафу, порылся в ящике.

— Вам с оправой или только одно стекло? — спрашивает.

— Одно стекло, — говорю.

— Держи.

Я сцапал стекло, потом от радости схватил обеими руками дедушку за шею, наклонил к себе и поцеловал в бритую щеку.

Стекло Генка спрятал в свой «сейф», который находился в бане. Но какой он, «сейф», Генка даже мне не показал.

— Теперь идем в магазин за клеем и бумагой, — скомандовал он.

Мы тут же отправились. В магазине в это время была только одна продавщица. Ей, наверное, очень скучно было, и она обрадовалась покупателям.

— У вас конторский силикатный есть? — поинтересовался Генка.

— Вот, пожалуйста. — На прилавке появилась банка клея.

Генка повертел в руках ее, осмотрел со всех сторон, зачем-то понюхал:

— Он качественный? Зимой не замерзал?

— У нас же тепло в магазине, — обиделась продавщица.

— Понимаете, — растолковывает ей Генка, — нам нужен клей высшего качества!

— Ах, высшего!.. Ну, так бы сразу и сказал. Она достала из-под прилавка точно такую же банку клея и подала ее Генке.

— Вот этот годится, — одобрил он.

Потом выбрал большой лист толстой бумаги, уплатил деньги, и мы пошли к себе в предбанник, в наш НИИ.

Работа закипела. Чертежи телескопа Генка выдрал из какого-то журнала или книги. Их, чертежей-то, было всего-навсего один листок. В нем и описание, что и как надо делать. Но я все равно не сумел бы сделать и по чертежам с разъяснениями. Тут нужна Генкина голова, ведь недаром она у него здорово соображает.

Я только помогал ему: подай то, подай другое, держи здесь, держи там, сбегай туда, сходи сюда... Мастерил все сам Генка. Размерял ли-

нейкой и циркулем, резал ножницами, красил в черный цвет, клеил...

— Два дня мы конструировали наш телескоп, а получилась астрономическая труба. Она и в чертежах так называется.

— Теперь нам нужен еще штатив,— говорит Генка.— Я бы сделал его сам, да инструментов у нас подходящих нет. Ты попроси у Бориса.

Когда Борис приехал на обед, я к нему:

— Боря, дай штатив, все равно он у тебя без дела валяется.

— Не дам — исковеркаете.

— Генка говорит: «Штатив будет в целости и сохранности».

— Ну, если Генка сказал, значит, так оно и будет. У него слова с делом не расходятся. Сколько раз ты теперь на турнике подтягиваешься? — неожиданно спросил он.

— Пять,— отвечаю.

— Если через неделю будешь подтягиваться десять раз, дам штатив.

— Буду, обязательно буду! Только штатив-то нам нужен сегодня.

— Так и быть, дам. Но ты помни свое обещание. Не давши слово — крепись, а давши — держись!

— Сдержу, честное пионерское, сдержу!

Обрадованный, я схватил штатив и скорее бежать из комнаты, пока Борис не передумал.

Подставку, на которую будет ложиться наша астрономическая труба (это я про себя ее так называю, а вслух — телескоп), Генка сам сделал.

Но нам не повезло. К вечеру все небо затянуло облаками, стало пасмурно. В пасмурную погоду звезд не видно.

Генка вздыхает:

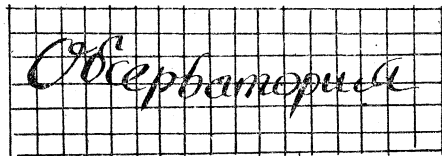
— Это с севера пришел циклон.

— Долго он теперь будет тут торчать? — спрашиваю.

— Как только придет антициклон, так сразу и оттеснит его.

— Два дня мы ждали антициклон. Еле-еле он добрался к нам, тут же надавал циклону по шее, чтобы не мешал смотреть на небо в астрономическую трубу.

Генка содрал с двери предбанника листок с надписью «НИИ» и прибил другой, на котором было крупно написано:

— Сегодня ночью состоится торжественное открытие,— радостно объявил он.— Программа такая: разглядим нашу Галактику, заглянем в туманность Андромеды. А пока установим теле-

скоп на крыше обсерватории. Чем выше, тем для телескопа лучше. Крыша-то на бане почти плоская и глиняная. На ней и штатив хорошо будет стоять, и ноги не станут скользить.

— На крыше так на крыше,— соглашаюсь с ним.

Наступил вечер, приближалось время торжественного открытия нашей обсерватории. Как только смеркло и на небе появились звезды, мы приступили к делу. Притащили со двора лестницу-времянку. Она была сколочена на скорую руку из двух длинных жердей и круглых палочных поперечин.

По обеим сторонам бани у самых стенок рос клен-самосадок. Поэтому мы лестницу поставили к фасаду.

Дверь в предбанник Генка запирает на висячий замок, а ключ прятал, в кармане с собой не носил.

— Еще потеряешь,— говорит,— или домашние ночью возьмут ключ из кармана, откроют всю нашу тайну.

Он достал ключ из потайного места, отпер замок, и мы вошли в предбанник. Там была темь — глаз коли. Генка на ощупь взял со стола астрономическую трубу и подал мне:

— Держи в горизонтальном положении, смотри не урони!

Сам взял штатив, и мы вышли из предбанника.

Он полез на крышу устанавливать штатив, а я остался с трубой внизу.

Вечер был тихий, такой теплый, ласковый... В черном небе мигали яркие звезды, их было много-много! И где-то там далеко-далеко есть звезда, про которую еще никто на всем белом свете не знает, а мы с Генкой первые откроем ее. Вот будет здорово! Мне так охота стало посмотреть через трубу на небо, что я не вытерпел и, тайком от Генки, направил трубу вверх и глянул. От удивления чуть не выронил трубу из рук! Луна была такая здоровущая и так близко от меня, что ее хоть рукой хватать.

— Готово,— сказал Генка на крыше.

И я опять как ни в чем не бывало стал держать трубу в горизонтальном положении.

Генка спустился на землю, взял у меня из рук трубу и снова полез на крышу. Трубу он тоже держал обеими руками в горизонтальном положении. Так подниматься ему было неудобно, и он, осторожно переставляя ноги с одной ступени на другую, изо всех сил старался держать равновесие.

Лестница была выше крыши на две ступеньки. Перелезть через них с занятыми руками Генке было трудно, и он с предпоследней ступеньки широко шагнул сразу на крышу, но потерял равновесие. Он еще не упал, но уже понял, что обязательно упадет, и успел крикнуть мне:

— Держи телескоп!

— Трубу я успел поймать, а Генку поддержать не успел. Он кубарем скатился по лестнице и брякнулся на землю. Сам еще лежит, а уже спрашивает меня:

— Телескоп цел?!

— Цел,— говорю.— А ты сам-то цел?

— Ребра все поломал,— стонет он.

— Все до одного?!

— Может, какие и уцелели...

Он кряхтел и морщился, даром что терпеливый.

— Наука без жертв не обходится,— наконец простонал он и грустно-грустно добавил: — Торжественное открытие обсерватории отменяется.

— Конечно,— согласился я,— какое уж тут торжество, если у тебя все ребра поломаны!

— Теперь когда из больницы выпишусь, тогда и откроем,— говорит, а сам все морщится и тихонько стонет.

— Отнеси телескоп на стол,— приказывает мне.— Потом лезь на крышу, сними штатив, не загреми, как я.

Потом мы сняли лестницу, положили ее в сторону и молча разошлись по домам. Мне жалко было Генку, и злость взяла: не мог вовремя удержать друга.

На другое утро мы пошли в больницу. Доктор осмотрел Генку от макушки до пяток, вертел, крутил, мял, щупал, потом сказал:

— Ребра, к счастью, у тебя остались все целые. А синяки и ссадины только украшают настоящего мужчину.

Мы здорово обрадовались и весело зашагали домой.

С радости Генка даже хромать перестал. Теперь нам осталось только открыть звезду Генгера.

ИМЯ

Иван
ПЛОТНИКОВ

Многие улицы Свердловска названы в честь уральских большевиков, которые погибли в годы гражданской войны: И. М. Малышева, Л. И. Вайнера, П. Д. Хохрякова, А. Я. Валека, Н. Г. Толмачева, М. О. Авейде, В. И. Еремина...

Всего 20 лет прожил Василий Еремин, но это были славно прожитые годы.

К началу гражданской войны, несмотря на молодость, Василий уже прошел большую школу революционной борьбы. В 1917 году, работая на екатеринбургском заводе Ягеса, вступил в большевистскую партию и стал политическим вождем рабочих. Он был одним из создателей и первых руководителей Социалистического союза рабочих молодежи (ССРМ) на Урале. В декабре 1917 года состоялся 1-й Уральский областной съезд, где Василий Еремин избирается членом Уралобкома ССРМ, становится секретарем обкома и одним из редакторов журнала «Юный пролетарий Урала». Вскоре в составе комсомольской сотни в качестве заместителя ее командира Еремин идет добровольцем на фронт: сражается с бандами Дутова. В боях он проявил себя героически и вернулся в родной город с победой.

В конце мая 1918 года в связи с наступлением белогвардейцев с Южного Урала и из Сибири Екате-

УЛИЦЫ

ринбург оказался под угрозой оккупации. Во время эвакуации города Уралобком партии оставил для подпольной работы в тылу врага группу большевиков. Среди них был и В. И. Еремин.

Каких-либо документов, прямо подтверждающих этот факт, нет. Все тогда решалось оперативно, срочно и без записей в протоколе. В архивах есть только два-три упоминания о том, что обком рассматривал вопросы подрывных действий в тылу врага. Людей оставляли для подпольной революционной и разведывательной работы и из конспиративных соображений в это посвящались лишь очень немногие.

В. И. Еремину, судя по всему, было поручено внедриться во вражескую среду, а затем на связь с ним должны были выйти другие. Примерно в августе 1918 года В. Еремин оказался в числе откомандированных в штаб войск Гайды. Как попал он в армию белых, точно мы не знаем, но можно предположить, что он стал «добровольцем». «Добровольчество» в сочетании с грамотностью открывало перед ним реальную перспективу попасть на штабную работу и, следовательно, получить доступ к секретным документам.

В. Еремина, как и других военных писарей, обучили работе на пишущих машинках, поручили ведение регистрационной книги в разведотделе штаба Сибирской армии. В Екатеринбурге и в Перми, куда за время переезда штаб Гайды, Еремин распространяет через надежных товарищей в казармах и на заводах большевистские газеты, листовки и брошюры. Получал он все тут же, в штабе. В разведотделе для офицеров доставлялась эта литература с фронта, а после ознакомления ее надлежало уничтожить (сжигать). Эту операцию обычно поручали писарям, и часть бумаг

Еремину удавалось утаить и вынести.

Есть сведения, что Василий Еремин был знаком с командованием 3-й Красной Армии, находившейся летом 1918 года в Екатеринбургe. Возможно, он получил также особое задание и от военной разведки. Он поддерживает связи с городским большевистским подпольем, собранные сведения передает подпольному комитету, его председателю А. Я. Валеку (и, как можно предполагать, — командованию Красной Армии).

Василий Еремин успешно работал в штабе белых целый год. Видимо, этот успех притупил его бдительность и осторожность, да и молодость сказалась: он все чаще открыто радуется успехам Красной Армии, дерзит офицерам и позволяет высказывания, крайне опасные для разведчика. В конце июня 1919 года он сделал последний неверный шаг, который стал роковым: подал начальнику рапорт о том, что «желает послужить родине с оружием в руках». И его тут же заподозрили в намерении перейти в армию красных, ибо, как свидетельствуют многочисленные документы и доклады колчаковской агентуры, не только солдаты, но и фронтовые офицеры в это время под самыми различными предлогами бежали в тыл, стремились оказаться в штабах, а то и просто дезертировали.

Василия Еремина арестовали. На его квартире было найдено много штабных документов. Отважного разведчика бросили в тюрьму.

Его много раз допрашивали и жестоко пытали. Он не выдал ничего. Он ничего не рассказал о себе врагам. Накануне освобождения Екатеринбургa Красной Армией он был расстрелян.

Туфельки Сысолятина

Однажды перед туристской поездкой в ЧССР я зашел в гости к другу, уже известному тогда умельцу — Александру Матвеевичу Сысолятину. Он сказал

— Передай от меня привет?

— Конечно, передам.

Александр Матвеевич уточнил:

— Мой привет ты должен передать не словами, а — вручить...

И вот «привет» Сысолятина у меня в руках. Десятигеллеровая монета, в нуль которой мастером переписан текст, помещавшийся на полутора страницах машинописи. На небольшой площади он разместил 536 букв! Это были отрывки из знаменитого «Репортажа с петлей на шее» Юлиуса Фучника.

«Привет» уральского Левши с интересом рассматривали все работники советского посольства, ахали и удивлялись, а потом мне сказали:

— Сувенир надо передать в Общество чехословацко-советской дружбы.

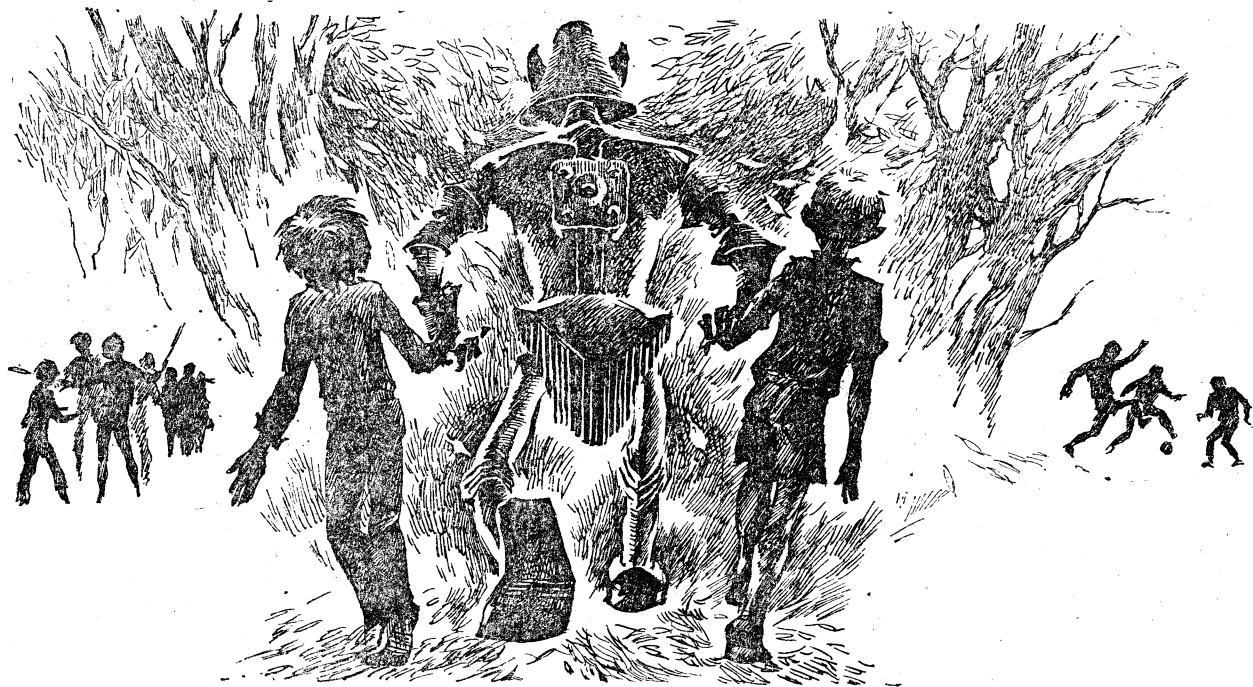
Встреча в комитете общества была очень теплой. Подарок мы вручили Густе Фучиковой. Она, вооружившись лупой, волнуясь, прочитала последние строчки, написанные микробуквами: «Люди, я любила вас. Будьте бдительны!..»

Спустя некоторое время из Чехословакии пришло письмо: «На Вацлавской площади в Праге есть витрина, где помещена коробка с подарком вашей группы. Перед ней приспособлено увеличительное стекло, чтобы можно было рассмотреть. Люди смотрят и удивляются мастерству уральца...»

Прошло несколько лет. И снова сувенир из Артемовска ушел в Чехословакию. Чехословакия известна и как страна прекрасных обувщиков. В городе Готвальдове находится самый лучший в мире музей обуви. И вот в нем появился еще один экспонат — серебряные туфельки, сделанные А. М. Сысолятиным. Эти туфельки были бы, пожалуй, тесны даже Дюймовочке: их размер, вернее длина — 3,6 миллиметра.

Рядом с туфельками Сысолятина в музее помещены самые большие мужские туфли, изготовленные чехословацкими мастерами.

Павел
КОВЕРДА

МЫ ХОТЕЛИ ИГРАТЬ

Карэн
СИМОНЯН

Рисунок
Е. Стерлиговой

Рассказ

Мы затаили дыхание, замерли среди пожелтевших кустов. В безмолвии осеннего сада раздавалось лишь поскрипывание гравия. Он шел медленно — разыскивал нас. А мы с Тиграном прятались, чтоб смыться от него и поиграть с ребятами из соседнего двора в теннис. Тигран его об этом во вчерашнего вечера просил, но наш робот-нянь был немолчим. Он все твердил, что ему поручено следить за нами, что мы обязаны в такое-то время занимать-

ся, в такое-то время есть, в такое-то время отдыхать. Поручила ему это наша мама. Если б сама мама была сейчас в городе, мы бы с Тиграном, конечно же, ее уговорили. В крайнем случае, пришлось бы немножко понюхать, мама чуть-чуть посердилась бы, а потом улыбнулась, и все бы вышло по-нашему. А теперь вот...

— Он нас не найдет, Тигран?

— Не найдет, если болтать не будешь! — шикнул на меня Тигран.

Карэн Арамович Симонян родился в 1936 году. По образованию он инженер, окончил факультет механизации Ереванского политехнического института имени К. Маркса. Увлечен фантастикой, первые книги («Марсиане» и «В щупальцах Медузы») выпустил еще в студенческие годы. Затем вышли сборники его повестей и рассказов «Цирк на Луне» (1960), «Второе солнце» (1962), «Мы хотели играть» (1963), «Улыбка» (1964), «Луг» (1967), романы «Тайна свинцовых людей» (1959), «Блуждающая планета» (1961), «Аптекарь Нерсес Мажан» (1970). В 1972 году в Ереване был издан в переводе на русский язык его сборник «Фантастика».

Пишет К. А. Симонян и реалистическую прозу. Таковы, например, известные и русскому читателю роман «Сицилианская защита», повесть «До свидания, Натанаел!».

Шорох гравия раздался совсем рядом. Я окаменел. Сквозь просвет в кустах мне было видно металлическое тело нашего няня, поблескивавшее в лучах осеннего солнышка. Мне вдруг стало ясно, что прятаться бессмысленно — из укрытия все равно не выйдешь, робот тут же нас заметит, значит плакал наш теннис.

Робот прошел мимо. Шаги его заглохли, и я перевел дух.

— Ушел.

— Не заметил.

— Улизнем? — предложил я. — Что толку тут сидеть?

— Да, мне тоже надоело, — согласился Тигран. — Только все-таки потерпим еще чуток.

— Почему?

— Да он не так далеко отошел.

— Если б мама тут была!..

— Она поздно вечером должна вернуться, — сказал Тигран.

Опять помолчали.

До чего же скверно, когда няня не человек, а робот. Раньше было все иначе: няни были терпеливыми тетями и бабушками. Порою строгими. Но все-таки ребята могли их уговорить, убедить в чем-то. А с роботом каши не сварить...

— Тигран, — прошептал я. — Давай сыграем с нянем какую-нибудь шутку.

— Какую?

— Да что-нибудь придумаем в воспитательных целях.

Тигран ухмыльнулся невесело.

— Не выйдет, это же машина: какое задание ей дано, то она и будет выполнять.

— Еще лучше, что машина! Порвем какой-нибудь провод...

— Вы здесь? А я вас ищу, — прозвучал прямо над нами голос робота. — Ну-ка, вставайте.

У меня сердце оборвалось — нашел-таки!

— Не слышите? Я с вами разговариваю!

Мы вышли из кустов. Мне видеть не хотелось холодные стеклянные зеленоватые глаза робота. И было даже чуть-чуть страшновато.

Когда вышли в аллею, Тигран незаметно подмигнул мне: мол, смоемся?

И в тот же миг наш прекрасный нянь схватил нас за руки.

— Мы пропали! — сказал Тигран.

— Прощай, теннис! — добавил я.

И осенний сад тут же утратил для нас свое очарование.

Я слышал теперь только знакомое и такое несносное жужжание моторчика, исходившее из металлического тела нашего воспитателя.

Когда подходили к дому, я принялся ныть: — Ну, пожалуйста, отпусти нас... Мы потом позанимаемся... Нас ребята ждут...

— Нужно учить уроки, — нянь был непреклонен.

— А мы попозднее... вместо вечерней про-

гулки... ну, честное слово, сядем заниматься...

— Нет! — отрезал нянь.

— А мама нам позволяет, — прибегнул я к последней уловке.

Он на это ничего не ответил — просто втащил нас в комнату. Ничего не поделаешь, мы сели, раскрыли тетрадки и грустно переглянулись.

— Начнем с астрономии, — сказал нянь.

— Начнем, — вздохнул Тигран.

Я написал на промокашке: «Отвлеки его, а я его проучу», — и показал фразу Тиграну. Тот кивнул.

— Чем вы заняты? — спросил нянь и, ловко перехватив промокашку, прочитал: «Отвлеки его, а я его проучу». Что это?

— Предложение. Сложносочиненное предложение, которое состоит из двух простых. — Тигран подмигнул мне, и я встал у робота за спиной.

Пока Тигран разбирал первое предложение, я отважно приступил к делу: принялся отвинчивать крышку на спине у робота.

О! Чего только не оказалось внутри: электрические лампочки, разноцветные провода, фарфоровые изоляторы, коричневые интегрирующие щиты... Не долго думая, я оттянул один из красных проводов, и — опля! — провод оборвался. Робот и этого не почувствовал. Но, поскольку Тигран уже закончил разбор нашего сложного предложения, робот спросил:

— Что вам задано на завтра по астрономии?

— География Сатурна.

— Ясно. Внимание. Сатурн делится на два полушария — Северное и Южное. В Северном полушарии преобладают горные цепи, долин почти нет...

И вдруг зеленоватые глаза нашего няня засветились ярче прежнего, внутри его раздался какой-то скрежет: с ним творилось что-то непонятное. Потом он повторил:

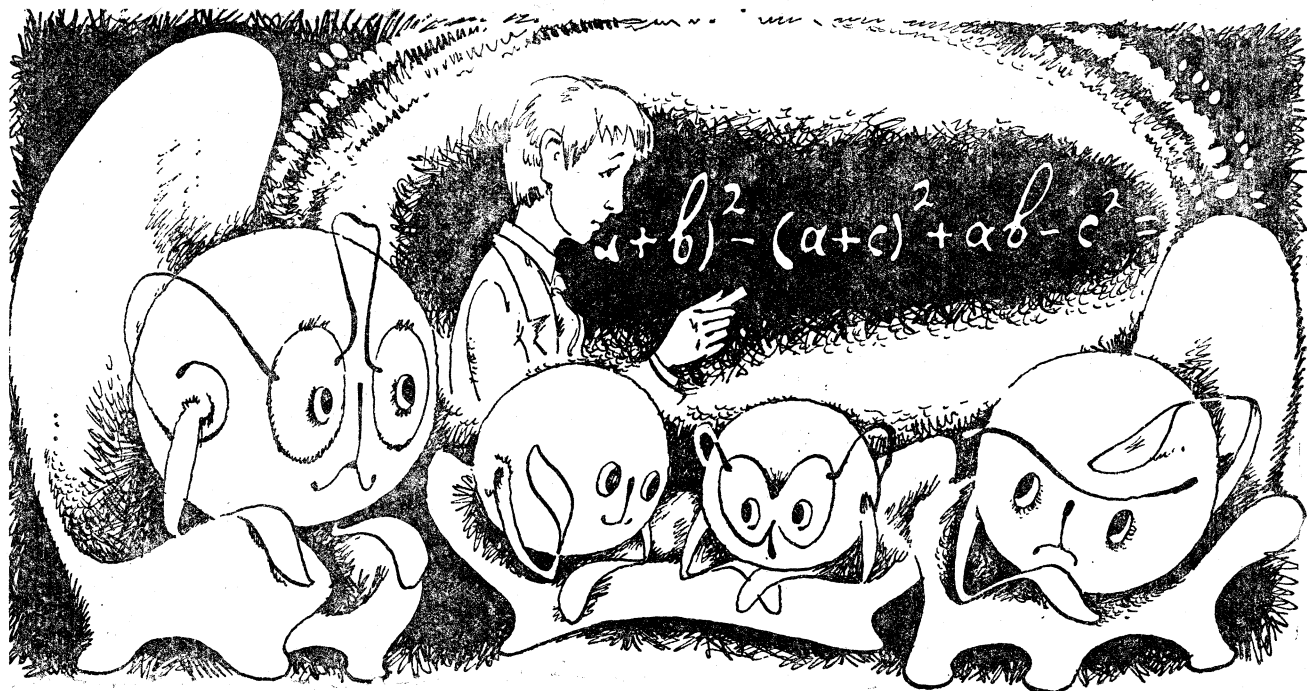
— Сатурн делится на два полушария — Северное и Южное. В Северном полушарии преобладают горные цепи, долин почти нет...

Солнце давным-давно закатилось, и сумерки перешли уже в ночь, а мы все еще сидели за письменным столом. Нянь позабыл и про нашу вечернюю прогулку, и про ужин, и про то, что нам пора спать. Он все не отпускал нас и твердил свое:

— Сатурн делится на два полушария — Северное и Южное. В Северном полушарии преобладают горные цепи, долин почти нет...

А мама, как назло, все не возвращалась и не возвращалась.

*Перевод с армянского
Аллы Тер-Акопян*

ПРИВЕДЕНИЕ ПОДОБНЫХ

Владимир
МАЛОВ

Рисунок
Н. Павлова

Рассказ

Очень медленно шестиклассник Петя Иванов стер с доски предыдущую запись и еще медленнее стал записывать пример. Татьяна Ивановна, учительница математики, продиктовала:

— a плюс b в квадрате минус a плюс c в квадрате плюс ab минус c в квадрате. Надо привести подобные члены. Если вы хорошо усвоили алгебраические формулы, которые мы

проходили на прошлом уроке, пример окажется нетрудным... Иванов, постарайся записывать побыстрее!

Очень медленно Петя Иванов написал на доске условие и надолго задумался...

Нет, определенно: в этой части Вселенной трудно было рассчитывать на успех. Одни звезды были чересчур горячими, а другие — уже остывали. Размеры светил тоже не обещали условий, при которых на одной или нескольких планетах вокруг звезды может возникнуть жизнь. Наконец, здесь не встречалось ничего, что было бы наделено бесспорными признаками искусственного происхождения. Ничего!..

Зонд-разведчик — шар серебристого цвета — со сверхсветовой скоростью перемещался от

Владимир Игоревич Малов родился в 1947 году. После школы учился заочно в Московском институте инженеров землеустройства, заочно же окончил Литературный институт имени А. М. Горького. С 1967 года — профессиональный журналист.

Автор историко-географических книг «Затерянные экспедиции» (1980), «Легенды ведут к открытиям» (1982). В начале этого года выпустил сборник фантастических повестей «Академия «Биссектриса».

одной звезды к другой. Задерживаясь возле них, оценивал, анализировал, делал выводы. Но... ничего! Наконец у какой-то мощной звезды он погасил скорость и лег на орбиту, чтобы связаться с Координационным Советом — высшей инстанцией Широких Исследований, которые вот уже долгое время вела цивилизация тразеинов, достигшая самых высоких ступеней развития и освоившая к текущему моменту множество планетных систем нескольких Галактик.

Зонд аккумулировал энергию голубой звезды и преобразовал ее в мощный информативный импульс. С огромной скоростью импульс пронизал космос и ушел к очень далеким от этого места Галактикам тразеинов. Потом пришел ответ, который можно было предвидеть.

Если бы автоматика была наделена воображением, зонд-разведчик живо представил бы себе, как принималось решение. В большом Зале Решений появились дежурные члены Совета — полупрозрачные, искрящиеся разноцветными огоньками шарики (да, именно такими были внешне тразеины), каждый создал себе из пространства подставку по вкусу и настроению, и, разместившись на этих подставках, дежурные начали дебаты. Огоньки их вспыхивали и погасали — соответственно движению мысли того или иного дежурного, однако к концу обсуждения зал засветился общим красным светом: решение было принято единогласно. И все это невероятно быстро, так как на таких обсуждениях в целях экономии время спрессовывалось.

Получив ответ, зонд-разведчик оставил круговую орбиту и продолжил поиск. Таково было решение Совета, и теперь зонду предстояло оценивать не только звезды, но и детально изучать их планеты. Парадокс, но теоретики в последнее время все настойчивее говорили о том, что в этой части Вселенной, очень отдаленной от ее центра, условия для возникновения жизни могут быть совершенно особыми, что она может даже появиться близ звезд, которые вроде бы совершенно непригодны для роли светила, согревающего жизнь. В Совете, конечно, не могли упустить случая проверить эти теоретические воззрения, у которых было и множество противников. Раз ни одна из звезд не подходила по привычным параметрам, значит...

У первой, второй, третьей, десятой звезд на планетах не было никаких признаков жизни. Что ж, теории, даже самые красивые и неожиданные, так часто остаются лишь теориями! Одиннадцатая звезда была маленькой и не очень горячей. Автоматы зонда мгновенно определили ее возраст. Нет, здесь тоже было явное расхождение с классическими теориями и реальной практикой. В течение нескольких мгновений зонд исследовал первую и вторую планеты. Затем приблизился к третьей. И тут вся его автоматика, все чуткие приборы и анализаторы были повергну-

ты, если можно так сказать про автоматику, в недоумение.

Планета была полна движения, какие-то странные предметы двигались по ее поверхности, и в атмосфере, и по воде. Однако было ли это жизнью? Во всяком случае, это совершенно не походило ни на одну из изученных уже форм жизни во множестве других звездных систем.

Импульсы-щупальца с лихорадочной быстротой бежали по планете. У тонкой автоматики зонда все больше и больше рос интерес к явлению. Если это была жизнь, то в основе ее лежало нечто совершенно непредставимое.

Перестроив свою структуру, зонд-разведчик в тысячу раз уменьшился в размерах. Теперь он мог опуститься на поверхность планеты и остаться незамеченным.

Он опустился. И вдруг — это случилось действительно вдруг — автоматика зонда уловила импульс настоящей жизни. Он исходил от одного из двигающихся по планете предметов, который тоже никак не подходил под каноны Разведанных и Изученных Форм Жизни, но, очевидно, это все-таки была жизнь, потому что импульс, уловленный автоматикой, был Мыслью. Непонятной, неизвестно на что обращенной, но Мыслью. Причем, как вдруг стало ясно логическим устройствам зонда, это была не просто Мысль, а просьба о помощи.

Но, поняв это, логическое устройство встало в тупик. Зонд-разведчик не мог помочь носителю Мысли, он столкнулся с совершенно непознанным.

До конца урока было еще очень далеко, пример казался очень длинным и трудным, в голове не было никаких мыслей, а тут еще, как назло, прямо над ухом раздавалось негромкое жужжание какой-то назойливой мухи, которой, впрочем, почему-то не было видно. Тяжело вздохнув, шестиклассник посмотрел в окно. За окном светило солнце, раздавался шорох листьев да шелест шин по теплому асфальту... Наконец он тяжело, с усилием перевел взгляд на доску, где, словно приговор, был записан пример

$$(a+b)^2 - (a+c)^2 + ab - c^2 =$$

— Ну что же ты, Иванов? — словно бы откуда-то издали донесся голос учительницы, и в нем ясно прозвучали те особые нотки, после которых в классных журналах обычно появляются отметки, не радующие ни родителей, ни педсоветы.

Нет! Нельзя сказать так, что Петя Иванов, тоскливо стоявший сейчас у доски, был закоренелым двоечником и лентяем и, вместо того чтобы готовить уроки, целыми днями играл в футбол или в какие-нибудь другие игры, или читал фантастику, или смотрел телевизор; как, впрочем, нельзя сказать и того, что он был луч-

шим учеником шестого класса «А» — лучшим был другой человек. Но учился Петя, как правило, с удовольствием, в меру занимался спортом, посещал занятия астрономического кружка. Однако даже у лучших из лучших бывают, как известно, моменты, когда что-то не ладится, не получается с первого раза, хотя ведь получится, рано или поздно получится, если есть целеустремленность, настойчивость, желание преодолеть временное затруднение. Вот и у Пети Иванова случился такой момент: никак не мог он вспомнить формулу, которую Татьяна Ивановна объясняла вчера, а если б вспомнил, пример, без сомнения, решил бы сразу и получил бы свою обычную твердую четверку.

— Так что же, Иванов? — со сгущающимися недобрими интонациями спросила учительница, и шестиклассник подумал с тоской: «Ну хоть бы кто помог!»

На мгновение Пете показалось, что жужжание невидимой мухи стало особенно громким, даже каким-то басовитым. А в следующее мгновение ему показалось, что стало совсем тихо, потому что в его голове вдруг ни с того ни с сего — бывает же так! — ослепительно вспыхнула эта формула. Вспомнил!

— Квадрат суммы, Татьяна Ивановна, — начал Петя Иванов, — равен квадрату первого числа плюс удвоенное произведение первого числа на второе плюс квадрат второго числа. Значит, Татьяна Ивановна, получится, что...

Мелок радостно застучал по доске. Красивым, даже каким-то нарядным был весь этот выведенный Петей ряд букв и цифр. Следя за ходом решения, Татьяна Ивановна согласно кивала, а когда пример был решен, сказала:

— Вот так, ребята, мы впервые произвели алгебраическое действие, которое называется приведением подобных. Садись, Иванов, четверка!..

Зонд-разведчик вылетел из окна класса на улицу и стал подниматься вверх. Ему предстояло выйти на орбиту, вновь увеличиться в размерах и продолжить исследование других планетных систем. На этой планете он свою задачу выполнил, и теперь автоматика зонда испытывала чувство гордости, если только можно так сказать об автоматике. Но, впрочем, наверное, можно, потому что речь ведь идет об автоматике, созданной тразеинами, цивилизацией, достигшей самых высоких ступеней развития. Автоматика гордилась, потому что была разгадана еще одна тайна космоса, понято было то, что лежало в основе этой странной жизни, так непохожей на другие формы. Разгадка потребовала колоссальной работы многих служб, расположенных на одной из дальних Галактик. А путь, приведший к разгадке, оказался таким...

Уловив мысленную просьбу о помощи со стороны существа, оперировавшего какими-то необъяснимыми, не имеющими аналогов понятиями, зонд сам не смог ему помочь. Тогда мощным мгновенным импульсом зонд передал информацию в ту Галактику, где были размещены все научные службы тразеинов. Мыслящее существо, пусть и совершенно неведомой формы жизни, просило помощи, и, значит, надо было помочь, не считаясь ни с какими затратами.

Это была невероятно трудная задача $(a+b)^2 - (a+c)^2 + ab - c^2 = \dots$. Поначалу тразеины-ученые встали в тупик, и многое, очень многое пришлось сделать для того, чтобы ответ пришел вовремя: пришлось затратить на решение энергию целой звездной системы, пришлось замедлить и даже пустить назад время, но работа, как оказалось, стоила, стоила таких усилий! Не только ради того, чтобы помочь мыслящему существу, просящему о помощи, но и ради еще одного шага в познании. Потому что, разгадав тайну приведения подобных, тразеины поняли и всю суть науки алгебры: отталкиваясь от постигнутого, они открыли для себя все формулы, которыми так широко пользовались на этой странной планете. А после алгебры, опираясь на познанное, открыли геометрию, тригонометрию, высшую математику, открыли целый мир, наполненный цифрами и формулами, неизвестный им прежде.

Вот так и был сделан еще один шаг на пути познания тайн Вселенной: в основе этой странной цивилизации лежало то, что ее представители называли математикой. Мир чисел и отвлеченных понятий... И пусть открытие не несло тразеинам никакой практической пользы, открытие всегда остается открытием.

Зонд-разведчик улетал все дальше. Автоматика зонда размышляла о том, как трудно, наверное, было бы представителям только что встреченной цивилизации поверить, что можно обходиться без вычислений, создавая, строя, исследуя. О том, что ни один из ее индивидуумов не смог бы и представить, что все эти действия с буквами и цифрами не нужны тразеинам, потому что они — высшая цивилизация — умеют любые конструкции создавать из пространства мыслью, а размеры любого предмета и суть любого явления становятся ясны им и так, просто на взгляд. И что эти естественные способности, с которыми возникла цивилизация тразеинов, все усложняются и совершенствуются в процессе эволюции...

Зонд думал: не только это, но и многое другое трудно было бы представить мыслящему существу встреченной цивилизации, потому что не может оно выйти за привычные рамки мысли. Сколько же существует еще на далеких от этой планеты Галактиках такого, что показалось бы местному мыслящему существу совершенно не-

возможным! Наверное, это существо еще долго будет наивно полагать, что только математика может стать тем универсальным средством, с помощью которого только и могут понять друг друга разные цивилизации...

Зонд был уже у следующей планетной системы, пора было продолжать исследования. Но еще на короткий миг автоматика мысленно вернулась к раскрытой загадке, и снова ею овладела гордость. Тразеины, понятно, и впредь будут обходиться без пользования этими формулами, к которым встреченную удивительную цивилизацию привели условия жизни и природные законы ее планеты. Но ведь тайна была разгадана — еще одна тайна Вселенной, которых столь-

ко уже было в истории науки тразеинов. Ради того, чтобы разгадывать тайны, зонд и продолжил свое путешествие. Какая тайна будет следующей?

Петя Иванов вечером готовил уроки. Квадрат разности был равен квадрату первого числа минус удвоенное произведение первого числа на второе плюс квадрат второго числа. Примеры на приведение подобных решались быстро, в тетради в клеточку росли строчки букв и цифр. Петя торопился на очередное заседание астрономического кружка. Он должен был прочесть доклад о дальних Галактиках.

1982. Украинским институтом кибернетики выпущен КДВ — кибернетический двойник конструктора Васильченко, спасший впоследствии от гибели батискаф с экипажем (И. Росоховатский, А. Стогний. Авария «Серебристой стрелы». 1969).

1982, 12 января. Впервые польская экспедиция достигла Южного полюса (С. Вайнфельд. Поляки на Южном полюсе. 1977. На рус. язык не переводилось).

1982, «где-то в начале». Профессор-нейрофизиолог Боннар сообщает о своем намерении заняться публикацией рукописей покойного писателя Хозе Браге (К. Борунь. Грань бессмертия. Рус. перевод — 1967).

1982. У трехлетнего вундеркинда Кайсара Карагулова проявились необычайные способности к рисованию (Ш. Алимбаев. Альфа гениальности. 1967).

1982. В Соединенных Штатах организован Институт терапии последствий лечения последствий лечения (Л. Райноу. Год последнего орла. 1970, Рус. перевод — 1977).

1982, март. В начало века — в 1902 год — попадает литератор-халтурщик, мечтающий присвоить «все, что еще не написано». (А. Богословский. Спасение. 1982).

1982. Родилась Сьюзен Кэлвин, в будущем — выдающийся роботсиколог. Основана всемирно известная фирма «Ю. С. Роботс энд Мехэникл Мен Корпорейшн» (А. Азимов. Я, робот. 1950. Рус. перевод — 1964).

1982, 27 мая. Безымянному герою подарены дядей-ученым электронные часы новой модели, которые впоследствии помогли установить контакт с инопланетной цивилизацией (Г. Максимович. Связной. 1979).

1982, 26 июля, 23 часа 26 минут. После многих лет бездействия произошло внезапное извержение вулкана Амаги, за которым по всей Японии последовала непрекращающаяся серия мелких и средних землетрясений. **Август —**

сентябрь. Великое землетрясение в окрестностях Киото (С. Комацу. Гибель Дракона. 1973. Рус. перевод — 1977).

1982, 2 июля. Земля включена в Ассоциацию Свободных Планет и приглашена участвовать в межпланетной конференции (А. Якубовский. Сибирит. 1976).

1982, 29 августа. В термостате киевской школы № 228 вылупилось первое кремний-органическое существо из яйца, доставленного с Меркурия (Н. Дашкиев. Пусть торжествует истина, 1967. На рус. язык не переводилось).

1982. На Луну высадились американская экспедиция «Альбатрос». «Это была пятая высадка людей Земли на Луне». Построена американская база в цирке Клеомед (А. Шалимов. Пленник кратера Арзахель. 1964).

1982. В результате запланированного неонацистами разрушения озонового слоя атмосферы (см. хронику 1981 года) должны уцелеть лишь Антарктида и некоторые районы Бразилии (Г. Прашкевич. Мир, в котором я дома. 1974).

1982. Студент 4-го курса университета Костя Константинов зачислен в группу подготовки первой экспедиции на Марс (Ю. Яновский. «Лонговит». 1965).

Кроме того, продолжают спать, замерзнув, во льдах и снегах герои книг «Внуки наших внуков» Ю. и С. Сафроновых (1958), «Прыжок в послезавтра» П. Воронина (1970), «Завещание каменного века» Д. Сергеева (1971) и многих других.

Кроме того, до сих пор невозможны радио- и телесвязь из-за появившихся в 1957 году в окрестностях Земли «волновиков» (Ф. Браун. Волновики. Рус. перевод — 1979).

Кроме того, по-прежнему находятся в пути туда и обратно многочисленные путешественники во времени...

Как всегда в конце года, мы подводим итоги очередной — теперь уже восьмой по счету — нашей викторины.

Кое-что из нее вновь пришлось отложить до лучших времен. В первую очередь это относится к «разминке для КЛФ»: ее итоги мы подведем в одном из первых номеров будущего года.

Но хотя и скудноват объем «Калейдоскопа», мы решили все же не отказываться от эпиграфов к ответам на вопросы, — их в этот раз предоставили в наше распоряжение С. Зырянов (В. Уфалей Челябинской области), М. Якубовский и А. Тетельман (Ростов-на-Дону), шестиклассник из Прокопьевска В. Чебыков. А «побасенки из будущего», в ряде случаев поставленные вместо эпиграфов, придумал В. Забирко (Донецк).

Итак...

Первый тур

1. К ТОМУ ВРЕМЕНИ УЖЕ БЫЛ СОЗДАН КОСМИЧЕСКИЙ ВАРИАНТ «ТРЕХ МУШКЕТЕРОВ», ПЕРЕНЕСЕНЫ В ДАЛЕКИЕ ГАЛАКТИКИ ГЕРОИ РУССКИХ БЫЛИН И МИФОВ ЭЛЛАДЫ, НАПИСАН «РОКАМБОЛЬ НА МАРСЕ», А ДВЕНАДЦАТЫЙ СТУЛ С СОКРОВИЩАМИ МАДАМ ПЕТУХОВОЙ ОТПРАВЛЕН В КОЛЬЦО САТУРНА...» ГДЕ ОПИСЫВАЮТСЯ ЭТИ ВРЕМЕНА И СТОЛЬ ЛИ УЖ ОНИ ОТ НАС ДАЛЕКИ! КСТАТИ, НЕ ПРИПОМНИТЕ ЛИ УМЕЛЬЦА, КОТОРЫЙ «ЕЩЕ НА ЗЕМЛЕ», В УНИВЕРСИТЕТЕ, ЗА КАКИХ-НИБУДЬ ТРИ ГОДА ВЫРЕЗАЛ НА РИСОВОМ ЗЕРНЫШКЕ ПОЛНЫЙ ТЕКСТ «ТРЕХ МУШКЕТЕРОВ» С ИЛЛЮСТРАЦИЯМИ ДОРЕ!»

— Недавно приобрел раритетное издание «Трех мушкетеров».

— И чем же оно знаменито!

— Говорят, его издавали в конце прошлого века специально для сдачи в макулатуру!

Из диалога книголюбов
XXI века

Когда Илья Варшавский опубликовал в 1964 году свой рассказ «Пантеон бессмертия», описываемые в нем времена казались, по-видимому, весьма отдаленными. Но, как замечают объединившиеся нынче в дружное трио ростовчане И. Павловский, В. Рыбкин и С. Битюцкий, «сам Варшавский положил начало этим временам, написав рассказ «Секреты жанра» в середине 60-х годов». С тех пор, убедительно доказывают наши читатели, неоднократно побывали в космосе герои русских сказок и былин, и мифы Эллады уже не раз использованы фантастами, и создан уже вполне приличный космический вариант «Трех мушкетеров» — почти единодушно участники викторины считают таковым «Экспедицию в преисподнюю» С. Ярославцева. Не исключено, что в зарубежной фантастике посетил Марс и необыкновенно популярный в свое время герой многочисленных сочинений Понсона дю Террайля. Вот только двенадцатый стул... Впрочем, ростовчане крепко надеются, что и это — «дело недалекого будущего», что кто-нибудь из фантастов вот-вот займется и сокровищами мадам Петуховой.

Умельца же, который перенес на рисовое зернышко роман о мушкетерах, две трети участников викторины нашли в рассказе К. Бульчева «Хоккеисты» (в другом издании — «Хоккей Толи Гусева»). Кое-кто, правда, путался, поскольку помимо Толи Гусева в ряде произведений того же автора (в частности, в рассказе «Гусяр — Неаполь», печатавшемся в нашем журнале) идентичным занятием увлекается и Александр Грубин, самозабвенно трудящийся над «Словом о полку Игореве». Заметим на это, что умельцев в фантастике не так уж и мало, — может быть, даже имеет смысл заняться ими особо. И добавим «на десерт», что В. Воробьев (Полтава) и Б. Рифтин (Сумы) сообщили нам о механике автоколонны Эдисоне Назаровиче Лыбзикове, который в повести Л. Треева «Вермудский четырехугольник, или Возвращение Редькина» написал «Сказку о царе Салтане»... на срезе человеческого волоса!

3. «С КАПИТАНОМ СТЕПАНОМ АФАНАСЬЕВИЧЕМ ВАРШАВСКИМ Я ВСТРЕТИЛСЯ ВПЕРВЫЕ НА СОЛНЕЧНЫХ И ЛАЗУРНЫХ БЕРЕГАХ ТАИТИ. ЯРКИЕ ЗВЕЗДЫ МЕРЦАЛИ НАД БЕСКРАЙНИМ ВЕЛИКИМ, ИЛИ ТИХИМ, ОКЕАНОМ...» В ЧЬИХ МЕМУАРАХ ОБНАРУЖЕНЫ ЭТИ ЦВЕТИСТЫЕ ФРАЗЫ!

О, друг мой, Аркадий Николаевич!.. Об одном прошу тебя: не говори красиво.

И. С. Тургенев. Отцы и дети

Наш вопрос, как не без ехидства отметили многие, распадается на четыре самостоятельных. Итак...

а) Разными путями шли наши читатели. Одни выискивали в фантастике героев, чьи имена прямо или косвенно наводили бы на мысль о произведениях бессмертного поэта. Другие, напротив, в уме держа под прицелом весь необозримый океан фантастики, листали пушкинские книги — шли «от оригинала». И выяснилось, к примеру, что Маша Миронова по прозвищу Капитанская дочка есть в повести Г. Букина «Дети Земли», а Владимир Дубровский — в рассказе «Весна — лето 2975-го» Л. Розановой (оба факта сообщил нам рязанец В. Колядин), что и знаменитая «Изнакурнож» («Понедельник начинается в субботу» Стругацких) способна напомнить о Пушкине, что, скажем, Тридцать три богатыря — полная пушкинская строка! — это имя одного из персонажей рассказа Д. Бабушкина «Берегитесь крнфсов!», печатавшегося в нашем журнале...

В конце концов, почти две трети участников викторины успешно разгрызли наш орешек: это, конечно же, Ятуркенженсирхив из повести С. Ярославцева «Экспедиция в преисподнюю». Если прочитать справа налево (или, как выразился Г. Прокопик, перевести с языка контрамотов на русский), его имя будет означать строку из «Зимнего вечера»: «Вихри снежные крутя...», в которой для благозвучия опущена буква «ы».

«Автор вопроса достоин приза за лучший вопрос, — считают горловчане. — Ну, хотя бы назвать его...» Что ж, назовем: вопрос об имени симпатичного «карманного шпиона», похожего на Чебурашку, предложил ростовчанин И. Павловский.

б) «Конечно же, — пишут В. Карабаев и Р. Кадиков, — фантасты не обшли вниманием такого сказочного героя, как конек-горбунук. Однако его происхождение, оказывается, неземное. В рассказе К. Булычева «Танк для детей Земли» говорится, что они (таканы, или коньки-горбунки) обитают в малом количестве в шестнадцатипарсеках от Земли. А Я. Романов в юмореске «Первая премия» (журнал «Техника и наука», 1977, № 7) пишет, что коньки-горбунки, или ноки, не так редки и их родина находится в спиральной галактике в созвездии Волопаса...»

На этот подвопрос ответили едва ли не пять шестых от общего числа участников викторины. Но оба рассказа в своих ответах назвали лишь девять человек, в их числе — и трио из Ростова, считающее, что коньки-горбунки — это подвид куда более представительного племени пегасов...

в) «Космонавт Муму нашелся после длительных поисков, — рассказывает Г. Прокопик. — Когда память

не подсказала ни одного сходного с рассказом Тургенева сюжета, когда не нашлось ни одного глухонемого космонавта, — попадались только слепые, но без собачек, — я предположил, что наше Муму — это всего лишь звуко сочетание, никакого отношения к Тургеневу не имеющее, и использовать его в качестве имени могли все: начиная от А (англичан) и кончая Я (японцами). Следовательно, рассчитывать на успех можно только при кропотливом просмотривании всей (!) имеющейся литературы... Сначала мне попалась аббревиатура МУМ у Снегова («Люди как боги»), затем Мем — у Уормсера («Пан Сатирус») и, наконец, — здравствуйте! — «Меня зовут Муму» (в рассказе «Сказка» Саке Комацу)...

Лишь десятая часть (около тридцати) участников викторины отыскала космонавта (точнее, космийнина) Муму.

г) В. Молчанов предложил целых пять способов воссоздания текста сожженного Гоголем второго тома поэмы. Среди них — использование ЭВМ. Опыт у фантастов есть: в рассказе А. Морозова и С. Чекрыгина «А говорят, Кювье...» ЭВМ по одной лишь фразе воссоздала весь текст «Сорочинской ярмарки»! А окажется заложенным в эту машину первый том «Мертвых душ» — да неужели она не воссоздаст по нему и том второй?! «Ну а если будет текст, то комментаторы найдутся», — вполне резонно заключает наш читатель, не подозревая, однако (как, впрочем, и добрая половина других участников викторины), что историк литературы Гурий Ниц («Садовник в ссылке» К. Булычева), побывав в прошлом, уже переснял заветную рукопись и даже издал ее — естественно, со своими комментариями. Кстати, второй том поэмы есть и у Пашки Гераскина — одного из героев повести «Миллион приключений» того же К. Булычева: на этот раз хорошо поработал Отдел исправления исторических ошибок и несправедливостей...

7. «БЛАГОДАря ЕГО РАБОТАМ БЫЛО ДОКАЗАНО, ЧТО ТЕЛА, КОТОРЫЕ РАНЬШЕ ПРИНИМАЛИ ЗА РАКЕТЫ НЕИЗВЕСТНОГО НАМ ОБРАЗЦА, НА САМОМ ДЕЛЕ ЯВЛЯЮТСЯ ЖИВЫМИ ОРГАНИЗМАМИ, ОБЛАДАЮЩИМИ РАЗУМОМ». О КАКИХ «РАБОТАХ» ИДЕТ РЕЧЬ И ИЗ КАКОГО ПРОИЗВЕДЕНИЯ ВЗЯТА ЭТА ФРАЗА!

...Автомат с газированной водой оказался заместителем руководителя тарраканской делегации, облеченным в парадную форму.

С. Лем. Звездные дневники Ийона Тихого

«Предлагаемая нашему вниманию фраза, — пишет ростовское трио, — взята из рассказа Фудзико Исихары «Планета иллюзий». Но детальное исследование, посвященное разумным ракетам, принадлежит перу советского фантаста Владимира Савченко. На его рассказ «Вторая экспедиция на Странную планету» и ссылается японский писатель. Прекрасный пример того, что в фантастике, как и во всей литературе, происходит так называемый «процесс мифологизации» и возникает традиция».

Добавим к сказанному: рассказ В. Савченко вспомнили девять десятых участников викторины, рассказ же Ф. Исихары — немногим более трети.

8. «МЫ БУДЕМ СТРАНСТВОВАТЬ МЕЖ ЗВЕЗД. ПОДВЛАСТНЫ НАМ ГЛУБИНЫ МОЛЧАЛИВЫЕ. ПО КОСМОСУ ПРОМЧИМСЯ И ВЕЧНОСТЬ ГРОХОТОМ РАЗБУДИМ...» КОМУ ИЗ ПЕРСОНАЖЕЙ НФ ПРИНАДЛЕЖАТ СТОЛЬ ВЫСПРЕННИЕ СТРОКИ!

— Никогда в жизни! — воскликнул Марвин с инстинктивной дрожью отвращения, которую испытывают все разумные земляне мужского пола при мысли о стихах.

Р. Шекли. Обмен разумов

«Как справедливо заметили А. и Б. Стругацкие («Понедельник начинается в субботу»), в фантастике «стихи были либо знакомые, либо скверные», — пишет десятиклассник Юрий Зубакин (Коркино Челябинской области). — Стихи вашего вопроса относятся к категории «скверных». Именно из-за таких «слонявых стихов» одного из членов экипажа и начались все злоключения героев рассказа «Прелесть» К. Д. Саймака...»

Воздержимся от детализации ответа: среди участников викторины почти не нашлось таких, кто не вспомнил бы этот поистине прелестный рассказ.

9. «— АНЕКДОТЫ! — ПЕРЕСПРОСИЛ УТRENНИЙ ВЕТЕР.

— АХ, ТЫ ЖЕ НЕ ЗНАЕШЬ НИ ОДНОГО АНЕКДОТА! МОЙ БЕДНЫЙ МАЛЕНЬКИЙ ДРУГ, ТЫ НЕ ПРЕДСТАВЛЯЕШЬ СЕБЕ, ЧТО ТЕБЯ ЖДЕТ НА ЗЕМЛЕ...»

ОТКУДА ВЗЯТ ЭТОТ ОТРЫВОК! ЧТО ГОВОРЯТ ФАНТАСТЫ О ПРОИСХОЖДЕНИИ ЮМОРА, И В ЧАСТНОСТИ АНЕКДОТОВ!

Я до конца понял секрет смешного, и смешного больше не существует для меня.

А. Беляев. Мистер Смех

Разговор с Утренним Ветром (опять, между прочим, робот!) происходит в повести З. Юрьева «Башня Мозга», и помнят об этом примерно четыре пятых участников викторины. Что же касается происхождения анекдотов... «Еще Марк Твен в романе «Янки при дворе короля Артура», — замечает В. Забирко, — устами своего героя высказывает мысль о том, что все анекдоты были придуманы в достопамятные времена и передаются из поколения в поколение — только с изменением имен действующих лиц и антуража, которые всегда соответствуют данной эпохе». А. Азимов в рассказе «Острия» (тоже очень хорошо известном нашим читателям) пошел еще дальше: анекдоты — и юмор вообще — придуманы некими инопланетными пришельцами. С тем чтобы, наблюдая индивидуальную всякий раз реакцию человека на смешное, всесторонне исследовать людскую психологию, — вот ведь как!..

Второй тур

2. В КАКОМ ПРОИЗВЕДЕНИИ ИЗОБРЕТЕН САХАР, КОТОРЫЙ «КИДАЕШЬ В ЧАЙ, РАЗМЕШИВАЕШЬ, РАЗМЕШИВАЕШЬ — ХОП! — ПЕРЕСЛАСТИЛ, ТОГДА НАЧИНАЕШЬ КРУТИТЬ ЛОЖКОЙ В ОБРАТНОМ НАПРАВЛЕНИИ — И СЛАДОСТЬ ДЕЛАЕТСЯ ВСЕ МЕНЬШЕ И МЕНЬШЕ!»

Мой стакан не велик, но я пью из своего стакана.

А. де Мюссе

Дадим еще раз слово Г. Прокопику.

«Где возможен такой странный сахар? В фантастике описан ряд ситуаций, когда «чудо» с сахаром — сахарный палиндром — может произойти.

1) В «Стажерах» Стругацких есть рассказ о «гигантской флюктуации». С рассказчиком там происходили и более странные вещи, и похоже на наш чай: «Вода в сосуде с цветами неожиданно принялась отнимать тепло от окружающей воздуха и довела себя до кипения...» Может быть, рассказчик и пил чай с «палиндромным» сахаром...

2) «Демоны Максвелла» в рассказе У. Моррисона «Пиршество демонов» элементарно проделывали подобные и более сложные деяния.

3) При движении против времени, т. е. у контратемов или у путешественников по времени, превращения сахара в чай — рядовое, ничем не примечательное явление.

4) Конечно же, в чудесном мире Алисы Л. Кэрролла должны происходить чудеса с чаем и сахаром.

ИТОГИ ВИКТОРИНЫ-82

КТО БОЛЬШЕ ЗНАЕТ, ТОМУ И КНИГИ В РУКИ.

В. И. Даль. Толковый словарь.

Полностью ответили на все вопросы викторины С. БИТЮЦКИЙ, И. ПАВЛОВСКИЙ и В. РЫБКИН (Ростов-на-Дону), В. ВЕЛЬЧИНСКИЙ и Л. ФИЛАТОВ (Москва), В. ЗАБИРКО (Донецк), Г. КУЗНЕЦОВ (Новосибирск), Ю. ЛЕВИН и А. СМИРНОВ (Донецк), В. ЛЕПИЛИН (Новосибирск), М. ЯКУБОВСКИЙ и А. ТЕТЕЛЬМАН (Ростов-на-Дону). Споткнулись лишь на одном-двух вопросах А. БОРДЮГОВ (Новочеркасск), Е. КУЛИНИЧ, В. ЧЕРНИК и П. РОСКЛАДКО (Горловка), С. ПОШЕВЕЛЯ (Новочеркасск), Г. ПРОКОПИК (Вязники Владимирской области), вплотную за ними следуют М. ДАГАЕВ (Москва), В. ГУРЕВИЧ (Комсомольск-на-Амуре), В. КАРАБАЕВ и Р. КАДИКОВ (Уфа). Среди школьников отметим десятиклассника Юрия ЗУБАКИНА (Коркино Челябинской области), девятиклассника Павла ГОССЕНА (Барнаул) и семиклассника Сергея ЛУКОНИНА (Вольный Карагандинской области).

Всем названным здесь читателям высланы книги с автографами советских писателей-фантастов.

Да, повсюду это происходит, но вот кто же конкретно написал об этом явлении, я никак не могу вспомнить, хотя где-то совсем недавно читал о таком чае. Или это собственные мечтания смешались с прочитанным?..

В фантастике тема «сладкого чая», тема закручивания и последующего раскручивания действия не является чьей-то монополией. Эта тема обратимого процесса есть и у М. Пухова, например, в рассказе «Неужное — уничтожить» (размножение-вымирание скалоедов), есть и у многих других. Примером может служить печальный рассказ Д. Киза «Цветы для Элджернона». А когда перечитываешь «Встречников» Савченко, фраза о чае, кажется, вот-вот встретится, но...»

И все-таки почти треть участников викторины благополучно отыскала чудесный сахар. В повести С. Вольфа «Завтра утром, за чаем». Кое-кому, по их признанию, помогло в этом само ее название...

3. ДУБЫ, КОЧУЮЩИЕ С СЕВЕРА НА ЮГ И ОБРАТНО. ПШЕНИЦЫ, СЛОНЯЮЩИЕСЯ ВСЮДУ, НО ОБЯЗАТЕЛЬНО ВОЗВРАЩАЮЩИЕСЯ К ОБМОЛОТУ. КУСТАРНИК, БРОДЯЩИЙ ПО ПУСТЫНЕ В ПОИСКАХ ВОДЫ. ЯБЛОНЕВЫЙ САД, ОТШАГАВШИЙ ПОЛМИЛИ И ОБОСНОВАВШИЙСЯ У ОЗЕРКА... В КАКИХ ПРОИЗВЕДЕНИЯХ ВОДИТСЯ ЭТА НЕПОСЕДЛИВАЯ ФЛОРА? ВОЗМОЖНО, ВАМ ИЗВЕСТНЫ И ДРУГИЕ ЕЕ ПРЕДСТАВИТЕЛИ!

Кстати, у меня идея! Давайте научим нашу картошку бегать прямо к нам в кастрюлю...

Д. Уиндэм. День триффидов

Повести Р. Шекли «Обмен разумов», А. Якубовского «Последняя Великая Охота», К. Булычева «Путешествие Алисы» и рассказ Д. Уондри «Странная жатва» — таковы последовательно источники, в которых описываются приведенные нами образцы непоседливой флоры. Наиболее известны из них повести Р. Шекли и К. Булычева — примерно пяти шестым отвечавших; труднее же всего далась нашим читателям бродячая пшеница, которую отыскал лишь каждый пятый.

4. «ОН УЖЕ СЕГОДНЯ СВОБОДНО ОРИЕНТИРУЕТСЯ В ЧЕТЫРЕХ ДЕЙСТВИЯХ АРИФМЕТИКИ, ОТЛИЧНО ВЫЧИТАЕТ И МНОЖИТ И С ОСОБЫМ НАСЛАЖДЕНИЕМ, ПРЯМО ТАКИ ПЛОТСКИМ НАСЛАЖДЕНИЕМ, ДЕЛИТ. ДЕЛЕНИЕ — ХОББИ БЕССМЕРТНОГО ПЕТУХА КЕШКИ». ГДЕ ОБИТАЕТ ЭТОТ ГЕНИАЛЬНЫЙ ПЕТУХ!

Его пример другим наука. Но, боже мой, какая скука...

А. С. Пушкин. Евгений Онегин

Лишь каждый четвертый встречался с этим интеллектуалом, обитающим в рассказе С. Снегова «Сверхцентр бессмертия». Едва ли не чаще вспоминают читатели другого интеллектуала: у этого же пи-

сателя в заключительной части трилогии «Люди как боги» есть Мизар, который «был псом выдающимся, овчаром с высшим собачьим образованием. Четыре правила арифметики и несложные алгебраические преобразования, начатки геометрии и физики известны многим собакам, но Мизар справлялся и с уравнениями второй степени, а его познаниям в физике и химии мог бы позавидовать иной средневековый профессор...»

5. КИБЕРНЕТИКА, БИОНИКА, СОЦИОЛОГИЯ, КОСМИЧЕСКАЯ МЕДИЦИНА—ЭТИ И МНОГИЕ ДРУГИЕ НАУКИ ПОЯВИЛИСЬ БУКВАЛЬНО У НАС НА ГЛАЗАХ. А КАКИЕ НАУКИ ВОЗНИКНУТ В БУДУЩЕМ? ЧТО ГОВОРЯТ ОБ ЭТОМ ФАНТАСТЫ!

Наука изощряет ум; ученье вострит память.

Козьма Прутков

«Поскольку каждый уважающий себя фантаст считает своим долгом избрости новую науку, то перечислить их все — совершенно безнадежное дело,— пишет М. Дагаев (Москва).—Поэтому пришлось ограничиться подбором и систематизацией наиболее известных фантастических наук и научных дисциплин.

Среди них можно выделить две группы: 1) науки «шутейные», созданные больше для того, чтобы развлечь читателя, чем для серьезных целей; 2) науки серьезные, являющиеся полноправными сестрами реальных наук. В свою очередь, каждую из этих групп можно разбить на две категории: а) науки, упоминаемые лишь для создания соответствующего колорита; б) науки, на использовании которых основано большинство событий данного произведения».

В подтверждение своей систематизации наш читатель приводит на девяти страницах в общей сложности 71 научную дисциплину... Поостережемся следовать ему: постараемся лучше в будущем еще раз вернуться к этому вопросу. Тем более что среди ответов на него немало и других любопытных классификаций.

6. «ОН МГНОВЕННО НАГНУЛСЯ, ПЛОТНО УПЕРСЯ В ЗЕМЛЮ ЛАДОНЬЯМИ И МОЩНО НАЖАЛ... ФАКТ ОСТАЕТСЯ ФАКТ. ЗЕМНОЙ ШАР СЛАБО КАЧНУЛСЯ, БУЛЫЖНИК ПРОСВИСТЕЛ МИМО НЕЗНАКОМКИ, И ТОЛЬКО ВОЗДУШНАЯ ВОЛНА ЛЕГКО ПРОШЛАСЬ ПО ЕЕ ПРИЧЕСКЕ И ЩЕКАМ». КТО СОВЕРШИЛ ЭТОТ РЫЦАРСКИЙ ПОСТУПОК!

Принимаясь за дело, соберись с духом.

Козьма Прутков

О благородном поступке инженера Петрова из рассказа В. Григорьева «Аксиомы волшебной палочки» знает каждый второй участник викторины. Кое-кому известно и другое название этого рассказа: «Весна инженера Петрова».

7. ИЗ КАКИХ ПРОИЗВЕДЕНИЙ ВЗЯТЫ СЛЕДУЮЩИЕ, БЕССПОРНО, НЕБАНАЛЬНЫЕ ФРАЗЫ: А) «ДА ВЕДЬ ЕСТЬ ЖЕ РАЗНИЦА МЕЖДУ ЗВЕЗДНЫМ КОРАБЛЕМ И МОКРОЙ ТИНОЙ В ЖАБЕРНОМ МЕШКЕ!»; Б) «ОКУТАННЫЙ ГАЛАКТИЧЕСКИМ МРАКОМ УТОГО ЗЛОВЕЩЕ ПОДКРАДЫВАЛСЯ К ШЛЕПАНЦАМ СПЯЩЕГО КОСМОНАВТА...»; В) «ДОБЬЕМСЯ НАИВЫСШЕЙ ПЛАНЕТНОСТИ ДЛЯ ЗВЕЗД НАШЕГО РАЙОНА ГАЛАКТИКИ!»; Г) «ДЕЛО В ТОМ, ЧТО ЭТО Я ИЗОБРЕЛ ПРЯМОУГОЛЬНИК...»

По-видимому, на свете нет ничего, что не могло бы случиться.

М. Твен

«Начало легкое, окончание тяжелое!» — высказался по этому вопросу В. Бригадир (с. Будное Винницкой области) и оказался безусловно прав. Если первый пункт не составил секрета для четырех пятых, то по поводу последнего — единственный раз за всю викторину — вздохнуло даже трио из Горловки: «Увы! Не обнаружен нами изобретатель прямоугольника!»

Источниками фраз послужили рассказы «О странствующих и путешествующих» А. и Б. Стругацких (он вошел позже в их повесть «Полдень, XXI век») и «Проверка на разумность» Д. Биленкина, романы «Люди как боги» С. Снегова и «Координаты чудес» Р. Шекли.

Полностью на этот вопрос ответили лишь 29 участников викторины.

8. В КАКИХ НФ ПРОИЗВЕДЕНИЯХ УПОМИНАЕТСЯ 1982 ГОД!

Прогноз одного из участников викторины о том, что в следующем году будет задан вопрос о событиях, «запланированных» фантастами на 1983 год, полностью оправдался.

«Уральский следопыт», 1983, № 12

Вот и снова — этот «вопрос, целесообразность которого в такой интересной и живой викторине представляется сомнительной» уже третий год подряд нашим читателям. В том числе — А. Смирнову и Ю. Левину (Донецк). «Вопросы такого характера, — пишут они, — могут быть интересны в клубной викторине, так как требуют огромного труда и обработки огромного количества книг...»

Что ж, прислушавшись к мнению многих, с будущего года мы переведем этот вопрос в «разминку для КЛФ». Надеемся все же, что и в этом случае читатели-одиночки, наткнувшись в фантастике на нужную дату, сообщат нам о ней. Для гарантии и во избежание.

В заключение — о замечаниях в адрес викторины в целом.

Калужанина В. Ковалева крепко озаботило ставшее традиционным название наших обзоров — «Знаток» (отвечают...) В прежних заголовках (напомним их: «Следствие велут знатоки», «Снова слово — знатокам», «Без знания не угадаешь», «Кабы знать — да помнит!», «Знающий — да поделится!»), по его словам, «редакция схватывала суть и вела за собой», а сейчас... «Ну, скажите, какой я... знаток, если из 34 вопросов — а их именно столько в викторине-82 — ответить мог сразу, не задумываясь ни на секунду, только на два вопроса полностью и еще на два частично! Да... хоть сквозь землю, а тебя называют знатоком, да еще дают два месяца...» Что ж, название обзора не очень устраивает и нас самих. Но «Толковый словарь» В. И. Даля уже ничего более нам не подсказывает... Может быть, подскажут участники наших викторин! Сменить название, во всяком случае, проще, чем — следуя предложению В. Ковалева — сократить срок на размышление до двух недель (дабы знаток надеялся только на память и тем оправдывал свое звание!).

По-видимому, одновременно придется согласиться и с В. Молчановым: «Нужно как-то переименовать название викторины, «Проверьте вашу память» не отражает действительной сути конкурса, в названии даже нет слова «фантастика». А у людей не очень молодого возраста такое название вызывает неприятные ассоциации с проверкой на отсутствие склероза...»

И еще о сроках. Многих наших читателей смущают и весенне-летние месяцы: экзамены, отпуска, начало сельхозработ... Может быть, вопросы викторин удобнее помещать в сентябрьском номере, последним днем отправки ответов на них установить 31 декабря, а традиционный обзор давать в августовском номере следующего года! Давайте подумаем. Если большинство выскажется за эту трансформацию, с 1984 года мы так и сделаем.

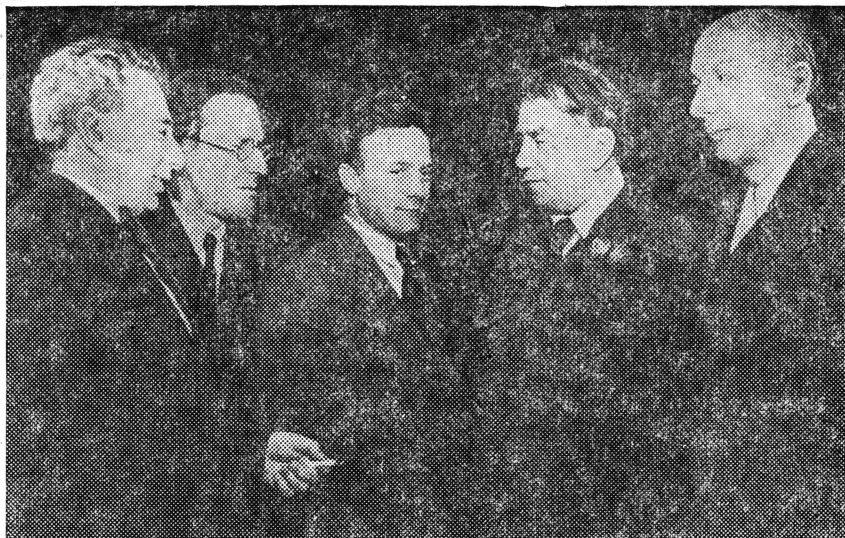
Ждем и соображений по замечаниям В. Ковалева и В. Молчанова.

Виталий БУГРОВ,
редактор отдела фантастики

ГЛЯДЯ НА ФОТО...

Лев
ГРИГОРЬЕВ

В предвоенные годы для советских композиторов и музыкантов было весьма характерным стремление содействовать становлению национальной музыкальной культуры тех народов страны, которые при царизме были бесправны, угнетены, неграмотны. И фотография, публикуемая нами, имеет к этому самое прямое отношение.

Но сначала коротко об истории самого снимка. Он сделан был в Свердловске в 1940 году в редакции газеты «Уральский рабочий» на встрече с работниками культуры и искусства.

Младший научный сотрудник УНЦ К. Новосельский, занимаясь поисками материалов об основоположнике нынешнего института экономики Уральского научного центра Н. Н. Колосовском, встретился в Москве с Иваном Степановичем Пустоваловым, который в довоенные годы был ответственным редак-

тором газеты «Уральский рабочий» и руководителем кафедры политической экономики Уральского индустриального (ныне — политехнического) института. В конце беседы, узнав, что К. Новосельский — правнук известного композитора Р. М. Глиэра, И. С. Пустовалов вспомнил о хранящейся в его архиве фотографии, отыскал и подарил ее.

Она перед вами. В центре с двумя орденами на пиджаке — Рейнгольд Морицевич Глиэр. Имя этого композитора хорошо знают не только в нашей стране, но и во всем мире. Только перечень произведений, созданных им, занял бы немалое место. Нам бы хотелось лишь подчеркнуть, что в 1927 году в Баку была поставлена его опера «Шахсенем», позднее, в Ташкенте, — «Лейли и Меджнун» и «Гюльсара». В этих произведениях Р. М. Глиэр нередко использовал подлинные народные песни и танцы, им свойствен истинный национальный колорит. Недаром композитор был удостоен высоких званий — народного артиста Азербайджанской и Узбекской ССР, а в 1938 году — звания народного артиста СССР.

Справа от Р. М. Глиэра — его ученик Маркиан Петрович Фролов. С его именем связано начало строительства музыкальной культуры Свердловска. М. П. Фролов был одним из организаторов и первым директором Уральской консерватории, первым председателем Свердловского отделения Союза советских композиторов, первым директором Свердловской филармонии. По его инициативе была открыта в Свердловске первая городская музыкальная школа.

Маркиана Петровича связывали с Р. М. Глиэром не только добрые отношения, но и многолетняя большая дружба. В том далеком уже

1940 году в Свердловской филармонии состоялось исполнение произведений Р. М. Глиэра. Дирижировал автор. Прозвучали его концерт с оркестром для арфы и симфоническое сочинение «Запорожцы». А Маркиан Петрович, воспользовавшись приездом Р. М. Глиэра, показал ему фрагменты своей оперы «Энхе-Булат батор» — посоветовался с учителем, учел его замечания. Замысел написать бурятскую оперу созрел у М. П. Фролова давно и, вероятно, не без влияния Р. М. Глиэра. Маркиан Петрович ездил по Бурятии, записывал народные мелодии, фольклор, настойчиво изучал бурятский язык, историю и обычаи народа.

В октябре 1940 года «Энхе-Булат батор» была показана в Москве на декаде бурятского искусства. Она получила высокую оценку и до сих пор в репертуаре театров — как первая бурятская опера. Можно было бы много доброго сказать и о других произведениях М. П. Фролова, его исполнительской деятельности, но, не отклоняясь от главной темы, добавим, что именно по его предложению при Уральской консерватории были открыты национальные отделения — якутское и бурятское.

Вот о чем можно вспомнить, вглядываясь в эту старую фотографию. В центре снимка — И. С. Пустовалов. Слева от него товарищи М. П. Фролова по работе и творчеству композитор В. Н. Грамбицкий и профессор Н. Р. Бакалейников.

Гуго Петерс

**Владимир
САМСОНОВ**

Приходит как-то в наш отдел кадров документ на одной страничке — разрешение на допуск к летной работе Гуго Петровича Петерса. Вроде ничего особенного, обычная бумага, но, когда внимательно прочитал ее, даже растерялся от неожиданности: это же новый Маресьев! А потом и сам Петерс появился передо мной. Чуть сутуловатый, светловолосый, с настороженным взглядом серых глаз на скулящем лице. Сперва он держался скованно, не ожидая, видимо, ничего хорошего от беседы с кадровиком. Но когда понял, что опасаться нечего, скованность прошла.

Документом, о котором я говорил, была выписка из протокола заседания высшей медико-летней экспертной комиссии Министерства гражданской авиации. В ней были, в частности, такие слова: «...Петерс Гуго Петрович является единственным человеком в Советском Союзе, который стал летчиком, имея дефект левой нижней конечности...» Имелось в виду, что он стал летчиком, потеряв ногу в мирное время. Прежде чем появился этот протокол, прошли долгие и трудные годы испытаний. И Гуго вышел из них победителем, добился, казалось бы, невозможного.

Но сначала несколько строк истории. Без малого триста лет назад семья Петерсов в поисках лучшей доли покинула Голландию. Около ста лет жила в Германии, а затем подалась в Россию, где с 1783 года пустила прочные корни. Гуго родился в сентябре 1938 года в далеком киргизском селе Орловка.

...Окончена семилетка. Встал вопрос — куда идти дальше? Он решает поступить в Оренбургский техникум механизации. И не потому, что его влекла туда профессия механизатора, а исключительно из-за парашютной секции, которая работала при техникуме. Однако через год секцию ликвидировали, и у Гуго пропало всякое желание учиться дальше. Заглянул в авиаклуб, но... не хватило года до семнадцати — возраста, с которого принимали.

Новый, 1953-й стал для Гуго ро-

ковым. Петерс поступил на курсы механизаторов, которые можно было окончить за год. Теоретические занятия здесь чередовались с практикой — работой на машинах. Однажды, выполнив упражнения по вождению, Гуго на ходу спрыгнул на землю, но зацепился за порог кабины. Левая нога попала в гусеницы трактора. Адская боль пронзила все тело... Врачи констатировали — раздроблена голень. Необходима ампутация.

Потом Гуго учился ходить на костылях, на протезе. Потом... победил!

Гуго закончил курсы счетоводов и два следующих года работал в колхозе, стараясь ни в чем не отставать от своих сверстников. Работал, ходил на лыжах, катался на велосипеде, учился ездить на мотоцикле и, наконец, закончил курсы шоферов.

Затем Гуго едет в районный центр, устраивается шофером на автобазу. Он так хорошо ходил на протезе, что долгое время никто даже не подозревал, что у этого небольшого старательного парня нет ноги.

В то же время по вечерам Гуго запоем читает книги о планерном спорте, об аэродинамике, авиамоделизме. И вот — первый шаг в осуществлении давней своей мечты: Гуго добивается разрешения создать планерную секцию в селе Сузановка. В его дневнике появляется запись: «Сегодня привез планер первоначального обучения БРО-11». А через несколько месяцев Маршал Советского Союза С. М. Буденный подписывает протокол о награждении Гуго Петровича Петерса нагрудным знаком «За активную работу».

Первое сентября 1957 года Гуго хорошо помнит. В этот день из пыльного сарая вывели планер, закрепили на земле, стали натягивать резиновый стартер. И здесь случилось непредвиденное: стартер сорвался, планер взмыл в воздух. А в кабине... находился Гуго. Теоретически он был подготовлен к полету, и это в какой-то мере помогло ему быстро овладеть собой. Конечно, только по

ПРОСИТ ВЗЛЕТ

счастливого случая все обошлось благополучно. Но случайность оказалась символической. Небо приняло Гуго.

Пилот-конструктор А. Попов после первого полета похлопал Гуго по плечу, одобрительно сказал:

— Летать можешь! Летать будешь!

За короткое время Гуго сделал около четырех десятков стартов. Взлет и посадка сданы на отлично. Он летает с упоением и вместе с пилотом-инструктором начинает учить других.

Но так продолжалось недолго. Через несколько месяцев его секция закрылась. Гуго пытается устроиться инструктором на добровольных началах в любое место, где бы можно было летать. Но везде ему отказывают. Отказывают с улыбкой: что за инструктор без ноги...

— Вы же знаете, что я летаю!.. Ну, проверьте еще раз, со всей строгостью,— просит Гуго.

Увы, всерьез его не воспринимают.

«...Не унывай! Сила воли у тебя есть. И я почти уверен, что твой путь будет служить примером и окрылять людей... Перебирайся ко мне в Челябинск, здесь есть большой аэропорт. Устройся на работу, а там посмотрим...» Эти слова написал Гуго старший брат Эрнест из Челябинска.

Гуго переезжает в Челябинск. Работает в аэропорту кладовщиком, мотористом, водителем спецавтомашин. И конечно же, сразу становится активистом местного аэроклуба. Здесь он много летает, в совершенстве осваивает технику пилотирования. Заслуживает звание лучшего общественного пилота-инструктора аэроклуба. И вот когда, казалось, уже ничто не могло помешать Гуго, из Центрального Комитета ДОСААФ приходит команда отстранить его от полетов. Заместитель председателя ЦК ДОСААФ по летной работе решает, что не может человек без ноги летать. Не имеет права.

Несмотря на прошения Петерса и ходатайства аэроклуба, разбираться не стали: «Не положено!»

Он едет в Москву, просит проверить его на практике, но... буквоеды сильнее. И тогда советуют обратиться к знаменитому хирургу Г. Грейферу, который в годы войны был в составе медицинской комиссии, допустившей Алексея Маресьева к полетам. Грейферу понравился настойчивый парень, и он согласился освидетельствовать его. Состоялся тщательный медицинский осмотр. Два часа хирург «мучил» Гуго. Сравнивал силу ног, заставлял приседать, прыгать, бегать...

С мнением опытного хирурга посчитались. После дополнительного экзамена по специальным предметам Гуго разрешили летать. Окрыленный, он возвращается в Челябинск. Через несколько лет переезжает в Златоуст, где встречается со Львом Александровичем Комаровым, который впоследствии сыграет большую роль в его жизни. Сам бывший летчик, Комаров руководил авиамодельной лабораторией. Его помощником и становится Гуго. Он организует отряд «юных летчиков». В течение двух лет отряд строит своими силами настоящий самолет, который назовут «Малышом». Помогал весь город. Наиболее ответственные детали изготовлял, подшефные предприятия. И вот «Малыш» готов к полету. Вес — 120 килограммов, размах крыльев — семь метров, мощность двигателя — тридцать лошадиных сил, диапазон скоростей — 60—120 километров в час. Первые облеты «Малыша» делали Комаров и Гуго. Они учили его летать. К этому времени Гуго успел закончить планерную школу и имел уже официальное удостоверение на право обучения. «Малыш» выдержал все испытания. О нем писали газеты, сняли кинофильм, который впоследствии был показан авиаконструктору О. К. Антонову. Антонов пригласил сперва Комарова, а затем и Гуго Петерса к себе в конструкторское бюро.

В КБ Антонова Гуго работает авиатехником и одновременно продолжает летать на планерах.

На новом месте с пониманием, без улыбки отнеслись к страстному желанию Гуго летать на самолетах. Два с половиной года, проведенных им в КБ, стали для Гуго большой

жизненной школой. Именно здесь он по-настоящему пополнил свой теоретический багаж, здесь стал пилотом.

Десять лет добивался Гуго решения сделать прыжок с парашютом, но только у Антонова его выслушали, проверили теоретические расчеты прыжка и разрешили.

Одно дело — получить разрешение, совсем другое — совершить прыжок.

...Гуго сделал шаг, оттолкнулся и провалился. Над головой ухнуло, в глазах полплыли оранжевые круги — парашют раскрылся. Гуго остановился посреди неба, выдохнул полной грудью. Ему не хотелось опускаться на землю, он закричал:

— Ого-гого-о! Эй-эй-й!

И едва себя услышал...

Здесь, у Антонова, не побоялись послать Гуго на курсы подготовки летчиков. Скоро он вернулся с дипломом летчика-буксировщика. По всем предметам — отличные оценки!

В 1968 году Гуго оставляет коллектив конструкторского бюро. Техническая работа, которую он выполнял, уже не удовлетворяла. Его тянет в небо. Он хочет только летать. Друзья приглашают его на Дальний Восток.

Пять лет Гуго работает как летчик-буксировщик в авиаклубе города Арсеньева. Он много летает, осваивает новый, более совершенный тип небесного «тягача». После его допускают и к полетам на самолете Ан-2.

Однако в 1972 году затишье кончается. Сменяется командование ДОСААФ, и новый заместитель председателя ЦК по летной службе направляет в Арсеньевский аэроклуб телеграмму: «Петерса Гуго Петровича от летной работы отстранить. Привлечь для преподавательской работы, не связанной с полетами...» Начальник аэроклуба, общественные организации города выступили в защиту Петерса, но ЦК ДОСААФ неумолим. Так Гуго вторично отлучают от неба. В его личном деле появляется запись, подытоживающая летную работу: «За 12 лет не имел ни малейшей предпосылки к летному

происшествию. Подготовил 107 планеристов, 115 парашютистов. Совершил 3411 полетов сам».

Снова перед Гуго встает вопрос: что делать? Он решает навсегда оставить ДОСААФ, возвращается в Челябинск, где его хорошо знают. Петерса посылают в школу высшей летной подготовки гражданской авиации на курсы диспетчеров службы движения воздушного транспорта. После курсов Гуго принимает и управляет самолеты в уральское небо, но сам не летает. А душа все кровотоцит: «Может быть, смириться, подчиниться злой судьбе? Отказаться от мысли вернуться в небо? Может, действительно время Маресьевых прошло, как сказал один из тех, кто воспользовался властью против Гуго?... Нет! Никогда не пройдет время Маресьевых! И нет сил спокойно смотреть, как взлетают самолеты...»

Гуго снова стучится во все двери. Вспомнил о Грейфере. Но нет уже в живых хирурга.

Новый тур хождения по начальству — теперь уже в Министерстве гражданской авиации — сначала заканчивается ничем.

Но тут на жизненном пути Гуго встает энергичная, влюбленная в свое дело женщина — Лидия Ивановна Графова, корреспондент газеты «Комсомольская правда». О ее роли в судьбе Петерса можно писать отдельно.

Еще три раза зеленели и желтели травы. И все три года вместе с Петерсом Лидия Ивановна «пробиивает» большие и малые инстанции, доказывает, убеждает, просит. Несколько месяцев у нее ушло только на то, чтобы объехать места, где учился и работал Гуго, собрать многочисленные справки, характеристики, документы.

Она познакомилась Гуго с Героем Советского Союза летчиком-испытателем М. Л. Галлаем. Марк Лазаревич очень тепло встретил Петерса, внимательно познакомился с его документами, задал множество вопросов. Ему понравился волевой молодой человек, с поразительной настойчивостью добивающийся своей заветной цели — возвращения в небо. Он рассказал о Гуго друзьям из Министерства гражданской авиации, вместе с Лидией Ивановной бывал в редакции «Комсомольской правды». «Комсомолка» выступила с большой статьей, после чего на газету обрушился поток писем...

А потом была встреча в Министерстве гражданской авиации. Два часа своего расписанного по минутам времени уделил Лидии Ивановне Графовой министр гражданской

авиации СССР, Главный маршал авиации Борис Павлович Бугаев. Министр согласился: Гуго Петерс заслуживает, чтобы его выслушали.

— Я не прошу снисхождения, — сказал Гуго, — но прошу проверить меня, испытать без каких-либо скидок. И если не смогу, не сумею сдать экзамен, сам немедленно уйду.

В октябре 1975-го по указанию Бугаева в Москве собралась специально созданная комиссия медико-санитарного управления, инспекции и управления летной службы министерства. А перед этим старший пилот-инспектор министерства побывал в Челябинске с проверкой техники пилотирования Петерса. Он записал в акте: «Несмотря на длительный перерыв в летной практике, по результатам проверки оценка техники пилотирования у Петерса Г. П. — хорошая».

Вместе с Гуго на комиссии присутствовала и Лидия Ивановна Графова.

То была высшая инстанция, специально созданная для окончательного определения судьбы Петерса. Вот тогда и появился протокол:

«...Петерс Гуго Петрович является единственным человеком в Советском Союзе, который стал летчиком, имея дефект левой нижней конечности... Допустить в индивидуальном порядке к летной работе в качестве второго пилота самолета Ан-2...»

Я подготовил приказ о назначении Петерса на должность пилота. Потом позвонил в Челябинск.

- Петерс у телефона.
- Гуго Петрович, поздравляю!
- Спасибо! Большое спасибо!
- Какие планы на будущее?
- Летать!..

Недавно командование управления назначило его на должность заместителя командира авиаэскадрильи самолетов Ан-2...

Копилка

**Борис
КОЗУЛИН**

Фото автора

С секретом

Это было героическое время первых пятилеток. Республика Советов — в лесах повостроек. Сооружались электростанции, заводы-гиганты, прокладывались железно-дорожные магистрали. В промышленных центрах поднимались первые многоэтажные жилые дома, вырастали целые социалистические городки для рабочих. Открывались новые театры и кинотеатры, фабрики-кухни, столовые, магазины... Все это требовало огромных средств.

Частично выходом из трудного положения могло стать привлечение временно свободных денег, имеющихся у населения.

Еще 26 декабря 1922 года постановлением Совета Народных Комиссаров РСФСР были учреждены государственные трудовые сберегательные кассы. С их созданием появились лозунги: «Брось кубышку — заведи сберкнижку!», «Храни те деньги в сберегательной кассе! Это удобно, выгодно, надежно!», «Трудовая копейка рубль бережет!» С огромных рекламных щитов на

городских улицах к прохожим обращался и приглашал последовать его примеру спешащий человек: «Кто куда, а я в сберкассе!» Призывами пользоваться услугами сберегательных касс пестрели страницы газет и журналов. И приток денег резко увеличился. Эти деньги оказывали существенную помощь в выполнении планов строительства социализма, в укреплении могущества нашей страны.

...Однажды в нашем доме появился небольшой — размером с кусок хозяйственного мыла — никелированный чемоданчик-копилка. На его блестящих боках сверкали надписи: «Государственная трудовая сберегательная касса — копилка и кассир трудящихся», а с другой стороны — «Храни каждую свободную копейку на сберегательной книжке». Копилка заперлась на внутренний замок, ключ от которого, как сказал отец, находится в сберкассе. Сверху копилки, под ручкой, была прорезь для опускания денег, а с одного из торцов — круглое отверстие, чтобы можно было

заглянуть внутрь и посмотреть на содержимое.

Помню, на первых порах я старался как можно чаще опускать в копилку свои пятаки или гривенники независимо от того, с какой целью их давали мне родители: на кино, школьный завтрак или мороженое. Уж очень хотелось побыстрее скопить нужную сумму, чтобы приобрести авиаконструктор — мечту любого мальчишки. Многие ребята увлекались авиацией в то время, строили модели планеров и аэропланов, запускали воздушные змеи и шары-монгольферы. Металлический конструктор с красивыми красно-голубыми деталями позволял собирать самолеты разных типов, которые выглядели почти как настоящие.

Но вот как-то мне срочно понадобились несколько монеток, чтобы купить марку, отсутствовавшую в моей коллекции. Родителей не было дома, занять было не у кого, и я решил вынуть нужную сумму из копилки. Но не тут-то было! Копилка оказалась с «секретом». Ее создатель предусмотрел вероятность такой попытки изъятия денег не в сберкассе и придумал специальное устройство, препятствующее этому. Сколько я ни переворачивал и не тряс копилку, сколько ни помогал себе ножом, засовывая его в прорезь, ничего не получалось. С внутренней стороны щели для опускания денег были устроены проволочные гребешки. Стоило перевернуть копилку вверх дном, как зубья гребешков падали навстречу друг другу и закрывали отверстие. Достать монету было невозможно...

Настал наконец день, когда мы с отцом пошли вскрывать копилку в сберкассе. Помню, усатый кассир в толстовке и черных нарукавниках внимательно посмотрел на меня и отца в окошечко поверх очков, достал из стола ключ, открыл копилку и начал считать ее содержимое. Потом снова запер копилку и вернул ее нам вместе с новенькой сберкнижкой, заполненной на имя отца.

Конечно, в ту пору я не думал о том, куда, для каких целей, в какой оборот пойдет та небольшая сумма из моей копилки. Сейчас же гонимаю, что таких копилочек, наверно, было тысячи, и, значит, многие школьники нашей страны, внося свои скромные сбережения в общегосударственную копилку, тоже участвовали в строительстве новой жизни.

Много лет прошло с той поры. Копилка эта стала сейчас семейной реликвией и до сих пор хранится в нашем доме.

РЕЛЬСЫ

**Леонид
БОГОЯВЛЕНСКИЙ**

Глянешь с высоты семидесятиметрового откоса Старцевой горы на Каму — дух захватывает. Где-то далеко внизу широкою лентою река течет с севера к югу. Зыбью серебрится под лучами полуденного солнца. Лодки, баржи, пароходы на ней, что детские игрушки: маленькие-маленькие. За рекою, по низине, на восток и на север — таежные леса как море синеют, конца-краю им не видно. К югу, ниже по течению реки, — поля: золотистые хлеба зреют. За теми полями и виднеется протянувшийся от берега к берегу шестипролетный железнодорожный Камский мост. Легкий, изящный, словно и весу в нем нет, он будто парит в знойном мареве, красиво вписываясь отлогими дугами ферм в изгибы холмов высокого правого берега и оживляя несколько однообразный лесной пейзаж.

Мост — достопримечательность города и ориентир. В Сарапуле скажут: «У Камского моста» или «За Камским мостом» — и всем понятно: первое — выше моста по течению реки, второе — ниже моста, у Юшковой горы или Усть-Сарапулки.

Смотришь издали — серые гранитные мостовые опоры-быки кажутся невысокими, приземистыми, а стальные переплетения ферм, окрашенные в кирпично-красный цвет, тонкими и хрупкими. Подплываешь ближе — опоры на глазах растут, вздымаются к небу дуги ферм. Когда глядишь на них с воды, из-под моста, то физически ощущаешь давящую тяжесть металла. Притихнут в лодке мальчишки и невольно задумаются: что за сила вознесла эту стальную махину на такую головокружительную высоту? Кто строил этот мост?

В библиотеке Сарапульского краеведческого музея стопками сложены на полках обыкновенные тоненькие школьные тетрадки, плотно исписанные корявыми почерками. Шероховаты в них фразы, не очень стройная речь, да бесценно содержание: это — воспоминания участников революции и гражданской войны.

Перелистывая страницы рукописей, я обнаружил в одной тетрадке два рисунка замысловатого сооружения, напоминающего мост. Пояснилось: «Вид эстакады сбоку», «Вид эстакады сверху». А далее шел неторопливый, обстоятельный рассказ о событии, связанном с историей Камского моста. Узнав адрес автора, отправился к нему. И вот мы сидим вдвоем с Иваном Антоновичем Новоселовым у окна его комнаты уже час, другой, третий...

...Однажды под вечер, на троичку, — дело было в 1913 году — убежал Ванюшка Новоселов на Сарапулку прищипку и щеклейку удочкой ловить. Тихо, покойно у

НАД КАМОЙ

воды, красное солнышко за спиною к закату клонится, птицы перекликаются, клев хороший. И так он увлекся, что не услышал, как подошел к берегу пожилой человек в городской одежде с тростью в руке, присел на бугорок и наблюдает за ним. В уженье-то Ванюшка мастак был. Выдернул из воды очередную принку, подхватил ладонью в воздухе, а человек и скажи во весь голос:

— Ну, батенька, и ловок же ты! Хорошо, хорошо!..

От неожиданности Ванюшка вздрогнул и чуть было удилище из рук не выпустил. Обернулся и вежливо поклонился, как приучали к тому. Хотел было сказать: «Здравствуйте, господин», да вспомнил, что в деревне все обращаются к этому человеку по имени-отчеству, и выпалил не очень-то робко:

— Здравсьте, Адуард Адуардович!..

В деревню они шли вдвоем уже в сумерках и каждый нес в руке по кукапу с уловом. Так познакомился тринадцатилетний Ванюша Новоселов с путейским инженером, начальником 24-го участка на строительстве железной дороги Казань — Екатеринбург, человеком добрым и отзывчивым.

Старому инженеру приглянулся шустрый и сообразительный паренек, и он посоветовал родителям отдать Ванюшу на работу в изыскательскую партию, пообещав подучить его какому-нибудь интересному делу. Хозяйство Новоселовых было небогатым, и в перспективе Ивана ожидало лишь батрачество у кулака. А на железной дороге, глядишь, в люди выбьется. И проводили Ваню к геодезистам. Лето бегал он с горки на горку со стальной лентой в руках и обмерял водоразделы по оси будущей дороги. К осени и добежал до Камы у деревни Юшково, где в нее впадает Большая Сарапулка, в 15 верстах от Паркачево.

В первых числах мая 1914 года с открытием навигации началось строительство моста через Каму.

Сооружение моста начинается с установки концевых и промежуточных опор — устоев и быков. Сооружение быка, в свою очередь, начинается с кессона, гигантской металлической коробки, которую опускают на дно реки до прочного, материкового грунта, а потом через шахты заполняют бетоном. Кессон — это фундамент быка и ледореза. Ледорез имеет форму клина, направленного против течения реки. Сзади он примыкает вплотную к опоре-быку.

К маю 1916 года пять опор серыми башнями встали поперек Камы. Рабочие укладывали камни в шестую, на очереди оставалась седьмая, последняя...

По луку, рядом с основным железнодорожным путем, прокладывали к берегу временку — рельсовый путь для маневровых паровозиков — кукушек. Обе линии пересекала Большая Сарапулка, которая текла здесь параллельно Каме. Требовалось построить два моста. Сергей Антонович Бычков, главный инженер мостового участка, предложил не делать ни одного, а Сарапулку укротить, пустив по каналу в Каму. Отрезанное русло, где надо, засыпать грунтом. Подсчитали расходы. Вышло: дешевле отвести Сарапулку в Каму, чем ставить два моста.

Летом прокопали экскаватором канал и зимую, при малой воде, пустили в него Сарапулку. Рельсы подошли к берегу.

Строила мост одна артель. В ней были люди из разных мест. Верховодили в артели плотник Степан Феоктистов, клепальщик Иван Густ и сверловщик Савватий Григорьевич Козейкин. Густ — 22-летний латыш из-под Красноярска. Человек, можно сказать, образованный: в Иркутске окончил ремесленное училище. Книжки читает, о многом расспрашивает, интересуется историей, политикой. По натуре своей речист и весел, лицом красив, телосложением крепок.

Савватию Григорьевичу перевалило за сорок. Он самый пожилой в артели. Неторопливый, рассудительный, добродушный бобыль. Работал в Москве на ткацкой фабрике. В 1905 году вместе с фабричными рабочими участвовал в забастовках, а потом в баррикадных стычках с полицией. Его арестовали, но он сумел скрыться, бежал из Москвы, и судьба привела его к мостовикам. Теперь вот и кочует с ними.

Месяцем раньше с Вятского моста приплыли сюда на баржах пятьсот рабочих с семьями, и все бараки и землянки в поселке мостовиков на луку забиты до отказа. Степану нашлось место в казарме плотницкой артели, а Густ и Козейкин с товарищами поселились в Усть-Сарапулке и в Юшково.

С Веткинского завода буксирные пароходы привели баржи с конструкциями пролетных строений. Закончив подготовительные работы, на которые ушло все лето, мостостроители осенью начали собирать первый пролет, и к февралю 1917 года он был готов. К октябрю собрали еще два. А к весне 1918 года красовались над Камой отлогими дугами ферм пять пролетных строений. Осталось собрать последний, шестой пролет и сдать мост в эксплуатацию. Но уже развернулись события, которые задержали окончание работ на целый год...

В начале марта 1917 года мостовики узнали о свер-

жении самодержавия и в один из погожих дней стройной колонной с красными флагами вышли на городской митинг приветствовать революцию. Через месяц в Сарапуле образовался Совет рабочих и крестьянских депутатов. Но руководили этим Советом не большевики, а эсеры.

В октябре в Петрограде власть перешла к большевикам. А в Сарапуле, как и в других городах Прикамья, у власти по-прежнему оставались эсеры. И только в феврале 1918 года сарапульский Совет стал большевистским. К этому времени окончательно оформляется и сарапульская уездная организация РСДРП (б).

11 февраля руководители Совета большевики Иван Седельников, бывший студент и прапорщик, и Павел Красноперов, матрос, член Центробалта, созвали на митинг мостовиков. Рабочие проголосовали за резолюцию в поддержку Советской власти. После митинга Савватий Козейкин первым из мостостроителей записался в партию большевиков.

Иван Владимирович Густ, которого еще в 1917 году мобилизовали в армию, в мае вернулся с фронта и сразу же вступил в партию. Как фронтовика и энергичного товарища, его избрали секретарем партийкейки. На стройке действовал и профсоюзный комитет.

25 мая восстал против Советской власти чехословацкий корпус, и одновременно вспыхнули многочисленные контрреволюционные мятежи в Поволжье и в Прикамье.

Для борьбы с контрреволюцией Советское правительство создало Восточный фронт. В Сарапуле разместился штаб 2-й армии. В июле Павел Красноперов сформировал из мостовиков отряд красноармейцев-добровольцев, он отправился на фронт под Казань. В пути узнали, что белочехи заняли Казань, в Ижевске эсеры-учредилорцы разгромили большевистский Совет и установили свою власть. Их вооруженные отряды захватили Воткинск, затем — Сарапул.

У станции Высокая Гора под Казанью мостовики попали под огонь белочехов. Завязался бой. Но силы были неравны, и отряд отступил к Вятским Полянам. К этому времени сюда из Сарапула передислоцировался на пароходах штаб 2-й армии. Здесь же из разрозненных красноармейских отрядов формировалась 2-я сводная дивизия (в дальнейшем 28-я стрелковая) под командованием уже прославившегося смелостью и отвагой Владимира Мартиновича Азина. В нее влился и отряд камских мостостроителей. Дивизия развернула наступление на восток вдоль железной дороги. Ремонтники восстанавливали разрушенные пути и мосты. 5 октября дивизия освободила Сарапул, а 6-го по распоряжению Азина отряд вернулся на мост.

В тот же день Густ отправился к Азину за помощью и советом. Азин назначил его командиром мостостроителей и собственноручно подписал об этом мандат. Приказал вооружить мостовиков, так как на восточном берегу еще сидели мятежники, и поставил задачу в месячный срок собрать последний пролет и открыть движение поездов по мосту.

Все понимали: в месяц не управиться. При нормальных условиях пролет собирали только за 4 месяца. Тогда Густ предложил собрать сначала только нижнюю часть

пролета, с рельсовым полотном, пустить поезда, а потом достроить верхнюю часть, несущую ферму. Обычно же это делалось одновременно по звеньям пролетного строения, которые паравались от одного быка к другому. Рельсовое полотно и держалось фермой. По идее же Густа оно будет поддерживаться временно рештовкой — высокими клетями из бревен.

Решили рискнуть, и рано утром 10 октября первые бригады рабочих с винтовками за спиной и с инструментом в руках вышли на мост. Только разошлись по местам, как из-за Камы застучал пулемет, звякнули о железо пули. Степан Феоктистов и другие фронтовики из отряда, скинув винтовки и прикрываясь колоннами ферм, стали отстреливаться. Но бандиты хорошо окопались на том берегу. Пришлось отступить. То же случилось на второй и на третий день... Тогда Густ, Феоктистов и еще два бывших фронтовика, вооружившись гранатами, ползком по настилу строительных лесов перебрались на левый берег и с высокой насыпи забросали пулеметный окоп гранатами.

В декабре собрали нижнюю часть пролетного строения, и сразу же пришлось ей пройти испытание. С запада подошел бронепоезд «Свободная Россия». Именем революции командир потребовал пропустить его по мосту. Густ заколебался: выдержит ли рештовка вес брососостава? Командир настаивал. Густ, вспрыгнув на подожку паровоза, дал машинисту команду «Вперед!». Захрустели бревна клетей, но плотники сделали их на совесть, и рештовка выдержала огромную тяжесть.

10 января 1919 года по мосту открылось регулярное движение. Азинцы, которые сражались под Красноуфимском, послали в Москву подарок: эшелон с башкирским хлебом. 12 января Иван Густ, который был теперь уже военным комиссаром моста, зачитал на митинге приветственную телеграмму Реввоенсовета Восточного фронта камским мостостроителям.

Работы на мосту продолжались, но обстановка снова круто изменилась.

В марте 1919 года азинцы с тяжелыми боями отступали на запад по той самой дороге, по которой три месяца назад так успешно продвигались на восток: из Сибири на Урал и в Прикамье ринулся новый враг — полчища Колчака.

1 апреля дивизия по льду и по мосту переправилась через Каму и, не задерживаясь в Сарапуле, отошла к Вятским Полянам. Ушел из Сарапула и штаб 2-й армии. Семьсот мостостроителей с семьями — всего две тысячи человек, — погрузив в эшелоны оборудование и машины, эвакуировались в Казань и в Алатырь. На мосту остались начальник строительства Змиевский, военный комиссар Густ, техник Ипатьев, свердловский Козейкин, красноармейцы-саперы и сарапульский фотограф Рогожников. Реввоенсовет 2-й армии дал им ответственное и особо секретное задание: взорвать мост.

Вечером 6 апреля саперы привезли на мост ящики с зарядами ВВ (взрывчатого вещества). Обложили ими стальные балки дальнего пролета, протянули на берег бикфордов шнур. Спрятались в укрытие. Густ срезал ножом наискось тканевую оболочку шнура, приложил к пороховой сердцевине спичку, приготовил терку. Еще

несколько секунд — и мощный взрыв сбросит ферму в Каму. Захолонуло сердце. (Полвека спустя Иван Владимирович, вспоминая это мгновение, говорил: «Тогда я словно дуло на сына поднимал».) Змиевский подал сигнал. Густ провел теркой по спичке. Вспыхнул и зашипел дымный порох шнура. Искрясь, огонек побежал к заряду. Ближе, ближе... Молнией взметнулся взрыв. Дрогнув, застонал металл, пролет качнулся и... остался на месте: сила заряда оказалась слабой!

Отправили саперов за новой партией ВВ. На рассвете с востока подошел к мосту отряд красноармейцев. Бойцы сообщили: враг близко. На этот раз заряды уложили у среднего, 159-метрового пролета, собранного в январе. Взрывная волна приподняла один его край в воздух, и он, цепляясь за гранитный бык, медленно опустился на лед, даже не проломив его. Рогожников сфотографировал мост после взрыва.

11 апреля передовые полки колчаковцев переправились через Каму по льду и заняли Сарапул. Без подкреплений колчаковцы не могли развивать наступление, и пришла им в голову идея: на месте взорванного пролета устроить канатную переправу. Натянули между опорами буксирные канаты и тросы и на это полотно положили шпалы и рельсы. Под тяжестью первого же вагона канаты лопнули, и вагон с двадцатиметровой высоты свалился в бездну. Незадачливые изобретатели сами себе устроили ловушку: обвисшие канаты и рельсы преградили пароходам путь между опорами.

Взрыв моста на несколько недель задержал наступление Колчака. 28-я дивизия успела закрепиться на правом берегу Вятки и остановить продвижение белых на Казань, а через месяц и сама перешла в наступление...

Выполнив задание, Густ с товарищами присоединился в Казани к эшелону мостостроителей. Тяжело переживали товарищи печальное известие о гибели их детидца. Азин сочувствовал им:

— Какой красавец был! Месяца через два мы покажем Колчаку! Вернемся на мост и восстановим его...

Новая страница моста над Камой началась сразу же после освобождения Сарапула.

Начальник строительства Камского моста С. С. Железницкий и военный комиссар И. В. Густ отправили в полки 28-й дивизии телеграмму с приказанием Азина об откомандировании, с фронта в Сарапул специалистов-мостовиков. Возобновились работы. Плотники связали плоты, с которых клепальщики разрубали заклепки утонувшей фермы и краном поднимали ее обломки, расчищая дно. С плотов забивали сваи в дно Камы и вводили на них рештовку. Но не было еще главного: элементов пролетного строения — фермы, продольных и поперечных связей, балок рельсового полотна. Воткинский завод, разграбленный и разрушенный колчаковцами, бездействовал.

Готовые фермы, которые имелись в Саратове, не подходили Камскому мосту по габаритам.

Б. И. Гольдберг, командующий Запасной армией республики, на которую Советское правительство возложило задачу по восстановлению и достройке дороги Казань — Екатеринбург, осмотрел Камский мост и доло-

жил обстановку Ленину. Тогда Владимир Ильич и записал в рабочей тетради: «Мост у Сарапула через Каму. 1 ферма есть около Питера...» и дал указание нарком путей сообщения Невскому рассмотреть вопрос о переброске фермы в Сарапул. По железной дороге в трех эшелонах в разобранном виде ферму и другие элементы пролетного строения к концу года привезли на Каму.

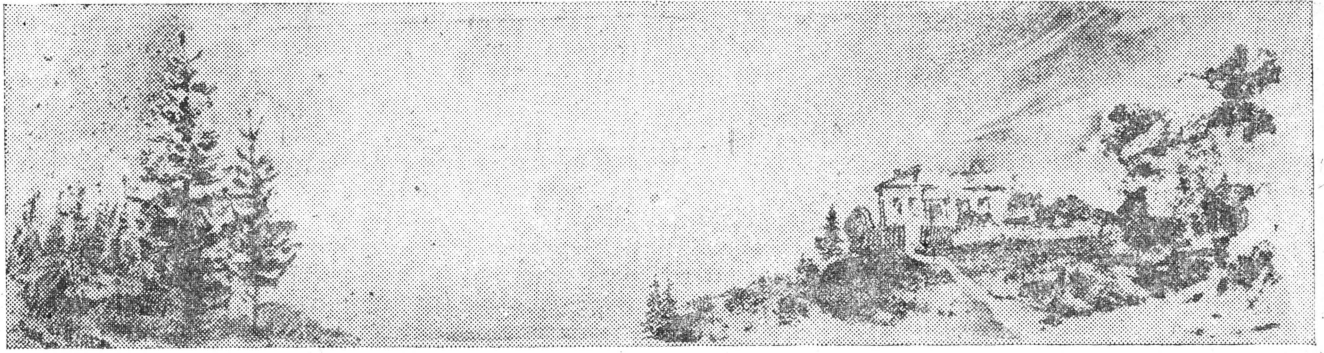
В январе 1920 года Совет Рабоче-Крестьянской Обороны направил Реввоенсовету Запасной армии директиву: принять все меры по восстановлению железнодорожного моста через Каму до начала весеннего ледохода. Из Запасной армии на помощь мостовикам прибыло 670 красноармейцев. Рабочих моста по указанию Совета Обороны зачислили на красноармейское довольствие.

Железницкий рассчитывал собрать пролет к середине апреля, когда на Каме начинается подвижка льда. Но Густ рассудил иначе: мост нужен стране, срок надо сократить на месяц. Его поддержал Змиевский, заместитель секретаря партячейки Козейкин, члены профкома, и на совещании рабочего актива решили открыть движение по мосту ко Дню Парижской коммуны — 18 марта.

Над Камой бушевали метели. От морозов металл покрывался пушистым инеем, а строители работали по 10—11 часов в смену, работали круглосуточно. В полдень 12 марта на мосту затрепетало алое полотнище флага, над Камой прогремела медь оркестра, исполняющего «Интернационал», и первый поезд прошел по восстановленному мосту на восток. 20 марта мостостроители получили от Владимира Ильича Ленина телеграмму:

«Совет Рабоче-Крестьянской Обороны шлет товарищескую благодарность от имени Советской власти всем рабочим, красноармейцам, техническому и административному персоналу, работавшим по восстановлению моста через Каму у Сарапула, закончившим его за месяц до назначенного срока... Предсовобороны Ленин».

ОТЕЦ ГОЛУ

**Александр
ЕРМАКОВ**

*Рисунки
В. Ганзина*

Если бы довелось выбирать символы из того, что более всего поразило и запомнилось в Кабардино-Балкарии, то прежде всего в моем воображении появился бы всадник на стремительном коне. Именно таким представляло горца многие годы старшее поколение.

Может, это еще лермонтовские строки запали в память: «Золото купит четыре жены, конь же лихой не имеет цены...» А может, из знакомства с историей этого края. Ведь в ней, истории, конь занимал ой какое почетное место! На нем пахали, на нем воевали, на нем пленяли, пленили и увозили невест.

Более четырехсот лет назад Кабарда добровольно вошла в состав России. В ответ негодовавшим турецким эмиссарам известный кабардинский общественный деятель Казанок Джабаги сказал:

«Я ездил по аулам и спрашивал всех встречных: и старцев, которые уже не в силах накинуть на плечи бурку, и юнцов, гарцующих на палке... и таких, которые могут на всем скаку одним выстрелом подкову с коня сбить,— и все они дали мне один ответ: «Зачем нам желать дальнего родственника, когда у нас рядом добрый и сильный старший брат».

И ныне в центре Нальчика перед фасадом музыкального театра на мраморном пьедестале величественный монумент. Стройная кабардинка с длинными косами в вышитом платье, будто торжествуя, вскинула вверх руку со свитком. «Навеки с Россией» — так называется этот монумент. Сооружен он в 1957 году в ознаменование 400-летия добровольного присоединения Кабарды к России. Барельефы на нем показывают всю эволюцию отношений: встречи русских воинов с горцами, вначале с недоверием, а затем — братские.

Вокруг памятника — множество роз, тут же — фонтан. Это одно из любимых мест нальчан.

Вторым символом Кабардино-Балкарии я выбрал бы седовласый двуглавый Эльбрус.

Помните эпизод в кинокартине «Дети капитана Гранта», когда огромная птица кондор унесла мальчика Роберта? Стоящий на высоченной горе патагонец Талькав-громовержец выстрелил в птицу, и она приземлилась с мальчиком на скале на другой стороне ущелья.

Так вот, этот эпизод снимался здесь, в Кабардино-Балкарии, точнее — в Чегемском ущелье. Снималась здесь не только эта картина. Кинематографистов влечет величественная природа Кавказа.

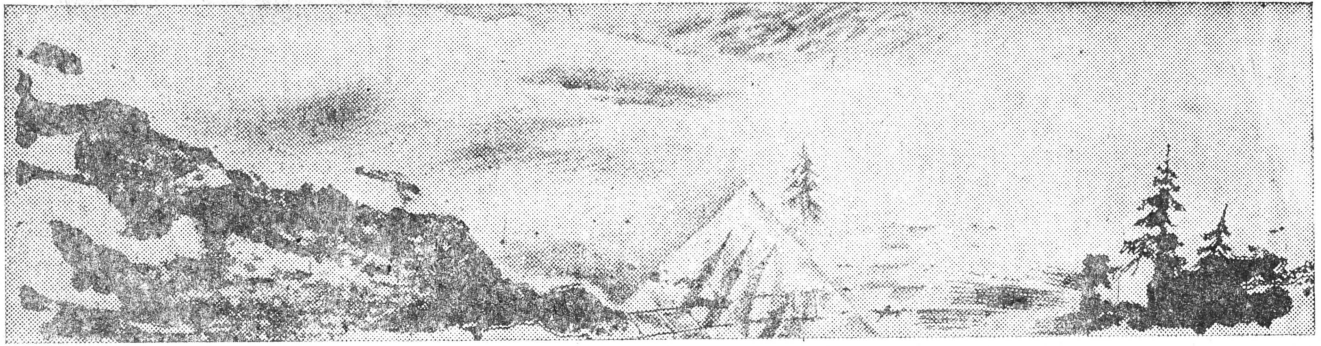
Самое красивое место Кабардино-Балкарии — это, конечно, Приэльбрусье. И не только республики, может, и не только нашей страны, но и всего мира. Так, по крайней мере, считают бывалые альпинисты и туристы, объехавшие весь белый свет. Об этом же говорят отзывы людей, которым можно верить без оговорок.

Среди горновосходителей, покоривших вершины Эльбруса, был и Сергей Миронович Киров, с именем которого многое связано в строительстве новой жизни на Кавказе. Вот что он писал после восхождения на Эльбрус в июле 1911 года: «Какой простор! Какая очаровательная красота во всех этих снежных гигантах, мощно возвышающихся к небу... Как глубоко все это трогает душу и сердце человека! Им овладевает какое чувство восторга, описать которое сверх человеческого сил...»

Еще одним символом Кабардино-Балкарии я назвал бы голубую ель.

Эти торжественные стройные красавицы сильно поразили меня,

БЫХ ЕЛЕЙ

как, пожалуй, каждого, впервые приехавшего в Нальчик. Такая елочка способна сделать нарядной, праздничной даже небольшую и самую заурядную площадь. А когда идешь по аллее голубых елей, невольно замолкаешь и почтительно подтягиваешься. В Нальчике же этих красавиц не единицы, даже не десятки, а сотни — на проспектах, площадях, в парках.

Уроженки именно здешних мест, как мы потом узнали от экскурсовода, в торжественном молчании стоят в Москве у стен Кремля и Мавзолея, на Пискаревском кладбище в Ленинграде, в городе-герое Бресте и на Мамаевом кургане у берегов Волги. Есть они в Новосибирске и в Омске, в Тбилиси и у нас на Урале.

И выращены все эти голубые красавицы одним человеком — Иваном Порфирьевичем Ковтуненко. Ему уже за 90 лет. Ежегодно нальчане поздравляют его с днем рождения. Экскурсоводы обязательно и с большой любовью рассказывают о нем отдыхающим и туристам.

Конечно же, мне страшно захотелось поговорить с этим человеком. С чего начать? Пошел к редактору республиканской газеты «Кабардино-Балкарская правда» писателю Борису Петровичу Черемсину. Встретил он радушно. Посидели. Поговорили. Но в ответ на вопрос о встрече с Ковтуненко Борис Петрович безнадежно махнул рукой: многие журналисты пытались с ним побеседовать — не удавалось. А на самых настырных он выпускал собаку...

Но вот я в Долинске, курортном городке рядом с Нальчиком, в аллее голубых елей уникального совхоза «Декоративные культуры». Посаженные рядами вперемежку с березами, подернутыми осенним золотом, ели еще ярче выделялись

густой голубишной внизу и торжественным серебром на макушках.

Неприметная в зарослях калитка. Она прикручена цепью с замком на конце, но замок так, для виду. Раскручиваю цепь, открываю дверцу — аллея. У начала ее, будто поднятые часовые, по обеим сторонам стоят два серебристых кипарисовика, рядом — туи.

Миновал их. К ногам моим блая подбежала черная собака. Почему-то вспомнился Конан Дойль, «Собака Баскервильей». Будет кусать или не будет? Не стала, обнюхала меня, убежала в сад.

Поднялся на крыльцо небольшого затейливой архитектуры старинного дома, сплошь увитого виноградом. Черные гроздья его свисали со всего фасада. Дверь в дом оказалась закрытой, но ключ торчал в дверном замке. Повернул его и прошел в темный, тихий и мрачноватый коридор. По обе стороны его — двери. Заглядываю в них, зову когонибудь. Никто не откликается.

В темном углу крайней комнаты что-то зашевелилось на кровати. Я переступил порог и застыл на месте: в полосе света, падающего от задернутого шторы окна, было видно, как поднялась голова и вновь опустилась на подушку.

«Спит», — подумал я, сделал шаг назад, закрыл за собой дверь.

Потом еще несколько раз приходил к Ивану Порфирьевичу — один и с женой. Узнал, что у него действительно такой странный распорядок — ночью он бодрствует, а днем спит. Позже я узнал, что это не пустая прихоть: так меньше встреч и волнений, которые теперь для него не проходят бесследно. Оказывается, и тогда, в первый мой приход, Иван Порфирьевич поднялся, ходил по дому и искал меня, затем настойчиво спрашивал у домашней хозяйки, кто

же это приходил к нему. В обычные дни он встает часов в 17, обедает, бодрствует до 19 и снова ложится — до ночи. Вот в это-то «окно» я и старался попасть.

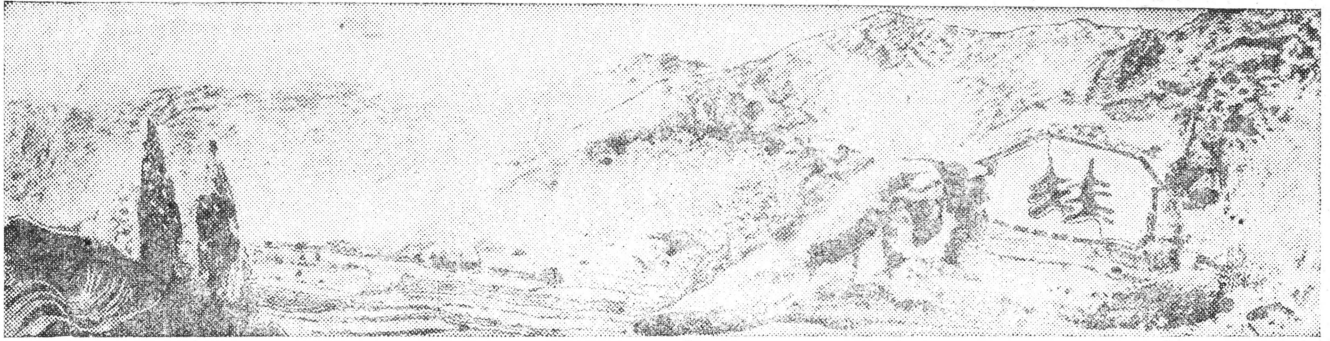
Лукавить с ним не стал. Прямо сказал Ивану Порфирьевичу, что я с Урала и хочу рассказать уральцам о нем, о его работе. Здесь, на Кавказе, его хорошо знают, а вот на Урале знакомы с ним разве что только специалисты. Ковтуненко согласился на встречи и, как мне показало, даже ждал их.

Во всяком случае после нашей беседы он велел нарвать винограда, положил его в целлофановый мешочек и попросил передать жене с такой присказкой. Когда-то у него была язва желудка, врачи уже отчаивались вылечить, и он решил взяться за нее сам. Каждый день ел много этого черного сочного винограда (называется он «изабелла»), и язвы как не бывало.

— Пусть ест утром натощак и вечером перед сном, — напутствовал он на прощание.

Голова у Ивана Порфирьевича гладко выбрита, глубокие карие глаза — живые, постоянно меняются в зависимости от темы разговора. То спокойные, то вдруг заблестят от задора, то заискрятся смешинками. Слух ослаб, но память ясная; недаром он говорил, что основное его занятие ночью — подсказанные памятью картины прожитых лет. Во время первой империалистической войны попал Иван Порфирьевич на станцию Нальчик, около которой был расположен питомник. Росли в нем сосны и клены, яблони и абрикосы. Деревья высаживались вдоль новой железнодорожной ветки от станции Котляревская Владикавказской дороги до Нальчинской слободы.

Но вот появились в питомнике саженцы голубых елей. Их приобре-

ли за границей на золото, и росли они в имении графа Орлова в Курской губернии. Министерство путей сообщения, закупив их, рассчитывало выгодно сбыть подростшие ели владельцам парков и курортов и южным городам России.

Около них, этих таинственных чужестранок, и хлопотал больше всего новый садовод Иван Ковтуненко. Был он подвижен и старателец, высок и поджар. Из книг он знал, что колючие ели эти — по-научному «пунген» — растут в Канаде, в Скалистых горах. Что бывают они выше колокольни и живут двести-триста лет.

Подрастали американки и на чужой земле чувствовали себя превосходно, оказались на редкость неприхотливыми: принимались на улицах, в парках не только кавказских курортов, но и многих северных городов. Восковое покрытие не только придавало серебристый блеск их длинным иглам, но и защищало от всех превратностей погоды — жары южного солнца и ледяного дыхания Севера — круглый год. Неприятельны они были к почвам — росли почти на любой.

Заказов на елочки поступало все больше. И нужны они теперь были не для улады господ, выброшенных Великим Октябрем, а для радости и здоровья трудового народа; на вечный пост у могил людей, заслуживших особый почет и признательность, к Мавзолею самого дорогого человека на земле — Владимира Ильича Ленина.

А саженцев оставалось все меньше. Где их взять? Из прошлой своей садоводческой практики Иван Порфирьевич знал, что можно вырастить голубую ель путем прививки черенков привоя к обычной зеленой ели. Так делали у графа Орлова. Но, во-первых, стоила каждая такая ель страшно дорого; во-вторых — и это самое главное, — где брать черенки? Опять покупать на золото?

Надо научиться выращивать ели из семян — таково было твердое решение Ковтуненко, хотя он признавал, что трудности на этом пути встанут большие. Они начинались сразу, с семян: голубая ель плодоносит

редко, раз в четыре года. И самое главное, ни у кого в нашей стране не было такого опыта, да и зарубежная литература не подсказывала его.

Начались эксперименты. По сбору семян, приготовлению различных составов почвы. Десятки экспериментов. Елочки всходили, но через полмесяца гибли. Неумолимо. Несмотря ни на какие перемены почв, температуры, влажности воздуха, в парниках и на открытом грунте...

Решаясь на эту работу, Иван Порфирьевич предполагал, что будет она нелегкой, но что такой неимоверно трудной, жестокой — не ожидал. Число экспериментов исчислялось уже даже не сотнями — тысячами. Расходовались драгоценные семена. Поползли слухи: «А не вредительство ли это?»

Ковтуненко не спал ночами, думал, думал... Выручила снова природа. Однажды ему пришла в голову такая мысль: «Ведь ребенок питается вначале молоком матери. А что, если попробовать выращивать елочки в еловых же опилках?» Посадила, ждал две недели, прошло и полмесяца — елочки росли.

Ночами просыпался, будил бухгалтер совхоза Виктора Даниловича Портенко, и вместе шли глядеть: живы ли? Живы! Растут! Вот с этого и началось. Все было оборудовано в дальнейшем, как у людей. Вначале роддом — в опилках. Потом детские ясли, потом садик, школа. Готовил смеси опилок с землей, взятой у корней елей. Года через три-четыре определялось: какая ель будет голубой — именовалась она по-иностранному — ель Глаука, если серебристая — это Аргентея, были еще сизые, обыкновенные зеленые. Потом надо их пересадить, провести отбор.

И семена в шишке, оказалось, расположены по этажам: из самых верхних, у макушки, получится больше серебристых елей, из средних — голубых, а нижние можно не высаживать: будут зеленые, обыкновенные.

14 сортов елей равных оттенков вырастил Иван Порфирьевич. Как он выхаживал каждую елочку! Дейст-

вительно, будто ребенка. И никому не позволяя обижать, даже близким и уважаемым людям.

Иван Порфирьевич рассказал такой эпизод. Однажды в Нальчик приехали гости. И первый секретарь обкома партии Бетал Эдыкович Калмыков, который поддерживал с Ковтуненко самые доверительные отношения, решил подарить им голубую елочку. Пришла машина, начали выкапывать деревце. Об этом сообщили Ковтуненко.

Он прибежал запыленный, в халате. Ругался на чем свет стоит. Заставил посадить елочку обратно. Машина уехала.

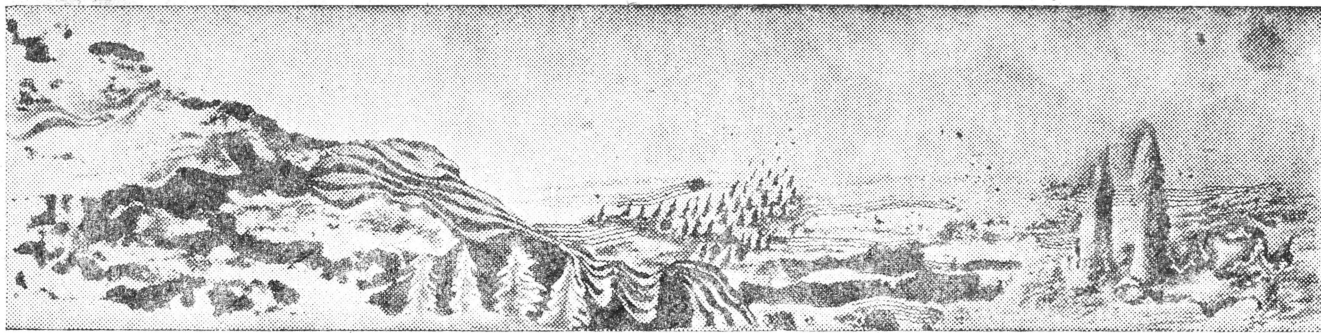
— Ну, думаю, когда остыл, что будет, — вспоминал Иван Порфирьевич. — Но Бетал Эдыкович приехал через день, извинился, что посамовольничал. Больше такого не было. Если надо, я сам готовил и упаковывал подарочек.

Выращивание голубых елей было поставлено на поток: создан совхоз «Декоративные культуры», руководителем которого был Ковтуненко. Ежегодно сотни красавиц отправлялись в различные города творить торжественный праздник. Иван Порфирьевич получил многие награды: он стал первым в республике лауреатом Государственной премии, заслуженным деятелем науки Кабардино-Балкарии, кавалером орденов Ленина, Трудового Красного Знамени.

Не раз продукция совхоза экспонировалась на Выставке достижений народного хозяйства СССР. Иван Порфирьевич был награжден многими золотыми и серебряными медалями ВДНХ. В качестве премии ему был выделен легковой автомобиль, но он передал машину совхозу.

— Зачем она мне? — делился своими соображениями Иван Порфирьевич. — У меня была лошадка Зорька. Умница такая! Бывало, где-нибудь в горах слетишь с нее — остановится, ждет, пока не возьмешь ее за повод.

Занимался Иван Порфирьевич не только елями, но и цветами. И сейчас на его участке выводятся и растут около трехсот сортов красивейших роз, в том числе черных. А все-

го через его руки прошло более трех тысяч сортов роз! Ныне совхоз ежегодно отправляет в города и села страны два миллиона цветов и миллион саженцев декоративных культур, в том числе голубых елей.

— По потребности в цветах я вижу, как растет благосостояние и культура народа,— утверждает Иван Порфирьевич.— Раньше все больше интересовались плодовыми деревьями, а уж потом, когда побогаче стали, цветы пошли, особенно розы. Возьмет человек такой цветок— и обязательно улыбнется. На все праздники розы требуют. И для больного цветка— лучшее лекарство. Так что на все случаи жизни...

У Ивана Порфирьевича нет семьи, никогда не было жены. На мой вопрос об этом, когда уж мы разоткровенничались, он шутил:

— Ведь прежде чем жениться, за невестой ухаживать надо, а у меня не было времени...

Семьей ему стали многочисленные его ученики, товарищи по работе. Они навещают его, шлют письма.

«Здравствуйте, уважаемый Иван Порфирьевич! Пишут вам дипломницы-консультантки, которые проходили практику в совхозе «Декоративные культуры», Таня и Женя... Мы брали у Вас консультации по продукции хвойных и выращиванию роз. Все это очень помогает нам сейчас в написании дипломных работ. Мы очень благодарны Вам за то, что Вы оказали нам такое большое внимание.

Гор. Новочеркасск».

Видел я адрес, подписанный академиком Н. В. Цициным. От имени коллектива сотрудников Главного ботанического сада Академии наук СССР и от себя лично академик сердечно поздравлял Ивана Порфирьевича с днем рождения, отмечал его большие заслуги и желал доброго здоровья.

Конечно, много писем-просьб с разных концов страны. Директор совхоза «Декоративные культуры» сейчас другой— К. Ш. Шогенов, но письма нередко идут все-таки к Ивану Порфирьевичу. Вот одно из них:

«Уважаемый Иван Порфирьевич!

Будучи в вашем прекрасном городе Нальчике, мы, украинцы, были поражены красотой озеленения улиц, дорог и парков. Позже, в беседе с Вашей ученицей Лилией Георгиевной Тарасовой, мне удалось узнать, что большую роль в делах благоустройства города и всего Кавказа сыграли именно Вы, Иван Порфирьевич.

Зная Вашу доброту и отзывчивость, я прошу Вас сделать еще одно доброе дело— оказать посильную помощь в озеленении нашего города Кривого Рога. Какой город Кривой Рог и что он значит для Союза, Вам расскажут делегаты, я только буду Вас очень просить сделать все для того, чтобы у нас были ели голубые, можжевельник и т. д.

И мы с огромной благодарностью будем считать Вас, уважаемый Иван Порфирьевич, почетным гражданином нашего горняцкого города.

С глубоким уважением и признательностью первый секретарь Терновского райкома КПУ города Кривого Рога Б. Новак».

И на все письма И. П. Ковтуненко аккуратно отвечает, помогает чем может— делом и советом. Разумеется, нелегко всем этим заниматься в девятност лет. Но есть у него добровольные помощники. Самая активная— Мария Константиновна Борисова, работавшая ответственным секретарем республиканского Общества охраны природы; сейчас она на пенсии, но продолжает свое дело, помогая знаменитому мичуринцу.

Недавно от спецкора газеты «Вечерний Свердловск» Валентина Зайцева, побывавшего на БАМе, я получил такое сообщение. На центральном участке БАМа в поселке Кичера высажена голубая ель, привезенная из Кабардино-Балкарии. Высадил ее отряд «Московский комсомолец».

...Прощались с Иваном Порфирьевичем мы днем, в его «окно», долго и трогательно. За эти дни встреч я привык к его резковатым манерам, симпатичной улыбке, иногда ироничной, чаще сдержанной и даже какой-

то стеснительной. Наверное, легенды о его крутом характере несколько преувеличивают эту крутость.

Стояли у серебристых кипарисовиков-часовых у ворот. Иван Порфирьевич шагнул к растущей рядом туе, сорвал веточку, размял в пальцах, поднес к лицу.

— Как пахнет!— задумчиво произнес он, дал и мне понюхать густого аромата.— Вот удивительное и недооцененное пока дерево: эфирное, красивое, стойкое. Имеет около двадцати разновидностей— пирамидальная, шаровидная... Может расти почти в любых условиях. Непонятно, почему его не разводят.

Он неторопливо рассказывал, сколько радости доставляют ему все эти ароматы ночами, когда он бодрствует. На мой вопрос, чем же занимается в эти ночные часы, он ответил, что вспоминает картины минувшей жизни, обдумывает, делает выводы.

— И только благодаря им,— Иван Порфирьевич показал на растущие в аллее растения, на расположенные недалеко чистого серебра маленькие ели и участок роз,— только из-за них живу, я так долго.

Вот пример долголетия в пропаганде садоводства и цветоводства. Ковтуненко отдал всю жизнь без остатка садам и деревьям, и они в благодарность продлили эту подвижническую жизнь.

Иван Порфирьевич сорвал еще несколько веточек туи, очистил снизу их до тех мест, где начинались утолщения, как клешни: отсюда лучше, быстрее растут корни. Пореккомендовал обернуть эти клешни влажной ватой и везти веточки на Урал. Семена голубых елей я, конечно, тоже привез. Высадил туи. Попытаюсь вырастить.

Искатели речного жемчуга

**Вячеслав
ОПАРИН**

Несколько лет тому назад я жил в Северной Карелии, в поселке Чула. И там однажды узнал, что в поморской деревне Кереть живет старый жемчуголов Василий Николаевич Келеваев. Я побывал у него в гостях. Старик оказался добродушным, разговорчивым, знал великое множество разных легенд и историй. Он сводил меня на реку Кереть, за пороги, туда, где на островке стояла избушка. Там я видел следы былого промысла, брошенные за ненадобностью инструменты...

Встреча с Келеваевым оставила сильное впечатление. Я заинтересовался проблемой северного речного жемчуга и стал собирать сведения об этом. А началось все с легенд, которые он мне рассказал. Вот одна из них.

Как-то под осень Иванко-малец в своем карбасе мережу домой волочил. Припоздал вишь маленько. Стал подплывать к устью речки, где деревня родная стояла, а по левую руку щельи высокие да темные вздымаются. Вода тут черна, будто деготь. И показалось Иванку, что в этой темной воде светится что-то. Через борт перегнулся, глянул получше — и видит, будто лежит на дне жемчужный венец. И такими крупными да чистыми жемчугами унизан — диво! Сунул руку в воду — нет, не достал. Пощупал дно веслом — и весло не достало. Ладно, поехал домой. А родители в отъезде были. На семушкой тоне сидели. Одна старая бабка на печи. Вот Иванко мережу поклат сушить, ухи похлебал и говорит бабке:

— Я вот мережу домой волочил и в воде жемчужный венец видал. Вроде эдак близко — рукой достать можно.

Бабка на печи заворчала:

— Это водяной тебя поблизил. А может, оно и правда. Я ипо девчонкой слыхала, будто жемчужна королева в воду свой венец обронила. Да не просто обронила, а Темный Вихорь его в глубь морскую сбросил. И никому ту жемчужную корону из пучины не добыть. Волшебное дело. Не по твоему носу оно, Иванко. Кинешься за венцом-то да и утонешь. Оберегись.

— А какой он, Темный Вихорь-то?

— Темный Вихорь велик. С виду вроде богатырь страховидный.

Только весь из ветру да изо льда, темный да косматый. Мчит над морем — будто облак грозовой. А глазищи-то сверкают, бородачи вьются. Ужасть! Сказывают, он жемчужну-то королеву в скалу заточил. Оттого много лет в наших реках жемчугу не водится. А ране-то, бывало, дак за лето мужик по пригоршне жемчугу скатного добывал.

И запала Иванку в голову дума: как бы освободить эту жемчужную королеву из скальной темницы.

На другой день солнышко встало. День ясен, море сине, душа радуется. Сел Иванко за весла, песню поморскую завел. Подплыл к тому самому месту, где щельи круглой стеной к небу вздымались. Сколь ни смотрел в воду, ничего не увидал. Вода глубока, пучина непроглядна.

Дождался вечера. Пала ночка ясна, загорелись тыщи звезд в небе, а в черной воде, как в живом зеркале, отразились. И опять увидал Иванко в воде жемчужный венец. И так ясно да близко, что не утерпел, осмелился и нырнул. Все глубже, глубже под воду идет, а венец перед самыми глазами маячит, манит к себе. Протягивает Иванко руку, да ничего ухватить не может. Вернулся домой, спрашивает у бабки:

— А как жемчужну-то королеву из скалы освободить?

— А это, вучеч, никому не под силу. Потому как из пучины морской надо жемчужный венец добыть и положить его под дверь той скальной темницы.

— А где ж она?

— Есть за десять верст отсюда ручей быстрый. Он до моря не добегае, а падает в каменну дыру. Вот коли туда спустишься, по подземному залу пройдешь, там и увидишь каменну дверь с железным кольцом.

— А ежели другой венец туда принести? Самому добыть жемчугу да и снизать.

— Кабы знатье, Ванюша. Поди попробуй. Да где же ты жемчугу-то сыщешь, коли он в нашей речке водиться перестал?

Пошел Иванко на жемчужну речку. Глядит — в реке вроде бы раковин в достатке и место мелкое, едва до горла достанет. Стал нырять. Только нырнул да протянул

руку к раковине, глядит — светло стало. У раковины створки раскрылись, и светится в ней жемчужина. Схватил Иван раковину — и на берег. Врезал ножом, выкатил жемчужину на ладонь. Куда как хорошо: загляденье!

Снова нырнул. Опять видит — другая раковина раскрылась, а в ней жемчужина сияет лучше прежней. Так-то вот и добыл Иванко жемчужин изрядно. Принес домой, бабка заохала:

— Ох, парень, не спутался ли с нечистой силой? Мыслимо ли — за один раз эдакое богатство достать?

А Иванко свое:

— Ты, говорят, смолоду славно жемчуг пизала. Может, сплетешь жемчужный венец?

В избе-то глаза уж плохо видели. Вот дождалась бабка солнышка, села на завалинку и давай на белый конский волос пизать жемчуга. Соседи увидали — руками всплеснули:

— Где ты эдаки жемчуга взяла?

— Да вчерась ввучек из реки достал.

Побежали все на речку. Полные корзины раковин набрали, на угор выволокли, стали потрошить. Хоть бы одна жемчужинка! Тут все плюнули, бабке кудаками погрозили, к своим делам воротились.

А Иванко взял жемчужный венец, в камешу дыру спустился. Вошел в подземное зало, видит — там великая каменная дверь, а в ней железное кольцо. Подергал, подергал — не открывается. Положил Иванко под дверь свой жемчужный венец и ждет. Тут послышался шум, гром, летит Темный Вихорь. Просунул свою голову да лапичи косматые в зало, захохотал и схватил жемчужный венец. А Иванка так толкнул, что тот пал на каменный пол и долго бездыханный лежал. До дому еле дошел, все как есть бабке рассказал. Та заохала.

— Ох, ввучек, мыслимо ли дело — супротив Темного Вихоря ийти? Пропадешь ты вконец, брось это дело.

— Нет, не брошу. Буду думать, как жемчужную королеву вырвать.

— Тогда поди-ко ты к старому Пастаю, он, может, тебе и назовет чеву.

Пошел Иванко к Пастаю. Тот жил на горе. Дом сложен из дикого камня, крыша дерном покрыта, на крыше — олени рога. Послушал Пастай Иванка, подумал и говорит:

— Ладно, помогу тебе. Есть у меня в море тюлень ручной. Кликну его, может, подсобит.

Пришли на морской берег. Пастай постучал ножом об камень, который из воды торчал, и подплыл к нему тюлень. Пастай бросил ему рыбину и говорит:

— Ну-ко принеси мне жемчужный венец, который на дне морском лежит.

Живо тюлень поплыл. Нырнул, взял венец в зубы, Пастаю принес. Когда нырял, серый был тюлень, а сейчас белый стал и весь светится, будто лунным светом облитый.

— Когда ты, Иванко, пойдешь в подземелье, то дров прихвати и костер разведи. Возьми с собой три гаргуна. Раскали их на огне и жди. Когда прилетит Темный Вихорь, один гаргун воткни ему в одну руку, другой в другую, а третий — меж глаз. Иначе его не победишь.

Так Иванко и сделал. Положил венец под каменную дверь — она сама собой открылась, и вышла оттуда девица удивительной красоты. Только она надела жемчужный венец — летит Темный Вихорь. Ну, Иванко не потерялся, а ловко вошел в него гаргуны. И сразу не стало Темного Вихоря. Только осталась на каменном полу гряда битого льда.

С тех пор слова в наших реках стал жемчуг водиться.

Издавна на северных реках России добывалось много жемчуга, часть которого ценилась чрезвычайно высоко. «Олонецкий статистический сборник» за 1902 год сообщает, например, что в 1871 году из Олонецкой губернии были отправлены царице 11 необычайно больших, идеально круглых голубых и розовых жемчужин. Там же приводятся сведения со ссылкой на академика Миддендорфа о добыче жемчуга на северо-западе России. «Статистический сборник» сообщает, что жемчуг добывали в реках Остере, Кумсе и Пигме Повенецкого уезда и в реках Янеге, Шоткусе и Сорне Лодейнопольского уезда.

В журнале «Вестник Мурманского Края» № 23 за 1925 год сообщается, что в конце XVIII века из Архангельской губернии вывозилось жемчуга на 181 520 рублей в год. В 1913 году только на реке Варзуге было добыто жемчуга на 12 тысяч рублей. Жемчуголов средней руки на реке Кереть добывал за лето жемчуга на 200—300 рублей.

Самый дорогой и красивый жемчуг крестьяне могли свободно продавать на ярмарках либо перекупщикам. Иногда и сами отвозили его в Петербург.

О добыче жемчуга в Олонецкой губернии рассказывает Г. Дашков в книге «Описание Олонецкой губернии в историческом, статистическом и этнографическом отношениях» (1833 год):

«В праздничные дни нередко можно встретить крестьянских жен в шелковых сарафанах и жемчужных повязках. Повязки сии называются челишками, а у девиц

корунами, кроме того, женщины носят еще жемчужные поднизки.

Жемчуг встречается в продаже на ярмарках, куда крестьяне привозят его иногда на несколько сот рублей. Большая часть жемчужин несправильна. Иногда русло каменистых рек обнажается, и добычные раковины делается удобнее. Старожилы помнят, что это случилось когда-то с речкой Повенчанкой, и тогда в ней попадались отличные жемчужины. Нитка такого жемчуга представлена была ко двору императрицы Екатерины II. Добываемый жемчуг большей частью расходится между самими жителями Олонецкой губернии, которые делают из него кроме головных уборов и сергги. Такие сергги стоят там от тридцати до ста рублей. Девушки сами занимаются переизыванием серег, просверливать их отдают другим. Один искусственный в этом деле крестьянин в деревне Лумбуши берет за такую работу по две копейки с сергги».

Любопытные сведения о добыче жемчуга в старину можно найти в «Олонецких губернских ведомостях» (№ 30 за 1872 год).

«В Кемском и Онежском уездах жители издавна занимаются ловлею жемчуга в местных озерах и речках. Время для ловли раковин обуславливается количеством воды в реках. Промысел начинается обыкновенно 15 июня и продолжается до первого, а иногда до 15 августа, когда вода делается холодною.

Промышляют на реках Коже, Сихтуге, Шомбе, Хайне и других. В первых двух раковин и жемчуга попадаетеся более, чем в других. Жемчуг ловят также на реках Ниве и Кольвице и в реках, впадающих в озеро Иmandру, но мало. Из поморов Кемского уезда ловлею жемчуга никто не занимается, хотя жемчуг попадаетеся во всех поморских реках. В Кемском уезде в два последних года занималось ловлею жемчуга до 50 человек. В 1870 году в Онежском уезде жемчуга продано приблизительно на 800 рублей, а в 1871 году на 1000 рублей, причем весь жемчуг продавался преимущественно в Петербурге».

Серьезное, подлинно научное изучение пресноводного жемчуга, добываемого на северо-западе России, и всего промысла началось только после 1917 года. Прежде всего были взяты на учет все жемчугоносные реки и ручьи. На протяжении многих лет в нашей стране ведется большая работа по обследованию этих рек и созданию научно обоснованных рекомендаций жемчужного промысла. Ежегодно в реках северо-запада РСФСР добывается несколько сотен первоклассных ювелирных жемчужин.

▶ ЛЕВОЕ И ПРАВОЕ ◀

Сергей
ГЕОРГИЕВ

Рабочие дни недели в Институте Глобальных Проблем и Необъяснимых Случаев были похожи один на другой, как кандидатские диссертации сотрудников отдела Загадочных Исчезновений. Поэтому во вторник четвертого сентября все были приятно возбуждены. Еще бы! Когда еще увидишь такое? Ясно, что насорили, ясно, что запах — не приведи господь. Но не мелочи ли это по сравнению с возможностью наблюдать, как все восемь научных сотрудников лаборатории Экспериментальной Проверки Сумасшедших Гипотез тащат по институтскому коридору упирающегося и дико ревущего живого осла!

— Их уже девять, — пошутил кто-то. — А нам третий год не дают ставку...

Но «умники», как почтительно называли в Институте тех, кто работал в лаборатории ЭПСГ, не обращали внимания ни на шутки, ни на повышенный интерес к своей деятельности. Отчасти потому, что осел

попался какой-то уж особенно упрямый. Отчасти же оттого, что за долгие годы к подобному отношению привыкли.

Через час возбуждение пошло на убыль. Две огромные корзины с пахучим сеном, плавно проплывшие в сторону ЭПСГ, в способности подогревать страсти заметно уступали тому, для кого предназначались. Романтика будней взяла свое...

Странности начались на следующий день, в среду. Вообще говоря, среда менее всех других дней недели подходит для научных открытий. В самом ее названии скрыто что-то степенное и умиротворенное. Это день заседаний кафедр, юбилейных чтений и профсоюзных собраний. Но!..

В кабинет директора Института Глобальных Проблем и Необъяснимых Случаев ворвался заведующий лабораторией ЭПСГ и не переводя дыхания выдохнул небольшую, но емкую речь на древнегреческом языке.

Использование почти забытого древнегреческого наводило на мысли. Еще более удивительным казалось то, что завлаб не заметил секретарши. Директор сделал совершенно правильный и с точки зрения логики единственно возможный вывод: что-то случилось! Либо в науке, либо в лаборатории! Итак...

— Эврика! — выдохнул завлаб и прислонился в изнеможении к стене.

— Панта реи... — директору язык Софокла и Гераклита тоже не был чужд, но для простоты общения с подчиненными он все же предпочитал русский. — Опять что-то?..

— Переворот!.. В науке!.. — и завлаб, больше не владея собой, опустился на пол.

Что ж, время от времени перевороты науке просто необходимы. Директор это понимал, потому что сообщению завлаба отнесся без паники, но с энтузиазмом.

— Э... Буриданов осел... Две кормушки... — лепетал приведенный в чувство завлаб. — Слева и справа...

— Ну-ну, не волнуйся, дружок! — нежно поглаживая завлаба по отчетливо наметившей лысине, отчески произнес директор. — Давай все по порядку. По порядку...

Суть потрясшего весь Институт Эксперимента — безусловно, Эксперимента с большой буквы! — заключалась в следующем. С давних пор существует притча о Буридановом осле. И не просто существует, а используется в качестве веского аргумента для иллюстрации архисложности проблемы выбора равноценных возможностей. Притча проста: справа и слева от осла стоят две кормушки с сеном. К которой подойдет голодный осел? К правой? Но чем правая лучше левой, если они совершенно одинаковы? И мучимый сомнениями, осел умирает от голода перед двумя полными кормушками. Так полагал придумавший притчу мудрец Буридан...

Но на то и создана была лаборатория Экспериментальной Проверки Сумасшедших Гипотез, чтобы никому не верить на слово! Даже самым именитым! С особой чистотой поставленный Эксперимент давал теперь полное право перейти на звучный древнегреческий!

Осел не умер от голода. Он сразу же преспокойненько направился к кормушке! К левой! Эксперимент повторили. И вновь неторопливый и уверенный осел двинулся, ни секунды не раздумывая, влево. Корзины поменяли местами — опять влево! Приятно, черт побери, чувствовать себя на пороге открытия!..

Что только не вытворяли сотрудники лаборатории ЭПСГ с бедным ослом! Левую кормушку отставляли

дальше, чем правую. Влево! В ней почти не оставили сена, зато правую наложили доверху. Опять влево! Казалось бы, что еще? Но верные науке молодые кандидаты и доктора упорно искали разнообразные «за» и «против».

И находили только «за»! Осел упорно предпочитал левое правому! Тут не только по-древнегречески заговоришь...

Не оставалось ничего другого, как занести имена первооткрывателей на скрижали Истории Науки. Еще один фундаментальнейший закон природы в наших руках! Остались сущие пустяки — объяснить его...

Василий Викторович Суворов, мэнээс совсем другого НИИ, зашел в Институт Глобальных Проблем и Необъяснимых Случаев в разгар «ослиного бума», но по другому делу. Само собой, не показать Буриданова осла ему просто не могли. Потрясенный, он задумчиво буркнул про себя:

— Где же я мог раньше видеть эту животину? Нет, не в нашем институте...

С тем и ушел, даже не позавидовав в душе. Только спросил на прощание, сколько времени понадобилось, чтобы заполнить уникальное животное. Узнав, что всего три дня, удовлетворенно хмыкнул.

Мэнээс Суворов шел по улице и, не обращая внимания на прохожих, бормотал:

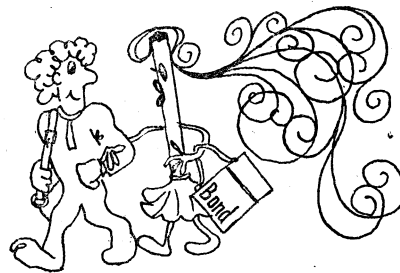
— Ослы в наших местах не водятся... в диком состоянии... А они получили за три дня... Значит... Но где же я его видел?..

Вдруг он как бы очнулся, хлопнул себя по лбу и, нащупывая в кармане двушку, бросился к ближайшему телефону-автомату. Набрал короткий номер справочного, затем, снова пошарив в кармане, — шести-значный...

— Ну как я сразу не вспомнил! — укоряя себя, вслух рассуждал мэнээс, выходя из будки автомата. — Ведь только в цирке все животные передвигаются по арене против часовой стрелки...

МИНИАТЮРЫ

Сигарета

— Какая я изящная и хрупкая! Какая стройная у меня фигура и как к лицу мне белоснежный наряд! Я знаю, что нужна людям, и поэтому не покидаю их ни в радости, ни в горе... А мужчины! О! Мужчины просто обожают меня! При первом же моем поцелуе у них кружится голова, и любой готов с радостью отдать мне самое дорогое, что у него есть, — жизнь! — так говорила Изящная Сигарета одному из многочисленных ее поклонников, по каплям вливая сладкий яд в его сердце.

Язык

Язык работал в поте лица. Никогда не знал покоя. Все болтал, болтал, болтал, болтал... Но — странное дело — чем больше он трудился, тем меньшим уважением пользовался у окружающих.

— Как неблагодарны люди! — думал он иногда. И однажды решил: — Хватит! Больше не двинусь с места. Пусть-ка попробуют обойтись без меня.

Он замолчал. И в наступившей тишине услышал:

— Наконец-то!

Н. КУДИНОВА

Рисунки
С. Малышева

Эммануил Квиринг

10 августа 1922 года ЦК РКП(б) образовал комиссию для подготовки проекта решения о взаимоотношении РСФСР и других республик. В сентябре 1922 года комиссия утвердила проект И. В. Сталина, который назвали планом автономизации. По этому плану Украина, Белоруссия, Азербайджан, Грузия, Армения должны были войти в состав РСФСР на правах автономных республик.

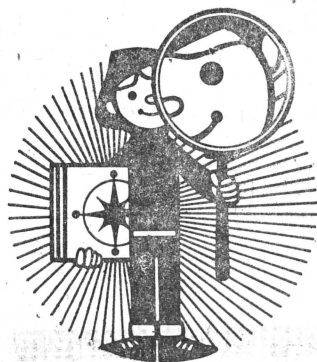
Этот проект В. И. Ленин подверг резкой критике. 26 сентября 1922 года он написал письмо членам Политбюро РКП(б), в котором предлагал принципиально новую форму создания единого союзного государства — добровольное объединение независимых республик, в том числе РСФСР, в Союз Советских Социалистических Республик, с сохранением равноправия каждой из них.

Твердо поддержала В. И. Ленина Коммунистическая партия большевиков Украины. На III сессии ВУЦИК VI созыва по поручению депутатов Киевской, Донецкой и Харьковской губерний с речью выступил Э. И. Квиринг, секретарь Донецкого губкома партии. Квиринг целиком поддержал предложение Ленина. Речь его была опубликована в органе ЦК КП(б)У — газете «Коммунист» вместе с интервью на ту же тему, взятым у М. В. Фрунзе.

Эммануил Ионович Квиринг родился 1 (13) сентября 1888 года в Саратовской губернии в семье немца-колониста. Впервые Э. И. Квиринг принял участие в революционном движении в Саратове в 1906—1907 годах. В декабре 1912 года вступил в партию большевиков. Был сотрудником

газеты «Правда», секретарем большевистской фракции IV Государственной думы. Его не раз арестовывали. После победы Октябрьской революции он занимал ответственные партийные и хозяйственные посты: был первым секретарем ЦК КП(б) Украины, заместителем председателя ВСНХ СССР, первым заместителем председателя Госплана СССР. Доктор экономических наук, известный партийный публицист, Э. И. Квиринг был затем директором Института Красной профессуры.

МИР

НА ЛАДОНИ

Россия: век уральского камня

Образцы почти всех поделок, вырезанных из селенита за сто лет его добычи, собрала Пермская художественная галерея. Специальная выставка их привлекла большое внимание ценителей этого сияющего лунным светом уральского камня.

Месторождение селенита близ села Красный Ясыл — единственное в своем роде на земном шаре (других подобных пока неизвестно). На его базе создан комбинат «Уральский камнерез». Сегодняшние резчики комбината стараются сберечь и развить мастерство отцов, дедов.

С первых лет добычи селенита резчиков привлекали его мягкость, необычный цвет. Из камня готовили миниатюрные фигурки зверей и птиц, другие вещи. Особым мастерством в деле отличался И. Семериков. Во многом именно его искусство прославил в 1913 году, на всероссийской выставке кустарных изделий, редкий камень мира.

Россия: молния — синий шар

Бригада телятниц совхоза «Аргазинский» (Южный Урал) минувшим летом в грозу неожиданно оказалась лицом к лицу с шаровой молнией. Все упали без чувств. Лишь одна — М. Иксанова, одетая в прорезиненный плащ и сапоги, не была поражена электричеством. Она и рассказала о подробностях этой встречи. Темно-синий шар, величиной с футбольный мяч, светил по краям желтым пламенем и медленно, покачиваясь, плыл под навесом, где была в это время бригада. На глазах свидетельницы упали на землю Х. Гиннатуллина и ее 10-летняя дочь Айбулак... Затем огненный шар, никого и ничего не задев, выплыл в ворота.

Все пострадавшие были вовремя доставлены в районную больницу.

Украина: в галактике мы не одни

В нашей галактике существуют планетные системы, подобные Солнечной. Это утверждают исследователи из обсерватории Харьковского университета. В обсерватории сделана попытка установить факт существования других планетных систем косвенным путем (сегодняшняя техника не позволяет обнаружить спутники даже ближайших звезд). Использовались данные многолетних наблюдений за звездами, теоретический анализ, представления об эволюции светил. Это позволило разработать методику расчета количества звезд, имеющих планетные системы. Предполагается, что планеты-спутники есть у каждого четвертого-пятого светила. Иначе говоря, в радиусе 33 световых лет (это наиболее доступный современной науке участок нашей галактики) может существовать около 130 планетных систем.

Казахстан: сосна-лилипут

Шарообразная крона, ветви с иголками, созревшие шишки на них — так в общем-то обычно выглядела сосна, обнаруженная ботаниками в одном из районов Центрального Казахстана. Однако дерево, которому было уже двадцать лет, сразу привлекло внимание исследователей. Оно, словно средней величины яблоко, легко поместилось на ладони. Первооткрыватели сверхминиатюрной сосны считают, что все произошло так: семена попали в трещину гранитного камня, и сила жизни у одного из них оказалась достаточной, чтобы практически «без ничего» превратиться в дерево, хотя и лилипутское.

Туркмения: возвращение кулана

В местечке Кулан-Кырлан, что значит — «куланы исчезли», вновь появились эти быстроногие животные — обитатели туркменской пустыни. Некогда в предгорьях Копетдага паслись огромные стада куланов. Но их уничтожили в результате хищнической охоты. Кулан был занесен в Красную книгу.

Теперь благодаря решительным мерам по охране природы в прежние места обитания возвращаются не только куланы, но и архары, джейраны.

Армения: работает гелиопечь

На ереванском гелиополигоне работает солнечная печь. Зайчик от полутораметрового зеркала направляется на тигель, начинается плавка. Скорость «теплового удара» здесь превышает тысячу градусов в секунду. Такой резкий скачок температуры, особая чистота установки позволяют получать материалы для новых высокоэффективных электрохимических систем. В частности, исследователи рассчитывают «выдать на-гора» с помощью гелиопечи материалы для систем надежного, с большим запасом хода электромобиля.

Дагестан: электричество из-под земли

Геотермальную электростанцию решено построить на открытом в Дагестане «море» горячих подземных вод — Тарумовском. Изученные запасы его тепла могут обеспечить работу электроагрегатов мощностью 400 мегаватт. Помимо электроэнергии здесь будут вырабатывать из вод редкоземельные элементы, соляную кислоту, каустик, бор, бром, йод... Затем тепло подземных источников поступит на шерстемоечные, овощесушильные предприятия, в теплицы, дома, бани. В конце концов воды из-под земли снова будут закачиваться под землю, где они снова разогрются, обогатятся минеральными солями.

Мир

еще не весь открыт

● Беспорядочный шум отрицательно действует на человека, но не только. Эксперименты, проведенные канадскими учеными, показали, что сильный шум снижает темп роста растений в среднем на 47 %.

● Когда человек впервые стал пользоваться огнем? Ответить на этот вопрос трудно. Но не так давно в Африке между озерами Виктория и Туркана были обнаружены остатки костров, которым 1,4 миллиона лет (таков геологический возраст пластов, в которых они найдены). Вокруг древнейших кострищ лежат кости животных и каменные орудия труда.

● Японский ученый профессор Хиреа Торивари высказал гипотезу о том, что акация сигнализирует о приближающемся землетрясении. Много лет исследуя акацию, он предсказал 18 землетрясений в районах Киото и Токио.

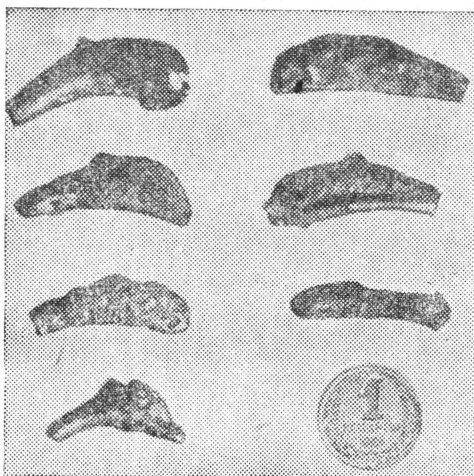
● Английские ученые открыли эффективный способ борьбы с туманом. В туман естественный они впрыскивают искусственно полученный туман, капли которого электрически заряжены. Под влиянием электростатической нагрузки капли соединяются с водой, содержащейся в природном тумане, и падают на землю в виде дождя.

● Кости самой древней ископаемой рыбы найдены недавно австралийскими учеными. В пластах окаменевшего ила, возраст которых равен 480 миллионам лет, был обнаружен скелет караса длиной 150 миллиметров.

● Советские ученые разработали оригинальный трансплантат, имитирующий кость. Он состоит из минеральных солей, желатина и некоторых других материалов. Такими трансплантатами «ремонтировали» поврежденные кости кроликов. Оказалось, что спустя немного времени собственные кости животных начинают благополучно срастаться, а трансплантат рассасывается. Удалять его не нужно, и таким образом можно избежать еще одной болезненной операции.

Искусственная костная ткань обладает целым рядом достоинств. Главное — она не отторгается организмом.

Пока операции проводились только на животных. Но дальнейшие эксперименты, проводимые в стране, помогут перейти к изучению взаимодействия искусственной ткани с человеческим организмом.

«Дельфинчики»

Пожалуй, ни об одном из животных не ходит столько легенд, преданий, противоречивых суждений и рассказов, не ведется такого количества споров и дискуссий, как о дельфинах. Десятки интереснейших случаев, описанных в различных изданиях, сотни рассказов очевидцев создали вокруг этих мелких китообразных ореол загадочности. Примеров тому много, и они приводятся еще древними греками — Аристотелем, Геродотом, Плутархом. Причем греки не обожествляли это животное, а скорее считали дельфинов средством передвижения богов, о чем свидетельствуют изображения на древних фресках, сосудах, монетах. В древнегреческом городе Ольвия, что у нас под Николаевом на берегу Черного моря, были выпущены даже монеты в виде фигурки дельфина, как их теперь называют — «дельфинчики». Они отливались из различных металлов и были соответственно разного достоинства.

Экспонируется рояль

В Ленинграде есть редкий музей — музыкальных инструментов. В нем хранится, например, рояль, на котором М. Глинка сочинял оперу «Иван Сусанин». В этом же зале стоят рояли А. Рубинштейна, П. Чайковского, А. Даргомыжского...

В музее экспонируются арфы, лютни, флейты, древние клавирины, национальные инструменты многих народов мира...

Б. ГАЛИН

«Путешествие»

Колумба

Колумбу, путешествовавшему всю свою жизнь, судьба предопределила «странствовать» и после смерти. По крайней мере, прах его долго нигде не мог успокоиться.

Известно, что Колумб умер в Вальядолиде в 1506 году, и его останки были погребены в склепе Францисканского монастыря. Ровно через 7 лет, в 1513 году, его прах перевезен в Севилью, в монастырь св. Марии де Лас-Куэвас. Умирая, Христофор Колумб выразил желание покойся вечным сном на острове Гаити.

И вот в 1537 году на острове Гаити в соборной церкви города Сан-Доминго перезахоронены останки великого путешественника.

А в 1796 году Испания уступила остров Сан-Доминго Франции, и прах Колумба потревожили вновь: его перевезли в Гавану, где он и покоится в настоящее время.

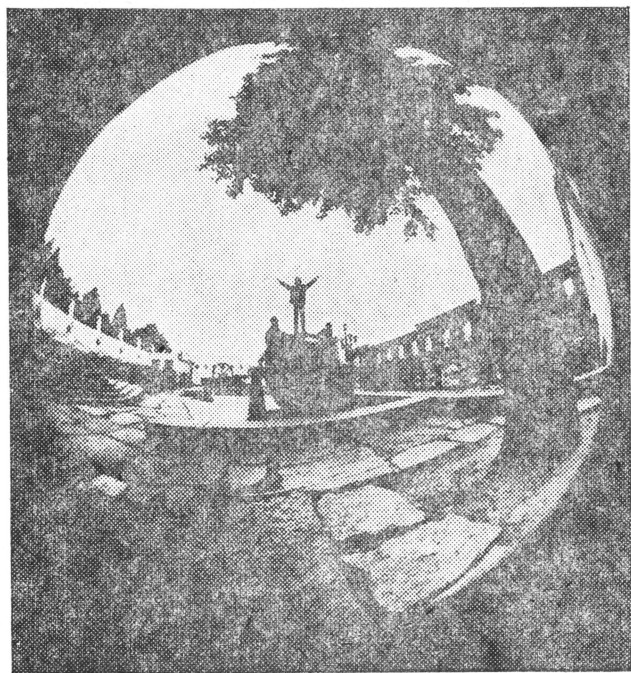
С. АЛЕКСАНДРОВА

Защитники биосферы

Уральский лесотехнический институт подготовил для народного хозяйства первые отряды специалистов по защите биосферы. Питомцы новой институтской кафедры в качестве дипломных проектов предлагают разработки, которые можно использовать в хозяйственной практике без промедления. Это, в частности, методы и оборудование для эффективной очистки сточных вод, газов, твердых отходов промышленности...

В. ДАНИЛИН

«Рыбий глаз»

Рекламируя один из своих фотообъективов, японская фирма «Никон» акцентирует: при съемке подалее уберите свои пальцы, а то они попадут в кадр. И это действительно возможно: угол зрения того объектива равен 180° .

История его изобретения связана с известным американским физиком-экспериментатором Робертом Вудом. Последнему захотелось узнать, как видит из воды рыба, и в 1906 году он сделал снимки с помощью сконструированной им подводной камеры — «фотокамеры с рыбьей точкой зрения» — с полем зрения 180° .

В 1924 году оптик Роберт Хиль создал аналогичный объектив для астрономических целей и с успехом фотографировал на один кадр все видимое звездное небо. Потом его стали использовать при архитектурных съемках, а в последние годы его берут на вооружение и профессиональные фоторепортеры, и фотохудожники. Композиция изображения порой получается очень оригинальной.

А название привязалось — «Рыбий глаз» («Фиш ай»). Сравнение это образное (в оптике были и «Волчий глаз», и «Орлиный глаз», и «Совиный глаз»). В действительности же исследования показали, что настоящий рыбий глаз, например трески, обладает углом зрения 60° .

На снимке: Исторический сквер Свердловска. Дворик старой заводской техники. Новый ракурс.

Евг. БИРЮКОВ

Кто придумал почтовую марку

Известно, что еще в 1653 году парижский почтмейстер де Вилайэ придумал оплачиваемые почтовые знаки, о форме и способе применения которых, к сожалению, никаких сведений не сохранилось.

В 1818 году были введены штемпельные оболочки для писем, но и эта попытка успехом не увенчалась. Почтовые знаки продержались недолго. В тридцатых годах XVIII века в Англии Джеймс Чельмерс из Дунди выступил с проектом о наклейке почтовых марок, покрытых с оборотной стороны клеем, которые и поныне хранятся в Кенсингтонском музее.

В торговый комитет Лондонского Сити Чельмерсом записка была подана 8 февраля 1838 года. Спустя два года были выработаны образцы знаков почтовой оплаты, и с 6 мая 1840 года в Англии началась продажа марок населению.

А. ДМИТРИЕВА

Самый большой из духовых

И поныне отмечают в Швейцарии альпийские праздники, скотоводы поднимаются к стадам на высокогорные пастбища. Один из вершинных моментов праздника — игра на альпийском роге.

Непросто изготовить этот, наверное, самый большой из духовых музыкальных инструментов. Берется молодая подходящей кривизны ель, очищается от коры и аккуратно раскалывается на две половины.

С помощью круглого долота дерево долбят. Затем тщательно отшлифованные половины, доведенные всего до четырехмиллиметровой толщины, склеиваются.

Игра на этом инструменте, достигающем в длину более трех метров, требует немалого искусства. Исполнители могут воспроизводить на нем далеко не всякую мелодию и потому охотнее всего импровизируют.

И пылинка — улика

В сберегательной кассе, расположенной на краю фабричного поселка, сработала сигнализация. Однако дежурная машина неожиданно сломалась, и пока оперативная группа добралась до места происшествия, было уже поздно. Преступники успели взломать сейф и скрылись.

Обстановка в сберкассе говорила о том, что обворовали ее не новички: ничего существенного обнаружить при осмотре не удалось. Следы ног в зале были заметны венчиком, только в коридоре сохранилось два нечетких отпечатка, непригодных для отождествления по ним обуви. Но это не смутило следователя. Он увидел, что следы образованы мелкой асбестовой пылью, и изъясил их, наложив сверху листы прозрачной липкой пленки.

Пленки с пылинками следователь направил на экспертизу. По структуре волоконца, цвету, химическому составу и другим признакам эксперт определил марку асбеста, и это помогло установить, в каком цехе и смене работал преступник. Теперь найти его было уже не сложно.

«Уральский следопыт» в 1982 году

ПРОЗА

- Анпилов В. Назариха. № 11.
Астафьев В. На Каме, в Быковке. № 6.
Афонин В. Зимний путь. № 8, 9.
Барков А. Андрейкины рассказы. № 11.
Берсенева Н. Про Федоркина-меньшого. № 3.
Власов А. Уборщица и Галя. № 10, 11.
Дробиз Г. На подножке. № 6.
Коркодинов С. Трибуна новатора. № 6.
Крапивин С. Пять дней шесть лет спустя. № 4, 5.
Леонов Ю. Очень старый колокольчик. № 2.
Немтушкин А. Мне снятся гаги. № 12.
Новиков В. До первого снега. № 1, 2.
Симоненко Ж. Рождество в доме Мегрэ. Перевод Н. Брандис. № 8, 9*.
Чернов Ю. Караканские этюды, или От весны до весны. № 5.
Шилов А. Звезда Генгера. № 12.

ПОЭТИЧЕСКИЕ МАРШРУТЫ

- Адышева Т., Боцу П., Галюдкин В., Гвинепадзе Н., Денисов В., Долгирева Г., Квитко С., Кленов А., Комлев А., Садыг Ф., Филиппов А., Шанбатуев М., Шамкенов А., Ялуин Н. Стихи. № 12.
Акопян М., Капутикян С., Маркарян А., Парсмамян А., Севяк П., Тарян М., Шираз О., Эмин Г. Стихи. № 8.
Аралбаев К., Рамазанов Г. Стихи. № 5.
Братан М., Бровченко В., Дмитрико Л., Корж В. Стихи. № 11.
Вахидов Э. Стихи. № 10.
Лапцуй Л. Поляна. № 7.
Малахеев И. Я по земле иду... № 3.
Махмудов А., Некрошус Ю., Чуяко Д. Стихи. № 9.
Некрасова К. О себе. Стихи. № 3.
Николаев В., Сахновский И., Суворов В., Шамаков Г. ...И отвести беду смогу. № 2.
Окунджава Б. ...Старый солдат, я стою, как в строю... № 7.
Поскребышев О. Стихи. № 6.

* По вине редакции имени автора пересказа указано не было. Приносим Н. М. Брандис глубокие извинения.

- Сибирев В., Чернухин И. Все совершится своим чередом... № 5.
Станцев В. Баллада о месяце апреле. № 4.
Шамсутдинов Н. Парк геологов. № 10.
Ягодинцева Н. Я шла на яростный закат. № 1.

МОЙ ДРУГ — ФАНТАСТИКА

- Амнуэль П. Выше туч, выше гор, выше неба... № 10.
Больных А. Браконьеры. № 8.
Брандис Е. Жюль Верн: новое о старом. № 2.
Брандис Е. Разведчик трассы — Иван Ефремов. № 4.
Верн Ж. Воспоминания детства и юности. № 2.
Гуревич Г. Они же деревянные. № 1.
Другаль С. Особая форма. № 11.
Ефремов И. «Будьте всегда любознательными...» № 4.
Иванов В. Свердловск: «Аэлита-82». № 9.
Казанцев А. Говорящий холст. № 2.
Кошурикова Р. Курочка Ряба. № 4.
Малов В. Приведение подобных. № 12.
Морсков А. Помощь. № 8.
Наумов Е. Племя мудрого Ро. № 3.
Ревич В. Страничка истории. № 10.
Симонян К. Мы хотели играть. № 12.
Слепынин С. Мальчик из саванны. № 6, 7.
Чуманов А. Семен. № 8.
Калейдоскоп. № 1, 2, 3, 4, 6, 7, 8, 9, 10, 11, 12.

ЮНОШЕ, ОБДУМЫВАЮЩЕМУ ЖИТЬЕ. НАЙТИ СЕБЯ. ТРЕБУЮТСЯ СПЕЦИАЛИСТЫ. ДАЕМ АДРЕСА РОМАНТИКАМ. ЮНОСТЬ ОТЦОВ. ЛЮДИ ПОДВИГА. ДЕЛАТЬ ЖИЗНЬ С КОГО? «УРАЛЬСКИЙ СЛЕДОПЫТ» НА УДАРНЫХ КОМСОМОЛЬСКИХ

- Абрамов А. В небе — Гридцевец... № 2.
Абрамов А. Огонь на себя. № 4.
Балашов В. Мальчик с мужеством мужчины. № 9.
Богоявленский Л. Рельсы над Камой. № 12.
Борисихин Ю. Совесть людская. № 1.
Борисихин Ю. Отвага. № 2.
Борисихин Ю. «Юность». № 7.
Борисихин Ю. ...И зал любил Елену. № 10.
Буйносова Н. Портреты друзей. № 9.
Булгакова О. Меч победы. № 6.

- Воробьев Б. Наедине с совестью. № 6.
Воробьев В., Костман О., Крапивин В., Лобов В., Минина А., Новик Н., Чепасов А., Широкова Н. Цвет релейника. № 7, 9.
Вы спрашивали. № 4, 5, 9.
Георгиев С. Левое и правое. № 12.
Глазунова Л. Вернуть человека. № 8.
Глазунова Л. Вспомним, товарищ. № 10.
Глазунова Л. Только море, только ветер... № 11.
Голубев Л. Алеша. № 9.
Гугель Я. Воспоминания первопроходца. № 1.
Ермолович Е. Партизанская слава. № 7.
Жуков Л. Вечный страж. № 1.
Камышев М. Только один выстрел. № 2.
Коваленко А. Хроника пикирующих бомбардировщиков. № 1.
Коваленко А. Сбить... без патронов. № 3.
Козлов В. Рассказы о Чапге. № 3.
Лебедев Г. Горе горькое. № 6.
Лившиц Д. У меня есть три желанья... № 3.
Лившиц Д., Поляков Н. По дорогам идут КАМАЗы. № 11.
Меньшикова М. Почетный чекист. № 1.
Мешавкин С. Тропой геокосмоса. № 8.
Нестеренко В. Строка Лениннаны. № 4.
Неустроев С. Это было в тридцатых... № 5.
Печенкин В., Шаров Л. Экзамен в высший класс. № 10.
Пинаев Е. Что иметь за душой? № 3.
Плотников С. Наташа Веселова — строитель БАМа. № 9.
Плотников И. Павшие остаются молодыми. № 11.
Плотников И. Имя улицы. № 12.
Самсонов В. Гуго Петерс просит взлет. № 12.
Секрет М. Хлеб и фронт. № 11.
Сергеева Л. Заколдованный карандаш. № 1.
Солонин Б. Плацдармы Пушкинских Гор. № 2.
Суриц Л. Первые герои труда — кто они? № 8.
Трифонов К. Серпастый, молоткастый. № 11.
Что за первым перекрестком?.. № 7.
Широкова Н. Рожденный буревестником. № 11.
Широкова Н. Робинзоны с грузом. № 12.

**ДАВНЫМ-ДАВНО. ТРОПОЙ ПОИСКА.
ПО БЕЛУ СВЕТУ. КРАВЕДЧЕСКАЯ
КОПИЛКА. РУКОМЕСЛА**

Алан Ю. Старинная пластинка. № 5.
Алан Ю. Приветствие Фета. № 6.
Алан Ю. Неразгаданный портрет. № 3.
Алебастров И. Узники Бастилии. № 9.
Андреев Я. Мсье Орлов из Свердловска. № 3.
Андреев Я. Сказ об Урале. № 10.
Архипова Н. Притяжение Севера. № 10.
Беляев И. Трестовка и Крестовка. № 1.
Белковский С. Свидетели веков. № 2.
Бердинских В. Н. Н. Пушкина-Ланская в Вятке. № 5.
Борисихин Ю., Карелин В. Приглашает гора «Уральский следопыт». № 8.
Бульванкер В. На постаменте... лебедь. № 6.
Варанкин Н., Пархимович С. По следам Ермака Тимофеевича. № 10.
Васильев В. Экспонат № 91765. № 5.
Васюга Е., Романчук А. Гикия из Херсонеса. № 10.
Велдер М. Времяизменятель. № 2.
Вендер Д. «Девушка у окна» на портрете и в жизни. № 9.
Волков С. Встречи с мастерами. № 1.
Голубев Л. Комендант Екатеринбургa. № 1.
Голубев Л. Удит... уж. № 8.
Григорьев Л. Глядя на фото... № 12.
Денисов В. Находка на крутояре. № 10.
Дорохова Л. Верность хлебному полю. № 10.
Дунаев Ю. Оружейная палата. № 6.
Дунаев Ю. Город у горной границы. № 12.
Зайцев Г. Загадка одной квартиры. № 1.
Захаров С. Эти далекие авто... № 2.
Зеличенко Б. «Бетонные вечера». № 9.
Капчиков Р. В гостях у северного Верблюда. № 4.
Ключников Ю. Рукописные книги. № 2.
Ключников Ю. Дюма в России... № 6.
Коверда П. Хрестоматия почерков. № 2.
Коверда П. «Прочь с завода!» № 4.
Козулин Б. Копилка с секретом. № 12.
Копайский А. От «Ракеты» до ракеты. № 6.
Кориков А. Краса — старинные пояса. № 1.
Кортин Б. Из древа выйдет зверь. № 6.
Краснов В. Между ударами сердца. № 8.
Криницын В. Уралец Василий Носов. № 9.
Курочкин Ю. Клады бабушкиных сундуков. № 4.
Липатников Ю. Как порох стал оружием. № 8.
Липатников Ю. Раскрылась книга горная. № 4.
Люсинов Г. О чем молчит колокол? № 8.

Люсинов Г. Скандал на всю Россию... № 6.
Ляпцев К. Монеты из платины... № 6.
Мельников С. Коломбы российские. № 10.
Могильницкий В. Автограф Шолохова. Письмо Фадеева. № 11.
Моисеева А. Настал черед... № 8.
Мильтштейн В. Скрипка и революция. № 9.
Нагибин А. Древним путем новгородцев. № 2.
Надеждин Ю. Там, где был Шишкин. № 9.
Найдич М. Морские разбойники. № 10.
Окунцов Ю. Записная книжка узника. № 6.
Омельчук А. Куриозное путешествие Делиля. № 4.
Омельчук А. Мал ледник, но дорог... № 10.
Парфенов С. Воевода Албазинской крепости. № 10.
Пашин В. Месть сатирика. № 2.
Пашин В. Пищаль. № 5.
Пашин В. Книга декабриста. № 11.
Петрова С. Школа жизни. № 8.
Притчина И. Венок из горячего камня. № 1.
Решетников М. Райнис в Слободском. № 12.
Рязанов Ю. Пергаменный листок из фолианта. № 6.
Седова М. Часовенка на перевале. № 5.
Седова М. Холуницкие узоры. № 9.
Седова М. Чугунные картины. № 10.
Слукин В. Скрыто злато восвосяси... № 4.
Столин М. Книги маленькие и большие. № 8.
Тарский В. Державин и лжегерой. № 6.
Федорова Н. Откуда родом блюдо? № 6.
Челнокова М. Летописец. № 6.
Черных С. Журнал «Рабочий отдых». № 11.
Шашков А. Летописец ротмистра Станкевича. № 5.
Шигина А. Кропотушки Христины Денисовны. № 7.
Широкова Н. Письмо доброго сказочника. № 3.
Шпаро Д., Шумилов А. Миф зальва Ахматова. № 2.
Шумилов В. Литературные курьезы. № 3.

**НА СЛЕДОПЫТСКОЙ ЛИНЕЙКЕ.
СЛЕДОПЫТСКИЙ ТЕЛЕГРАФ. ДАЕМ
АДРЕСА ПОИСКА. ИЩУ И НАХОЖУ.
МУЗЕЙ «УРАЛЬСКОГО СЛЕДОПЫТА».
НАШИ ИНТЕРВЬЮ. ЧИТАТЕЛЬ — РЕДАКЦИИ, РЕДАКЦИЯ — ЧИТАТЕЛЮ**

Андреева Н. Дом над Днепром. № 2.
Березин В. Обелиск на перевале. № 8.
Васильков С. Записывай, романтик, адреса. № 4.
Владимиров А. Был дзот на месте том... № 5.
Вул И. Живой герой. № 2.
Гаврин С. Ленинградские следопыты на Урале. № 8.

Гельруд Б. Обелиск у школы. № 5.
Енакаев Р. Недопетая песня. № 4.
Енакаев Р. В живых осталось только двое. № 5.
Комаров Е. Последний бой. № 5.
Кузьмин В. Через четыреста лет. № 7.
Лидина Н. Блокадный вариант. № 5.
Литвинов Р. Кексгольмцы на воронежской земле. № 8.
Лынев Р. Журавль и синица. № 8.
Печенкин А. Гвардейская жизнь. № 9.
Пионерия на марше. № 5.
Притчина И. Великий книгоноша. № 7.
Русов Г. 1500 километров по следам истории. № 2.
Шемелин В. Встреча на Азов-горе. № 8.
Шилов А. Адресат известен!. № 5.

**НАУКА И ТЕХНИКА. НА ВСЕ РУКИ.
НАУКИ ЮНОШЕЙ ПИТАЮТ**

Алан Ю. Акурадар. № 1.
Войскунский А. ЭВМ у нас дома. № 2.
Грохульская Н. Лазер на эстраде. № 9.
Гребенников В. Мое удивительное небо. № 3.
Диржабль в уральском небе. № 6.
Копайский А. Когда что придумано? № 5.
Липатников Ю. Первый в мире самолет. № 5.
Липатников Ю. Железные землекопы. № 6.
Липатников Ю. Чудо века. № 7.
Мельников С. Сказка в металле. № 3.
Николаев С. На Всесоюзной выставке НТТМ-82. № 7.
Новоселов Е. Творец водяной турбины. № 3.
Тхоржевский В. Здоровье плюс улыбка. № 1.
Циолковский К. «Мне некогда...» № 9.

ЧЕЛОВЕК И ПРИРОДА

Андреева М., Рябинин В. Озеро без будущего? № 5.
Богоявленский Л. Лес для города. № 4.
Ветлугин В. Река Ермаковых лебедей. № 1.
Волков В. «Медвежатники». № 7.
Ермаков А. Отец голубых елей. № 12.
Капорейко О. Эта удивительная охота. № 8.
Капорейко О. Рядом с совами. № 11.
Кощеев А. Царство флоры. № 2, 3.
Липатников Ю. Сколько земли на земле? № 1.
Малышев И. На дальних дорогах. № 5.
Опарин В. Искатели речного жемчуга. № 12.
Рябинин Б. Парк Андрея. № 10.
Рябинин Б. Породнились сосна и березы. № 6.
Спасит природу заводы. № 11.
Чинарева Т. Сколько стоит лошадь? № 6.

О. Поскребышев

Т. Чинарева

А. Немтушкин

В. Афонин

О. Капорейко

*Поздравляем,
друзья!*

Публикаций, претендующих на призы журнала «Уральский следопыт», в 1982 году оказалось немало. С интересными следопытскими материалами выступили у нас многие авторы. Решено, с учетом читательских откликов, отметить изделиями уральских камнерезов:

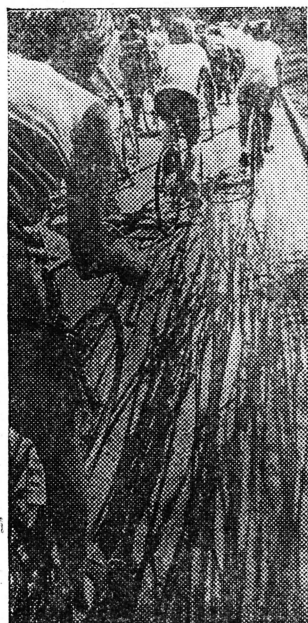
посвященную 60-летию СССР подборку стихов удмуртского поэта Олега Поскребышева [№ 6];

очерк хабаровской журналистки Тамары Чинаревой «Сколько стоит лошадь!» [№ 6];

лирическую повесть эвенкийского поэта и писателя Алитета Немтушкина «Мне снятся гаги» [№ 12];

повесть томича Василия Афонина «Зимний путь» [№ 8—9];

фоторассказы свердловчанина Олега Капорейко «Эта удивительная охота» [№ 8] и «Рядом с совами» [№ 11].

Седьмая победа

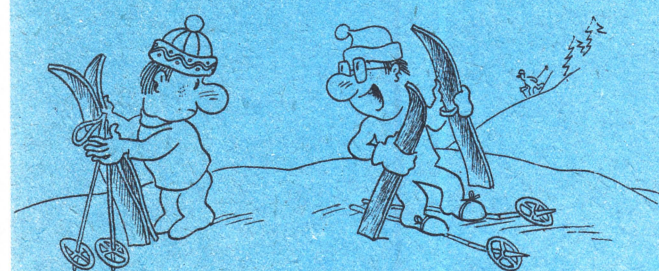
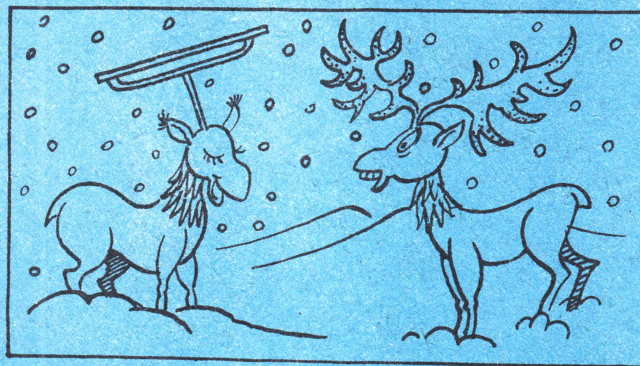
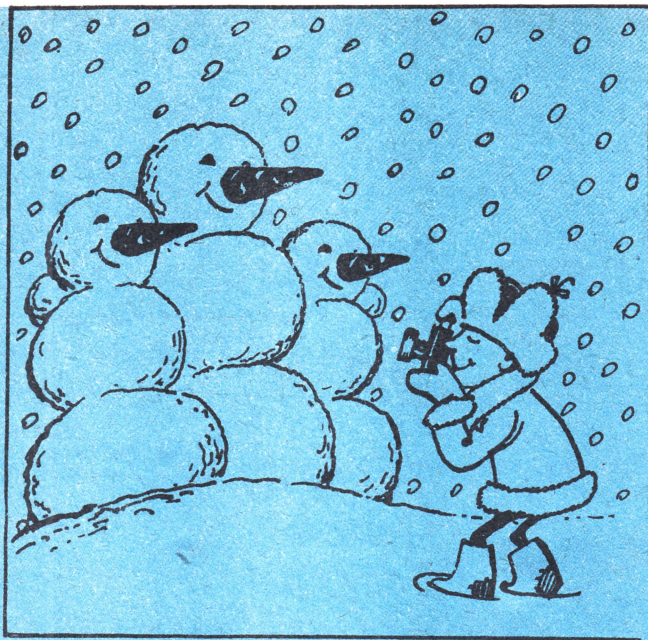
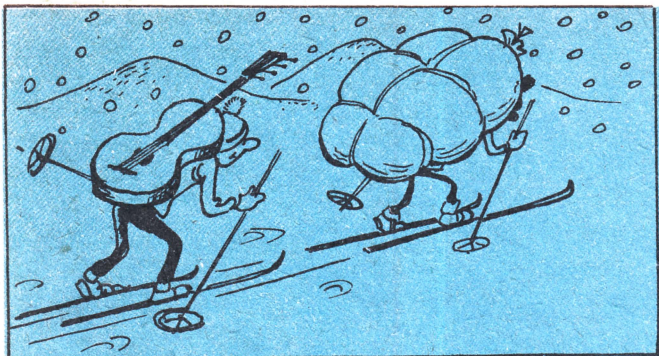
В многодневной традиционной юношеской велогонке на приз нашего журнала микувшим летом участвовали пятнадцать сильнейших команд Урала и Западной Сибири. Снова, в седьмой раз, победили велосипедисты из г. Верхняя Пышма (Свердловская область). Буквально «наступали на пятки» победителям спортсмены из г. Асбеста. Один из них — О. Брынцев одержал победу в личном зачете.

Спортивную стойкость показал В. Долгов (Уралмаш). В списке его результат последний. Но те из сорока спортсменов, кто показывал время тоже не очень высокое, просто сошли с дистанции, отказались от борьбы даже сами с собой. А Долгов — нет.

Команде-победительнице вручен кубок, а О. Брынцев награжден бесплатной годовой подпиской на «Уральский следопыт».

*С Новым
годом,
дорогие
читатели!*

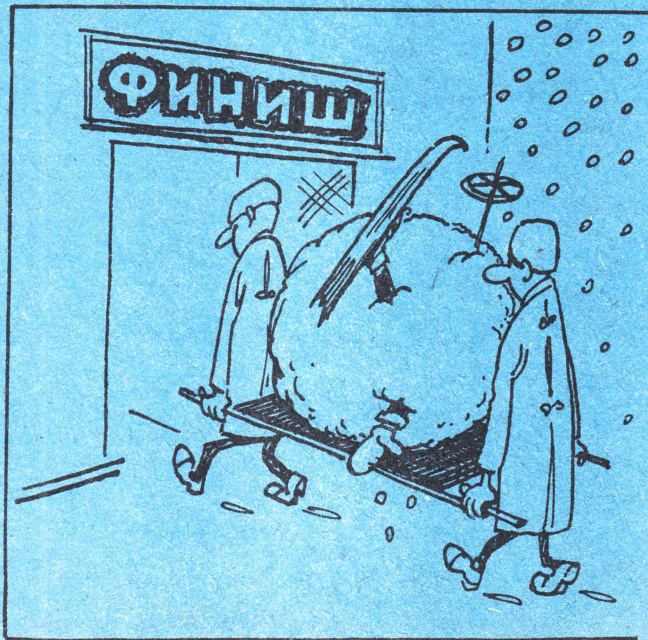

— Однако сегодня
не очень-то скользко!

Рисунки
А. Курицына (г. Москва),
В. Милейко (г. Ленинград)

Роса. 8/1 - 82.

РЕДКИЕ РАСТЕНИЯ РЕКИ ЧУСОВОЙ

УКРАШЕНИЕ ПРУДОВ И ОЗЕР

Кубышка желтая яркими солнышками покрывает воду озер, прудов, медленно текущих рек. Несмотря на простоватое имя, этот цветок из «хорошей семьи»: он в тесном родстве с белой кувшинкой, знаменитой лилией, роскошным лотосом... Впрочем, по-латыни кубышка именуется «нимфой», этот душистый яркий цветок — из семейства нимфейных.

Словарь-травник, изданный в Петербурге в 1898 году, приводит такое интересное народное поверье. При головной боли надлежало прикладывать к вискам сырые листья кувшинки-кубышки. Если листья сохнут — уйдет недуг,

если остаются мокрыми — значит, пользы эта процедура не принесет. Ну какие листья не будут сохнуть, если их вытащить из воды!! Совет, прямо скажем, сомнительный. Однако это поверье сохранило еще одно название растения — «одолень».

А вот то, что корневища водной нимфеи употребляются в пищу в вареном и жареном виде, вы прочтете и сегодня в любой энциклопедии. Только если будете снимать пробу, делайте это умеренно — пожалейте ставшее редким растение.

Фото В. Ветлугина